МОЛОДЕЖЬ СЕГОДНЯ — наиболее активная и деятельная сила страны. Еще в первые годы Советской власти юноши и девушки объединились в политический союз. Выдержал ли он испытание временем?

Фото Виктории ИВЛЕВОЙ

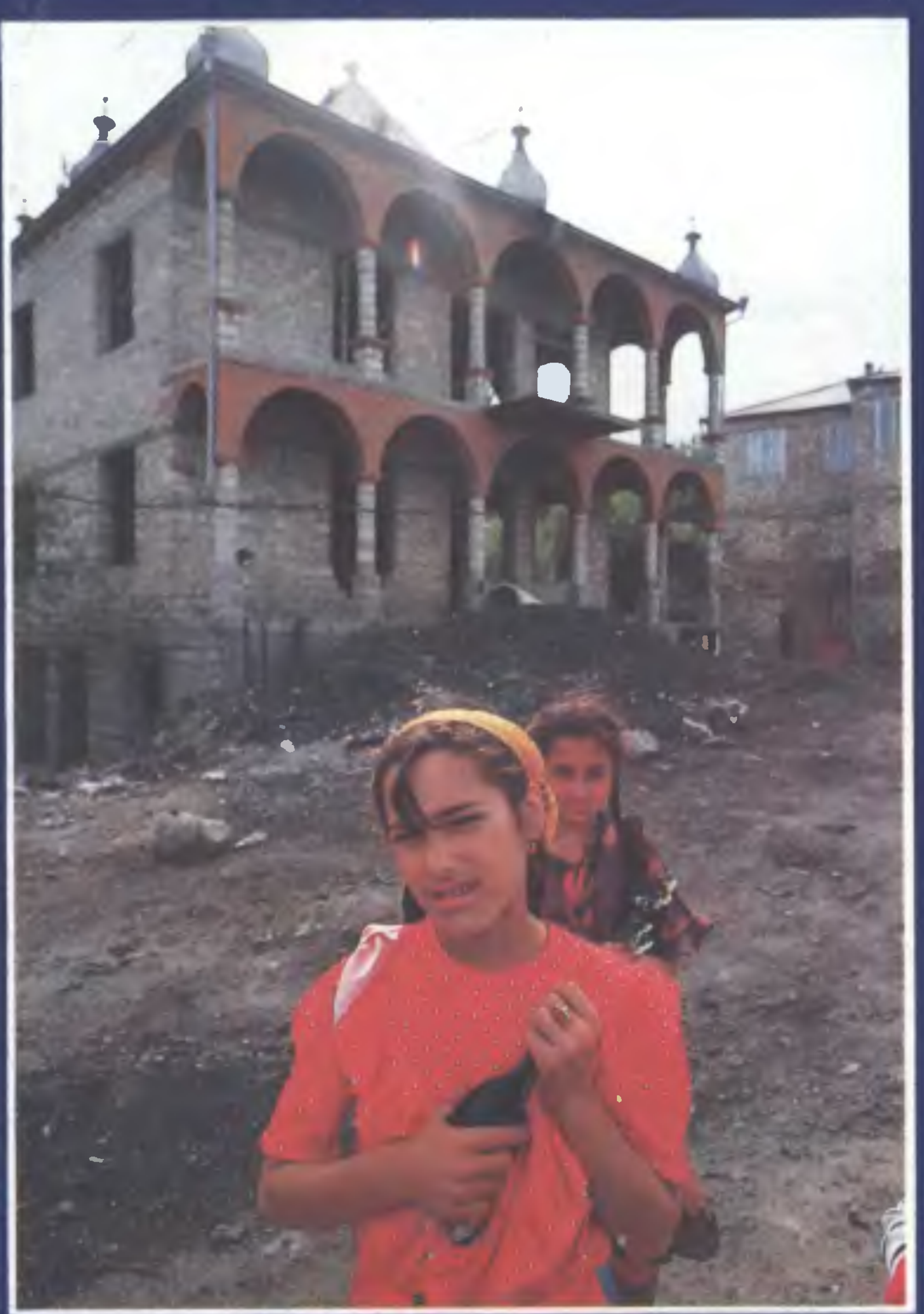

ОБ ЭТОМ ЧИТАЙТЕ в одном из ближайших номеров статью кандидата исторических наук Александра Строканова

70 коп.
Индекс 70798

РОДИНА

7/89

Карамзин о Ермаке и Кучуме

Высоцкий в Америке

Спасти Китай-город!

Где цыган деньги взял

РАДОНИЦА

В тот день, 9 Мая, была Радоница — поминовение усопших. В единственный действующий храм Новгорода тянулись верующие. Недалеко от города, в местечке со странным названием Мясной Бор заканчивались последние приготовления к похоронам.

«Об упокоении всех вождей и воинов на поле брани убиенных, от ран скончавшихся, в море погибших, за Отечество наше жизнь положивших»,— пели в храме...

Деревянные гробы, выкрашенные в красный цвет, уходили на дно котлована. Совершался древнейший обряд. Останки трех тысяч семисот двадцати человек принимала общая могила.

МЯСНОЙ Бор — это чахлый лес на бесконечном болоте. Единственная дорога, сохранившаяся еще с военных лет,— сплошная болотная жижа, которую ежедневно взбивают и перемешивают вездеходы, везущие людей в глубь леса. Везут, потому что идет всесоюзная «Вахта памяти».

Работа идет почти весь световой день. На дне воронок из серой грязи достают останки людей, складывают их в большие полиэтилвновые мешки, везут в лагерь и там сортируют: берцовую к берцовой, череп к черепу... Так один за другим прибывают на опушку леса бывшие солдаты оставшейся а этих болотах стотысячной 2-й ударной армии.

Радоваться или отчаиваться надо, когда из безвестия всплывают очередные миллионы безымянных, десятилетиями лишенных права на бытие и после смерти? А может быть, это историческая необходимость в новом обществе, где любовь к идее изначально противостояла любви к человеку?

После войны, а точнее, в 1947 году, Сталин дал указание подготовить данные о потерях. Назвали вождю цифру в 15 миллионов. «Отец народов» уменьшил ее до семи. Потом смерть его вернула нам 13 миллионов. 20 000 000 погибших — эта цифра была официально названа Хрущевым в 1961 году. Затем вроде бы вышли из безвестности еще два миллиона. Впрочем, и эта цифра не окончательная. Рой Медведев, скажем, говорит о 26 миллионах. Но не это главное. Важно, что только сегодня, спустя сорок четыре года после окончания войны, по инициативе ЦК ВЛКСМ в Министерстве обороны создана группа по установлению потерь и паспортизации воинских захоронений. Дело сдвинулось с мертвой точки. А раньше-то что, руки не доходили? Разруха, восстановление хозяйства, другие, более важные заботы? Но любопытный факт: уже в 1924 году был составлен полный отчет о потерях в мировой войне, причем с большой точностью.

Николай Иванович Орлов, нашедший в 1946 году случайно в лесу мертвого лейтенанта, вынимал у покойника, преодолевая страх и отвращение, из нагрудного кармана медальон, движимый, наверное, всего лишь любопытством. А лейтенант оказался одесситом, учился до войны в художествен-

ном училище. По письму Орлова приехала мать «без вести пропавшего» сына. «Без вести пропавший» — это значило не только, что человек без могилы, но и то, что и пенсия, и льготы семье погибшего не положены. Огромная экономия была на «без вести пропавших».

Один из немногих, кто вышел из окружения, рядовой 22-й стрелковой бригады Хусаин Валиахметович Хасанов рассказывал, как комсостав спорил: в какую графу заносить раненых, оставшихся в окружении: погибших или без вести пропавших? Раненые остались «без вести пропавшими».

Александра Ивановна Герасимова, тогда 15-летняя санитарка, вышедшая в числе 16 сотрудников госпиталя из окружения, живой свидетель того, как до последнего человвка умерли эти раненые. Как весь лес, на небольшом — в несколько километров пятачке,— где была окружена стотысячная армия, стонал, как их, обессилевших от голода санитарок, хватали за ноги раненые, умоляя не оставлять их в лесу. Как из последних сил они раненых несли и укладывали на плащ-палатки — скорее для того, чтобы просто не оставлять одних.

Так теперь ребята и находят «пропавших без вести»: снимают дерн, а на плащ-палатке лежат те самые раненые...

Разоренной стране-победитвльнице нужны были заводы и фабрики. На заводах росла потребность в металле. Молодежь с энтузиазмом выполняла план по сбору металлолома. В этих местах во время выполнения плана был найден штурмовик с останками двух летчиков. Их трупы выбросили, а самолет сдали на лом.

Совет Министров СССР издает постановления в 1965-м, 1975-м, 1979-м, 1988-м годах, где различные организации опять «добровольно» и на «общественых началах» обязывались обследовать места боев, захоронения, перезахоронения, выделить средства на сооружение памятников и обелисков, разминировать территории. На сегодня, по данным отдела военно-патриотического воспитания ЦК ВЛКСМ, из 59 территорий только Европейской части СССР, где шли боевые действия, как минимум половина практически не исследована, требуется повторное обследование мест боев для розыска останков и разминирования. Почти везде, где находились госпитали, необходим переучет захоронений воинов, партизан-подпольщиков, мирного населения. По тем же данным, незахороненными в СССР лежат от одного до двух миллионов павших, девяносто процентов которых на сегодня считаются «пропавшими без вести».

В Харьковской области Украинской ССР до сих пор стоит с послевоенных лет знак, обещающий увекоаечить память двадцати пяти солдат, повторивших у деревни Тарановка подвиг панфиловцев. Увековечение произошло, но оно не имело никакого отношения к погибшим у переезда, а выразилось в многомиллионном грандиозном и безымянном памятнике Победы в Киеве.

Смоленское областное начальстао тоже, видимо, мечтало о подобном грандиозном монументе на виду у всей страны. И едва не ответило данным памятником на очередное постановление, как началась перестройка, и возмутившийся народ забраковал идею. На смену ей в канцеляриях родилась, правда, новая. На земле, где лежат непогребенными и безымянными сотни тысяч солдат, погибших во время Смоленского сражения, в Ельнинском котле, решено было израсходовать «военно-патриотические» средства на увековеченив... Василия Теркина.

По всей стране действуют «неформальные» клубы военно-патриотического аоспитания. Именно их представители приехали в Новгород, на «Вахту памяти». И главным в эти дни было то, что уважение к народу, своей культуре рождалось тогда, когда из грязи, костей, железа выходили на свет один, другой, третий смертные медальоны, подобные тому, что нашел у своего первого лейтенанта Николай Орлов. Подобные тем, что находили его братья, двое из которых поплатились на минных полях жизнью за восстановление памяти народа на небольшом, асего в несколько квадратных километров, участке земли. Любовь к человеку, боль и сочувствие его судьбе — начало знания, что он, человек этот, есть целый мир, гибель которого — невосполнимвя потеря. И если с этим пониманием приходили к участникам «Вахты» ненависть к войне и насилию — не это ли главное Воспитание?

Трудно определить, сколько горечи и сколько радости в возвращении памяти. Наверное, горечи больше. И это хорошо. Потому что, пережив ее однажды, мы передадим это знание детям как самый важный дар. Как передают нам свой дар знания о войне те, кто вышел из Мясного Бора.

На всякий случай сообщаю номер счета Новгородского фонда экспедиции «Долина»:

001700637, Новгородское областнов управлвнив Жилсоцбанка.

Борис УТЕХИН

РОДИНА 7/89

Ежемесячный общественно-политический научно-популярный иллюстрированный журнал

Издание газеты «Правда»

Выходит с января 1989 г.

На первой обложке фото Юрия Козырева

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Москва
Издательство
«Правда».

7
ПОД ТРАДИЦИОННОЙ РУБРИКОЙ «ТОЧКА ЗРЕНИЯ»
авторы высказыаают мнения (которые редакция может и не разделять) по актуальным проблемам жизни нашего общества. На этот раз тема разговора — права человека.

18
«РОКОВОЕ ЛЕТО» —
так назаан отрывок из книги американского историка Уильяма Ширера «Взлет и падение третьего рейха», где автор повествует о событиях, предшествовавших второй мировой войне.

27
ПРОТИВОРЕЧИВОЙ ФИГУРЕ Л. Д. ТРОЦКОГО
посвящена подборка материалов, включающая и статью самого Троцкого «Национальное в Ленине», опубликованную 23 апреля 1920 года в «Правде».

34
СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ ИЗ УДМУРТИИ
стал героем фотоочерка Елены Скворцовой и Владимира Лагранжа «Дни и ночи доктора Шиляева».

41
«ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ —
одно из тех событий, которые определяют судьбы людей на многие последующие века...» — писал Карамзин. К юбилею этого великого события мы приурочили публикацию статьи Натана Эйдельмана.

60
НИКОЛАЙ КАРАМЗИН —
поэт и мыслитель начала XIX века, вошел в русскую культуру как автор «Истории государства Российского». Ему и главному труду его посвящена подборка материалов в нашей рубрике «Историки об историках».

66
«КИТАЙСКИЙ БОНАПАРТ» —
эта статья рассказыеает о карьере генералиссимуса Чан Кайши

72
В ОЧЕРЕДНОМ ВЫПУСКЕ «РАКУРСА» —
фотографии, сделанные городским головой Архангельска Яковом Лейцингером в начале нашего века.

78
СЕГОДНЯ
в условиях проведения экономической реформы страны многие ученые обращаются к опыту нэпа. Однако так ли были велики реальные успехи нашей страны в 20-е годы? Такой вопрос задает Григорий Ханин, автор статьи «Нэп в интерьере статистики».

86
НЕСКОЛЬКО КАДРОВ
из жизни японских дипломатов, их жен и детей предлагают вниманию читателей наши корреспонденты Сергей Воловец и Александр Земляничвнко в материале «Японцы в Москве».

91
СМОЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
благородных девиц — одно из самых знаменитых и престижных закрытых учебных заведений Российской империи. О нем в номере рассказывает известный писатель Олег Волков.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ВЕНСКИЙ ПРОРЫВ

Юрий КАШЛЕВ, посол по особым поручениям, профессор

В ряду важных итогов Венской встречи 35 стран Европы, США и Канады, завершившейся в январе этого года, стоят — вместе с военно-политическими, торгово-экономическими, экологическими — гуманитарные договоренности. При этом слово «гуманитарный» традиционно используется в широком смысле и объемлет права человека, контакты между людьми, вопросы культуры, образования, информации. Во всех этих сферах сделан шаг к расширению международного сотрудничества. Говорят даже о венском «гуманитарном прорыве». В чем конкретно он выражается?

Во-первых, существенно увеличено само поле общеевропейского гуманитарного взаимодействия. Например, если в Хельсинкском Заключительном акте, принятом еще в 1975 году, о правах человека говорилось лишь кратко и в общей форме, то в Венском Итоговом документе этому посвящены десятки страниц. Здесь конкретизируются некоторые социальные и экономические права (на труд, жилье и пр.), подробно говорится о гражданских и политических правах, в том числе религиозных свободах, свободе передвижения, праве на защиту в суде и т. п. Впервые подтверждается право граждан знать и активно (индивидуально или вместе с другими) защищать свои права, право осуществлять наблюдение за выполнением общеевропейских догоаоренностей; говорится о недопустимости злоупотребления психиатрией и антигуманного обращения с заключенными, о сокращении числа преступлений, наказываемых смертной казнью. Новые возможности открыты в области культуры (например, договоренность о взаимном создании культурных центров), массовой информации, образования.

Во-вторых, в Вене родилось и получило закрепление новое понятие — «человеческое измерение общеевропейского процесса». Оно включает в себя всю гамму названных выше и других гуманитарно-правовых договоренностей и одновременно определенный механизм их коллективного осуществления. Механизм этот предполагает двустороннее взаимодействие заинтересованных государств в тех случаях, когда требуется принять решение по конкретному гуманитарному вопросу (выезды, браки и пр.), а также многостороннее сотрудничество для систематического совместного рассмотрения проблематики прав человека и гуманитарных связей на специальных общеевропейских совещаниях. На ближайшие годы намечены три таких совещания в рамках единой конференции по человеческому измерению: в 1989 году в Париже, в 1990 году в Копенгагене и в 1991 году в Москве. На каждой могут подниматься любые вопросы, связанные с состоянием прав человека и другими гуманитарными аспектами как в любой из стран-участниц, так и в регионе в целом.

Заметно созвучие «человеческого измерения» с нашей советской концепцией «человеческого фактора», и это отнюдь не случайно. Многие вещи, появившиеся в Вене, стали возможны в первую очередь благодаря нашей перестройке, демократизации, гласности, благодаря новому политическому мышлению. Без этого успеха общеевропейской встречи не было бы.

Но все сказанное — пройденный этап. Договоренности достигнуты, человеческое измерение сформулировано и провозглашено, механизм создан. Что же дальше?

А дальше — самое главное. Практическое осуществление договоренностей, наполнение их реальным содержанием, налаживание бесперебойного функционирования механизма сотрудничества. Здесь многое будет зависеть от честности намерений всех сторон, их способности и желания вести себя конструктивно, неконфронтационно и, я бы добавил, самокритично.

Ведь в Вене и мы, и западные партнеры признали: проблемы прав человека, контактов между людьми, другие гуманитарные аспекты жизни являются универсальными, то есть касаются всех стран — и Востока, и Запада, здесь никто не может претендовать на непогрешимость или монополию. Каждый должен начинать не с кого-то, а с себя.

Советское руководство относится к задаче реализации буквы и духа венских решений со всей серьезностью. В газетном отчете о заседании Политбюро ЦК КПСС, проходившем 24 января, в частности, говорилось: «Руководствуясь тем, что венские договоренности действуют с момента их принятия, рекомендовано соответствующим министерствам и ведомствам СССР незамедлительно приступить к их практическому осуществлению». Мы, кстати, первыми из государств-участников опубликовали полный текст Итогового документа встречи («Известия» от 26 января, тираж — более 11 миллионов экземпляров).

Однако основная работа еще впереди. И следует со всей ответственностью сказать о том, что нашей стране предстоит сделать для осуществления венских договоренностей очень многое. Особенно в сфере прав человека и контактов между людьми. Главное здесь — осуществление согласованного в Вене положения о том, что все государства-участники должны привести свое национальнов законодательство в полное соответствие с международными обязательствами. Наши праовые акты, правила и инструкции на протяжении десятилетий составлялись без учета международных обязательств. Их сейчас надо приводить в порядок. Между прочим, именно советская делегация предложила, чтобы в государствах—участниках встречи были опубликованы все нормативные акты, касающиеся прав граждан. Что мы имеем на сегодняшний день? Законы у нас известны, а вот подзаконные акты, инструкции во многих случаях существуют только для узкого круга лиц. Это недопустимо в правовом государстве.

В Вене было подтверждено положение Международных пактов по правам человека о праве граждан покидать любую страну, включая свою собственную, и в нее возвращаться с учетом лишь тех ограничений, которые предусмотрены законом и совместимы с международными документами. В области контактов между людьми и выездов зафиксированы конкретные сроки (от трех месяцев до трех дней) для воссоединения семей, заключения браков между иностранцами и т. д. Расширены категории родственников, которые могут выезжать за рубеж по семейным обстоятельствам, упрощены визовые формальности для всех выезжающих и въезжающих. Говорится, что случаи отказа в визах по причинам осведомлвнности в государственных секретах должны по прошествии определенного времени пересматриваться, а сами сроки невыезда по секретности должны быть строго обоснованы и обнародованы.

Все эти элементы «человеческого измерения» общеевропейского процесса требуют теперь своего юридического и практического закрепления. Наша страна твердо намерена идти по этому пути.

ISSN 0235—708

ЗАПИСКИ НАРОДНОГО ДЕПУТАТА

Галина СТАРОВОЙТОВА

«ЭТНИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС» И СТЕРЕОТИП МЫШЛЕНИЯ

Весь прошлый год в Закавказье прошел под знаком «карабахской проблемы». Это не единственная коллизия в национальных отношениях и не первый случай возникновения напряженности в нашей стране. О других ситуациях мы часто знали меньше, поскольку наша пресса в недавнем прошлом была менее разговорчивой. Но специалистам были известны массовые выступления последних лет — в Грузии и Абхазии (в защиту языковых и культурных прав народоа — в 1978 году и теперь), в Орджоникидзе (1981), в Якутии (1985), в Алма-Ате (1986), в Цхинвали (1988), в Молдавии, Прибалтике и других местах.

ОТ РАСХОЖИХ ШАБЛОНОВ — К РЕАЛЬНОСТИ

Уникальна ли наша ситуация по сравнению с другими странами мира? И да, и нет. Этнические процессы бурно проявляются повсюду в современном мире. Они связаны, с одной стороны, с утверждением на арене мировой истории уникальных культур народов, считавшихся ранее отсталыми и обретшими свою государственную независимость относительно недавно. С другой стороны, всплеск этнического самосознания у народов, живших в «постиндустриальном обществе», вероятно, вызван неосознанным сопротивлением нивелирующему воздействию современных технологий и моделей образа жизни, угрожающих сохранению культурной традиции и национальной самобытности. Возрождение национального самосознания получило название «этнического парадокса» современности.

Даже в США, стране, где господствующей тенденцией этнических процессов долго считались взаимовлияние и сплавление культур, принесенных иммигрантами из разных стран, сегодня заметен рост интереса к языкам и традициям предков. Американские этнологи долго опирались в изучении этнических процессов в США на так называемую концепцию «плавильного тигля» («melting pot»), теперь она не вполне отражает объективную картину. «Мы думали, что у нас варится суп, а получился салат»,— шутят американцы по этому поводу.

Наше обществоведение долго, очень долго ограничивалось «застольным» воспеванием межнациональной гармонии и игнорировало остроту и напряженность реальных коллизий. А возникающие в этой сфере события замалчивались, загонялись внутрь и ждали своего часа. Пока мы ритуально скандировали лозунг о социальной однородности, углублялась тенденция социальной дифференциации.

Описание национальных реалий до самого последнего времени велось с помощью двух вульгарно-метафизических формул: «расцвет и сближение», а также «национальная по форме и социалистическая по содержанию» (культура). Но ведь эти внутренне противоречивые формулы не только не отражают существующей сложности этнокультурных процессов, но давно уже не выполняют и пропагандистской функции ввиду своей стертости, девальвированности.

В какой-то мере глобальные процессы характерны и для нашей страны. Однако у нас этнический парадокс имеет свои особенности, коренящиеся в тяжком наследии сталинизма, не вполне изжитом не только в практике национальных отношений, но и в теории.

Да и значительная часть терминов, сама концепция арсенала науки о нации нуждается в пересмотре. Необходимо, например, договориться об однозначной трактовке содержания таких ключеаых понятий, как «национализм», «патриотизм», «шовинизм», «интернационализм», «космополитизм» и др., а также уяснить, как они соотносятся между собой. Например, где проходит граница между национализмом и патриотизмом? Или: что следует понимать читателю под такими, например, газетными пассажами: «...вчера произошли новые столкновения между тамильскими националистами и сингальскими шовинистами...»? Какая из сторон хуже? И в каких терминах описывать сегодня выплеснувшиеся на улицы наших городов национальные движения? Среди самодеятельных неформальных движений прошлого года национальные оказались наиболее массовыми.

Ереаан 1988 года, говорят, вошел в Книгу рекордов Гиннесса по такому показателю, как доля постоянного населения, одновременно участаовавшего в демонстрациях. Нагорно-Карабахская автономная область поставила грустный «рекорд» по длительности забастовки. В Литве было собрано 1 миллион 800 тысяч подписей под наказами сессии Верховного Совета СССР, принимавшей поправки к Конституции. Полумиллионные митинги увидел Баку...

Нередко митинговая стихия захлестывала улицы и площади городов. Но вспомним о точном ленинском наблюдении: «...стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости, это несомненно» (В. И. Ленин, ПСС, т. 34, стр. 217). Исследовать движущие силы национальных движений, разбуженных перестройкой, нам еще предстоит.

Мы не располагаем пока адекватной классификацией всего многообразного спектра этих движений — от национально-культурных и движений за сохранение и возрождение исторических памятников до сепаратистских (между прочим, тоже конституционных), национально-освободительных и националистических.

Впрочем, пресса и так называемый здравый смысл (или обыденное сознание), не услышав суждений серьезной социальной науки, поспешили выдвинуть свои объяснительные схемы. В общем виде они сводятся к двум стереотипам: вульгарно-экономическому детерминизму и «концепции заговора».

Согласно первой схеме, достаточно улучшить снабжение региона продуктами и товарами, чтобы национальные чувства успокоились. Весьма обычная мера из арсенала национальной политики — инвестирование в экономику соответствующего региона. В начале развития карабахских событий можно было услышать обывательское рассуждение типа «колбасы им не хватало». Но в данном конкретном случае такие, казалось бы, необходимые меры по социально-экономическому развитию всех проблем не решают. Впрочем, это можно видеть и на зарубежных примерах: вроде бы в Ольстере колбаса продается не по талонам, однако кроаопролитие на почве национальных столкновений длится там уже не первый год. В чем же дело? Ход событий показал, что в национальных процессах очень высока значимость надстроечных, субъектианых факторов, и тут необходимо предпринять именно политические шаги для урвгулирования конфликта.

Второй привычный стереотип рассуждений укладывается в «схему заговора» кучки внутренних экстремистов (провокаторов, внешних подстрекателей, например, агентов мировой буржуазии, любых злоумышленников, вплоть до «жидо-масонов»). Народ, согласно этой схеме, отождествляемый с толпой, подобен неразумному дитяти, который легко и надолго становится игрушкой темных (коррумпированных, мафиозных) сил и не способен на собственные сознательные действия, отвечающие его насущным потребностям.

Идея внешнего вредоносного влияния уходит корнями в глубинные пласты человеческого сознания, мыслящего в рамках «мы — они», где «они» — это весь враждебный, чуждый социальный мир, например, колдуны из соседнего племени, насылающие мор или неурожай и т. д. На этой идее замешены и ксенофобия, и шовинизм. К подобной точке зрения близка мысль о всеобщей ответственности за массовые выступления мафии, осуществляющей «отвлекающий маневр».

Как честные налогоплательщики, мы вправе вопросить: как долго «коррумпированные элементы» будут отвлекать внимание наших детективов митингами и демонстрациями и оттягивать торжество правосудия?

Теперь наше общество осознает тяготы своего пути. Мы познали бездушие отчужденной от народа власти, мы познали кризис культурной преемственности, утрату исторической памяти, нереализованность светлых идеалов, за которыми шли энтузиасты 20-х и 30-х годов. Мы были долго лишены «внутренней политики»; возможность участвовать в ней нам вернули перестройка и обновление. Но человек всегда остается — по Аристотелю — «животным политическим», и неудовлетворенная потребность в активном социальном действии ищет своего выхода. В условиях недавнего взаимного отчуждения государства и общества именно эта потребность заставила многих людей обратиться к извечным, естественно-исторически сложившимся институтам — к семье, к нации.

Социологи еще в 70-х годах заметили, что господство административно-бюрократической системы не менее, если не более, чем рост образования, вынуждает личность обратиться к фундаментальным основам бытия, а также к своим корням, своим истокам. В условиях становления гражданского общества еще больше возрастает значимость национальной общности, ведь именно для этого общества характерно обилие и богатство горизонтальных (а противовес вертикальным) связей, сила общественного мнения как регулятора социального поведения, возвращения морали в политику. Многие из этих черт уже имеются в готовом виде в той разновидности социума, который мы называем нацией. Ведь что такое нация, как не естественное живое тело гражданского общества? Государственный аппарат призван лишь обслуживать нужды этого общества (высокое призвание!). И пока национальное развитие полностью не исчерпало своих возможностей, сбрасывать со счетов национальный фактор не приходится.

Если исходить из приоритета гражданского общества над государственностью, то допустимо утверждение, что право нации на самоопределение может быть поставлено даже выше идеи государственного (или республиканского) суверенитета.

О БУДУЩЕМ НАШЕЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. И. Ленин не успел провести в жизнь план построения многонационального государства на принципах подлинного федерализма. Многие народы вошли в состав РСФСР (этой федерации внутри федерации), а впоследствии и других союзных республик — Азербайджана, Грузии, Таджикистана, Узбекистана — на правах автономий разного ранга, подчиненных союзным республикам. Тем самым принцип федерализма был существенно потеснен практикой автономизации, а сами народы оказались стоящими в разной позиции по отношению к органам центральной государственной власти: одни имеют с центром прямые связи, другие — связи, опосредованные органами национальной государственности другого народа.

Сегодня у нас четыре типа национально-государственных и национально-административных образований: союзные и автономные республики со своими конституциями, автономные области и округа. Критерии определения статуса этих единиц неясны. Ссылка на высказанные Сталиным (1936 г.) требования к союзной республике — наличие внешней границы и не менее миллиона насвления — никогда не были законодательно закреплены и вряд ли могут быть признаны обоснованными. Да и сам механизм создания новых или восстановления старых автономий не сформирован. Недостаточно разнообразны формы культурно-национальной автономии для народов, расселенных в другой этнической среде. До начала 30-х годов сущестаоаала бóльшая, чем теперь, дробность первичных национально-административных образований — тысячи национальных сельских Советов и сотни национальных районов, что позволяло проводить более гибкую, дифференцированную кадровую, культурную, школьную политику, отвечающую интересам различных национальных групп.

Однако в государственной системе это не нашло своего отражения. Устройство Верховного Совета СССР предполагает участие в нем всех народов страны (перепись учитывает их около 120), однако реально в прежнем Совете Союза состояли представители около 40, а в Совете Национальностей — около 60 народоа (причем список первых сорока, наиболее многочисленных, повторялся в обеих палатах). Иначе говоря, в высшем органе государственной власти была представлена примерно половина народов, правда, крупнейших.

Различие названий палат не должно вводить в заблуждение: до последнего времени состав постоянных комиссий в них был соаершенно идентичным, и национальная палата до сих пор нв выполняла особых функций, связанных с разрешением национальных проблем, подобно прежнему Наркомату национальностей. Палаты различались только принципом представительства — Совет Союза набирается от территорий, с учетом численности населения, а Совет Национальностей — от рвспублик и других национально-территориальных образований, население которых, впрочем, всегда многонационально. От отдельных национальностей (принцип раздельного электората, применяемый кое-где за рубежом) депутаты не избираются. Новая избирательная система также не дает никаких гарантий представительства национальностей в высшем органе государственной власти. Представительство республик зависит и от внутренних структур: при наличии более дробных подразделений число депутатов увеличивается. Так, Украина может избрать только 32 депутата, а Грузия — в общей сложности 59 депутатов: дополнительно по 11 от Аджарской и Абхазской АССР и 5 — от Южно-Осетинской автономной области.

Есть и другие поводы для размышлений. Например, почему бы республикам, имеющим в своем составе автономии (например, а России их 31), не создать в своих Верховных Советах вторую (национальную) палату?

Иногда раздаются голоса за переход от «древовидной», ветвящейся иерархической системы взаимозависимостей национально-государственных образований к «горизонтальной», когда все подчинялись бы напрямую единому центру. Имеет смысл, на наш взгляд, прислушаться и к сторонникам равного представительства всех народоа страны в национальной палате, поскольку национальные культуры равновелики независимо от численности их носителей.

Весьма существенным остается вопрос о перезаключении Договора об образовании СССР. Во-первых, потому, что на практике произошел значительный отход от постулированных в нем когда-то принципов, да и сегодняшняя

реальность требует пересмотра перечня тех полномочий в политической и экономической сферах, которые республики делегируют центральному федеральному правительству. Во-вторых, с 1922 года изменился и сам состав суверенных субъектоа Договора (так, республики Прибалтики его не подписывали, а за Азербайджан, Армению, Грузию договор был подписан руководством Закавказской федерации).

Само соотношение прав и обязанностей центра и республик, а также содержание прямых межреспубликанских хозяйственно-культурных связей (минуя центр) нуждается сегодня в пересмотре. Сочетание сильного и компетентного центра с экономико-культурным республиканским разнообразием (в системе разделения труда, учитывающего природные особенности и сложившиеся традиционно производственные структуры), развитие многосторонних связей между всеми членами обновленного союза могло бы способствовать его консолидации.

И еще одна государственно-правовая проблема. Она касается непосредственно каждого советского гражданина. Как известно, во многих странах (практически во всех) национальность людей в личных документах не фиксируется. У нас есть графа национальности, но притом принята весьма архаическая практика определения национальности. Она определяется не по самосознанию людей (этот принцип действует только при проведении переписи населения), а «по крови», по биологической принадлежности одного или обоих родителей. Этот позорный принцип находится в вопиющем противоречии с многократно постулированной идеей примата социального над биологическим во всем, что касается человека. Миллионы наших сограждан от этого испытывают определенные трудности. Значительное количество людей проживает в иноэтничвской среде в крупных городах (около 55 млн. чел., или почти 20% населения страны), много родилось в результате национально-смешанных браков, которых насчитывается около 10 миллионов по стране. И почему сын, допустим, армянина и латышки, родившийся в Москве или Калуге, не знающий никакого другого языка, кроме русского, должен по достижении 16 лет обозначить себя латышом или армянином? Чаще же в такой ситуации он ощущает себя русским. А если его родители, в свою очередь, рождены были в смешанных браках? Вероятно, нашлось бы немало желающих записаться (как это и принято в наших заграничных паспортах) просто как «советские», но дейстаующая милицейская инструкция искусственно затрудняет в этом случае естественный процесс.

Иногда предлагается просто отменить графу «национальность». Однако данные пробных этносоциологических опросов в разных регионах страны показывают, что в большинстве население против отмены «паспортной» национальности (например, 70—80% молдаван и грузин, около 65% населения Москвы). Дело здесь, видимо, не только в привычке, но и в боязни «потерять свое лицо». Люди видят в этом первый шаг на пути к ассимиляции более многочисленным народом.

И, может быть, разумно уже сегодня в порядке эксперимента для желающих разрешить отказаться от этнического самоопределения — пусть в их паспортах появится прочерк в графе «национальность» или просто будет написано — «советский». Наверное, пора решить два волроса: о сужении круга документов, в особенности детских, в которых фиксируется национальность, и одновременно расширить число факторов этнического самоопределения и признать наиболее значимыми родной язык и этническое самосознание.

Каждая нация, этнос, формируется и существует в определенных природных условиях. Экологическая опасность грозит не только природно-ландшафтным комплексам, не только отдельным гражданам, но подчас этносу в целом. Такое осознание надвигающейся беды возникло в Эстонии (в связи с проектом разработки фосфоритов), в Армении (деятельность АЭС в сейсмической зоне, в центре крошечной этнической территории армянского народа, а также наличие химических производств в Кироваканe и самом Ереване), в Грузии (проект строительства Транскавказской железной дороги), на Украине и в Белоруссии (достаточно напомнить о Чернобыльской трагедии, химических и горнодобывающих предприятиях), в Казахстане (часть которого стала полигоном испытаний ядерного оружия), в Приаралье и т. д.— практичвски на всей территории страны и за ее пределами — у наших соседей.

Нвредко новый подход к этноэкологическим проблемам выступает альтернативой приоритету экономической рентабельности хозяйствования и использования ресурсов.

Недавно (1988 г.) Эвенкийский Совет народных депутатов воспользовался своим прааом и наложил вето на проект строительства Туруханской ГЭС, который угрожал значительной части этнической территории эвенков. Это пример нового уровня осознания ответственности за будущее своего народа.

Мировое сообщество сегодня понимает необходимость отказа от понятия «отсталые народы». Признается, что нужен равноправный диалог со асеми как с суверенными партнерами. Ответственностью за будущность малых народов, создавших в экстремальных услоаиях (арктических, высокогорных, пустынных и др.) своеобразные типы этнических культур, проникнут ряд последних международных документов — например, принятый в 1988 г. документ, названный «Частичный пересмотр положений Конвенции 1957 г. (№ 107) о коренном и другом населении, ведущем племенной образ жизни». Мировое сообщество наконец приходит к пониманию того, что надо отказаться от искусственного осовременивания образа жизни таких народов, оно заявило об уважении и необходимости охраны, о признании приоритета их экологичных систем природопользования на своих этнических территориях.

«ПЕРВЫЙ СРЕДИ РАВНЫХ»

«Русский вопрос», отнюдь не сводимый к пресловутой загадочности русского национального характера, сегодня снова стоит в повестке дня. От его решения зависит будущее всех народов нашей Федерации.

Положенив русского народа сегодня во многом парадоксально. Крупнейший народ страны играет ведущую роль во всех основных сферах ее политической, культурной и хозяйственной жизни. Русские широко представлены в высших эшелонах государственной власти, а также в партгосаппарате всех союзных республик. Как известно, второй секретарь ЦК, обкома или райкома в национальных республиках и областях, как правило, русский. Иногда они занимают даже первую должность в национальной республике. Высока доля русских среди руководства творческих союзов, Академии наук СССР и так далее. На русском языке издаются все центральные газеты и журналы, ведется вещание Центральным радио и телевидением, делопроизводство и т. д. Таким образом, русский язык фактически играет роль государственного языка, а не только языка межнационального общения. И в то же время в своей собственной республике — РСФСР — русские многого лишены. Например, они не имеют академии наук. Более того, Россия, по сути, не имеет столицы! Ведь Москва — столица многонационального государства, и влияние общесоюзных ведомств здесь неизмеримо сильнее, чем республиканских органов.

Исключительность положения русских — в том числе и в своей собственной республике — даоякая, и она сама по себе может вызывать разную, в том числе и негативную, оценку со стороны как самих русских, так и представителей других этносоа. К сожалению, в обыденном сознании ошибки нашего исторического пути тоже нередко связываются с русскими, ведь именно русские или русифицированные кадры в республиках осущестеляли политику сталинизма, потом политику аолюнтаризма, потом — политику застойных лет.

Положение русского народа в сложиашейся системе межнациональных отношений не вполне удовлетворяет ни самих русских, ни представителей других народов советского многонационального сообщества. Спору нет, русский народ объективно находился, да и сейчас находится в особом положении. Эта особость связана с историей формирования нашего многонационального государства вокруг русского национального ядра, с огромным и неоднозначным влиянием на судьбы этого государства русской культуры и русских политических традиций, наконец, просто с многочисленностью русского народа (по переписи 1979 г. из 262 миллионов человек населения СССР русских было 137 миллионов).

Бесспорно, однако, и другое. Превращение Российской империи в союз равноправных народов предполагало отход от имперской системы ценностей и перенос акцентоа в самосознании русских с государственных на те же, что и у любого другого народа, непреходящие ценности народной жизни, национальной культуры. При таком подходе всякое подчеркивание национальной исключительности, аыяснение вопроса о том, какой народ «первее», выглядит нелепостью, историческим анахронизмом.

И русский народ оказался жертвой именно такой нелепости. В сталинские времена, особенно в послевоенный период, старательно подчеркивались особая миссия и особые тяготы, выпаашие на долю русского народа. В тексте торжественной речи на привме в Кремле, посвященном великой победе, Сталин назвал русский народ «наиболее выдающейся нацией, заслужившей общее признание как руководящая сила». Историческая роль России в сознании огромной державы отражена и в тексте Государствнного гимна — «...сплотила навеки Великая Русь...» Таким образом, предлагалась схема федератианого союза партнеров, один из которых — первее других...

Огромность русских земель расцениаалась издавна (в переписке Екатерины II с французским просветителем, а также В. Ключевским, Н. Бердяевым и др.) как причина особого пути политического развития страны, а также как этнопсихологический фактор, обусловливающий «власть пространства» над русским мировосприятием, над русской душой. К сожалению, не столько история, сколько география является доминантой русского самосознания.

Назойливое подчеркивание «первенства среди равных», неизменный эпитет «великий» (армянский или таджикский народы могли быть «древними», «трудолюбивыми», «гостеприимными» и т. д., но «великим» мог быть только русский народ) могут вызвать естественную обиду других народов. А такая словесная исключительность убаюкивала и самих русских, препятствовала естественной консолидации сил, связанной с закономерным ростом национального самосознания в процессе вызревания гражданского общества.

Когда центральная власть совершала преступления или ошибки, грузины, эстонцы или узбеки все же имели дополнительный эшелон самозащиты, могли — хотя бы изредка — добиться каких-то уступок, например, в сфере культуры, ссылаясь на свое национальное своеобразие, исторические особенности и т. д. Забавные, но характерные примвры: нерусские солдаты в армии легче могут получить разрешение командира на ношение усов, чем русские. Кинжал горец может иметь в качестве части национального костюма, а для русского или белоруса ношение холодного оружия может стать поводом судебного преследования. Так что у русских этой линии «самообороны» — со ссылкой на национальную специфику — не было, и обычно им приходилось платить по всем счвтам без всяких скидок. Отсюда другая причина культурно-исторических утрат русского народа, та, что именно на его базе в послесталинское время ускоренно формировалась новая историческая общность — советский народ. Думается, что ставить под сомнение реальность этой общности, как делается некоторыми авторами (Чепайтис В. Два пути. «Согласие» № 2, 1989, 2 февраля), нет достаточных оснований: в стране двйствительно сложилось огромное метаэтническое образоаание с однотипной социально-профессиональной структурой, опирающвеся на общую идеологию, русскоязычную нетрадиционную культуру и обладающее общесоветским самосознанием. Глубина взаимопроникновения черт этой общности и национальных культур различна: возможно, их наибольшая идентичность достигнута в русской среде. Однако советский народ, считает В. Чепайтис, «создается не на основе русской культуры как единой системы, а лишь на базе нескольких вырванных из контекста этой культуры стереотипов с приложением множества других». В силу изменения демографической ситуации — ускоренного воспроизводства народов Средней Азии и др.— нельзя быть уверенным, что дальнейшее формирование метаэтнической общности будет по-прежнему базироваться имвнно на русских (или шире — на христианских) культурных стереотипах.

Отчасти по этой причине русский народ более интернационализирован. И потому создается впечатление, что всв русское как бы лишь составляет фон для иных национальных проявлений. Но так как этническое существует объективно и на современном этапе развития, по-видимому, никуда не собирается исчезать, то в конце концов оно дает себя знвть в самых неожиданных формах. Возможчо, В. Чепайтис прав, связывая деятельность «Памяти» с запоздалым сопротивлением утрате национальных черт. Сопротивлением, добавим мы, пытающимся использовать неадекватные средства и зовущего на бесперспективный путь национальной замкнутости, сохранения мнимой «чистоты крови» и т. п.

Нам, русским, еще не раз придется всматриваться в собственное отражение в зеркале социальной реальности, узнавая и не узнавая свои черты. Вопрос о русском характере не нов, но остается ли неизменным сам этот характер? Тот ли это народ, каким он был вчера или позавчера? Бунтарь и богоносец, взыскующий Третьего Рима, провозвестник «света с Востока» для загнивающего Запада?

Когда-то наблюдения Ф. Энгельса применительно к английскому обществу позволили ему сделать вывод о возможности радикальных изменений характера народа за исторически краткий период в 60—80 лет. В работе «Положение рабочего класса в Англии» он говорит о неузнаваемом населении страны, «которое состоит из совершенно других классов, мало того, **составляет совершенно другую нацию** с другими нравами и с другими потребностями, чем раньше» (подчеркнуто нами.— **Г. С.**).

Социально-экономические процессы за 60—80 лет нашей истории были не менее бурными, чем а Англии периода промышленного развития, да еще сопровождались **тремя** войнами — двумя мировыми и одной войной тоталитарной системы против своего же народа. Страшный социальный смерч истребил русскую интеллигенцию, сорвал с родных мест и почти уничтожил крестьянство, на протяжении веков бывшее главным создателем и хранителем народной культуры. Могло ли все это не сказаться на духовном облике народа, на его жизнеощущении, на его этническом **самосознании?** Один простой человек а Эстонии — Энн Рооба, могильщик на старом русском кладбище в Таллинне,— так объяснил мне свое понимание судьбы русских мигрантов в Прибалтике: «Человек отличается от любого животного кроме души, тем, что он имеет кое-что, имеет имущество. Эти бедные русские не виноваты, что им пришлось покинуть свои родные края, когда после коллективизации у них ничего не осталось. Стало возможным взять чемодан и уехать куда угодно. Как можно любить родину, где ничего твовго уже нет? А вот если знаешь, что твоя корова стоит в хлеву голодная, будешь даже ночью рвать ей траву голыми руками и никуда не поедешь...»

Геноцид сталинских репрессий подкосил русский народ так же, как и другие народы, и среди многих народов нашлись желающие взять на себя роль палачей своих соплеменников. Тут, казалось бы, все равны. Но мне кажется, что есть еще одно последствие тяжких лет нашей истории: были уничтожены **не всв** без разбора, а **лучшие** — самые смелые, самостоятельные, ответственные и инициативные — словом, те, кто вырос повыше общеподстриженного газона. кто мог поднять руку не «за», как все, а «против», кто имел свой голос, кто первым высовывался из окопа, ведя других в атаку... Так что война, как и сталинизм, истребляла с большей вероятностью все же лучших. Можно понять писателя В. Астафьева, задающего тревожный вопрос о том, не изменился ли сам генофонд русского народа в результате этих потерь?

Действительно, когда слышишь ущербные, граничащие с психопатологией призывы к «чистоте крови», к утверждению своего превосходства если не над всеми народами, так хоть над одним из них, трудно поверить, что и такую форму этнического самосознания мог породить великий и полноценный народ, занимающий видное место в многонациональном государствв. Тревога «Памяти» обоснованна, но ее рекомендации не могут помочь излечению русского народа, поскольку сами болезненны. Они указывают ложные ориентиры, уводят от реальных проблем и могут породить нездоровые мифы в русском самосознании. Невольно вспоминается мысль П. Я. Чаадаева о том, что единственно «критический» патриотизм может быть плодотворен. «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклонвнной головой, с запертыми устами... Я думаю, что врвмя слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной».

Русский народ, конечно, изменился, и мы нв знаем сегодня хорошо, что представляет из себя этот народ, прошедший через такие испытания, имеющий такие демографические провалы, такие разрывы в своей культурной памяти, расселенный на столь необъятных. слабо сообщающихся между собой территориях. Сегодня этот народ опять представляет собой загадку — и уже не столько для зарубежного советолога, сколько для нас самих.

И русскому, и другим народам страны сегодня близка формула Ч. Айтматова: каждая нация стремится быть не только сытой, но и вечной. И это стремление не исключает единства человечества — единства, реализуемого в богатом разнообразии национальных культур.

„Я ПЕРВЫЙ СМЕРИЛ ЖИЗНЬ ОБРАТНЫМ СЧЁТОМ..."

Геннадий ВАСИЛЬЕВ

ДВА МАСТЕРА

Входишь в Нью-Йоркскую студию Михаила Шемякина и сразу же видишь гитару с черным бантом на грифе. Оиа стоит прислоненная к мольберту у перегородки, разделяющей большой с высокими потолками зал.

— Это гитара Володи,— говорит художник.— Каждый раз, когда он приезжал в Париж, затем в Нью-Йорк, он брал ее в руки, ставил на мольберт тетрадку с текстом и пел. Сначала я его заставлял: «Володя, ты должен это сделать. Это нужно нам всем, народу!» А потом он сам привык. Вставал, выпивал кофе и говорил: «Пошли работать». А я подстраивал звукозаписывающее оборудование. Купил лучшую аппаратуру, какую можно было приобрести. Так и напел он десятки катушек пленки. В 1987 году я издал альбом грампластинок, семь дисков...

Нежная дружба связывала Владимира Высоцкого и Михаила Шемякина, этих двух отнюдь не сентиментальных людей. В архиве художника хранится немало писем Высоцкого, искренних, трогательных, полных абсолютного доверия к своему другу, писем, в которых после подписи обычно идет нарисованный одним росчерком пера автопортрет автора. В одном из них поэт пишет: «Конец «Охоты на волков» — это посвящено Михаилу Шемякину. И я придумал эту песню из-за него. «Купола» — этим я тоже обязан ему. Это для него. И самая серьезная моя песня «Я был слаб и уязвим!» Миша! Это ты мне дал эту идею».

Их путь не был усеян розами. Но ни тот, ни другой не склонили голов перед законодателями «истинности» — в искусстве ли, в жизни. «Спасите наши души. Мы гибнем от удушья...» Думаю, во всей нашей поэзии нет слов, которые точнее и проще бы выразили мироощущение мыслящего человека в те достопамятные годы.

Высоцкого казнили тем, что отказывали ему в официальном признании. Поистине народный артист, он не имел даже звания заслуженного. Да что там звания! Было выпущено всего две пластинки с наиболее безобидными песнями. Но его знали все. Привычное нам чудо — магнитофон — сделало Высоцкого обитателем миллионов квартир, нашим постоянным спутником.

У Шемякина в этом смысле положение было сложнее. Художнику, чтобы выйти к зрителю, нужны выставки. Все юношеские экспозиции Шемякина — и в редакции журнала «Звезда», и в «Эрмитаже», где он выставился в составе других молодых «такелажников»,— постигала одна и та же участь: через несколько дней их закрывали, работы чаще всего конфисковывали, а организаторов выставок сурово наказывали. А директор картинной галереи в Новосибирском академгородке М. Макаренко, устроивший в 1967 году ретроспективную выставку молодого художника-нонконформиста, был даже осужден и отправлен в заключение.

В послесловии к изданному в Нью-Йорке на свои средства четырехтомнику произведений Высоцкого (три тома текста, четвертый — иллюстрации Шемякина) художник пишет: «Володя часто говорил: «Миша, как мы с тобой похожи! В Германии в детстве были, отцы военные и жили рядом бок о бок, и в Питер я приезжал, ведь мы же с тобой могли быть вот так! А получилось, что встретились только здесь, на Западе...»

Несмотря на некоторую разницу в возрасте — Высоцкий был на шесть лет старше Шемякина,— они принадлежали к одному поколению, были детьми одного века. Пережили те же подъемы и спады общественной жизни, работали где-то рядом, но знакомы лично не были. Встретились лишь за границей, в Париже, где с 1971 года обосновался Шемякин, вытесненный из своей страны блюстителями праведности в искусстве. Познакомились и стали друзьями на всю жизнь. Эта дружба включала трогательную заботу друг о друге, обширную переписку, встречи... И, случалось, загулы в русских ресторанах Парижа, когда оба, как выражался Высоцкий, «входили в пике». Но не эта гульба была сутью, основой всего. Шемякин пишет: «Обычно считают, что художник — пьяница, поэт — само собой разумеется. Писатель, музыкант... Когда-то Ван Гог сказал: «Ха, Микеланджело обвиняют в пьянстве. Хотел бы я посмотреть на этого пьяницу — который работает на таких лесах, делает такие вещи, и в состоянии не свергнуться вниз!» Образ Высоцкого в русском сознании тоже складывался как образ такого поэта-хулигана: полу-Маяковский, полу-Есенин, и еще покруче, а на самом деле когда Володя пил, петь и говорить он просто не мог.

Для него самое любимое в жизни было — сидеть в тишине. Разбирать репродукции, марки... Люди не понимают простого: для того, чтобы Володе создавать его вещи, ему нужно было быть абсолютно, предельно четко трезвым — как хирургу, который делает операцию на глазу, рука не имеет права дрогнуть — будет разрезан нерв, и конец глазу. Володя выполнял эту операцию с блеском, когда он творил он был трезв. Все его творчество — это творчество одного из трезвейших и самых печальных аналитиков земли русской... Мне выпало счастье познать его как чело-

Рисунки М. ШЕМЯКИНА к песням В. Высоцкого.

«ПОБЕГ НА РЫВОК»

Был побег на рывок — наглый, глупый, дневной.
Вологодского — с ног, и вперед головой!..

века, познакомиться с ним, узнать глубину его души, его чуткость, его боль».

Это была дружба двух творцов, поэта и художника, в которой каждый как бы «подзаряжался» от другого. Причем Шемякин никогда не упускал возможности подчеркнуть, что он — только второй. Высоцкий же — первый. «Я всегда преклонялся перед ним, как перед человеком, бесконечно чтил его как творца,— говорит Шемякин.— Он был сложившийся Мастер, великий художник, я же еще иду к намеченной мною в искусстве цели, и потому я часто мучил себя сомнениями: достоин ли я его дружбы?»

— Вот последняя весточка от Володи... В тот последний приезд Высоцкого мы с ним разминулись. Я тогда был в отъезде. И прочитал стихотворное послание только после возвращения.

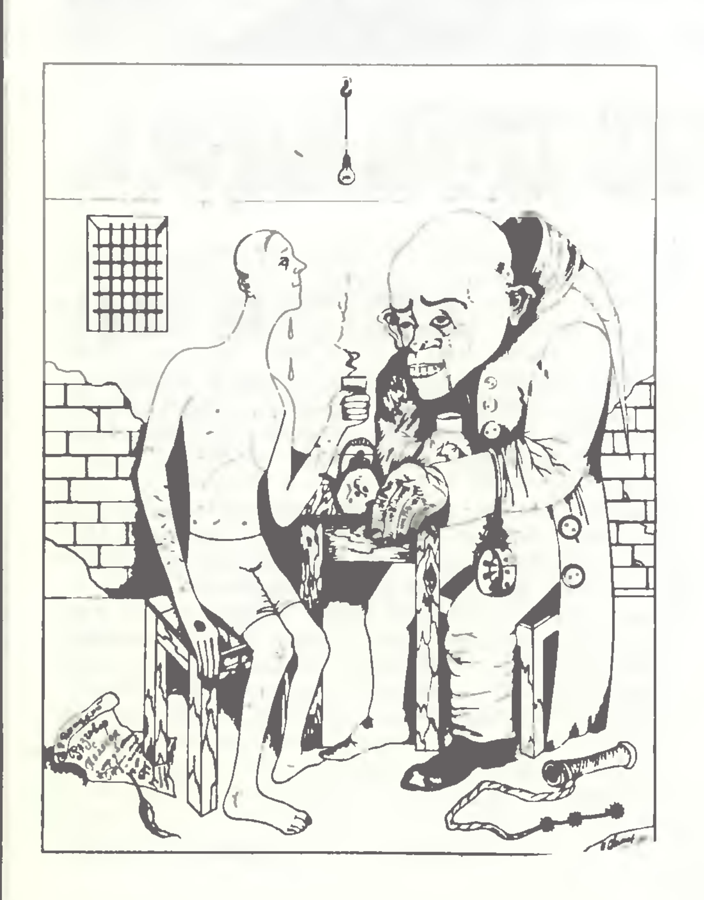
Он дал мне в руки слегка пожелтевший лист бумаги, по верху которого написано: «Две просьбы». А ниже: «М. Шемякину — другу и брату — посвящен сей полуэкспромт». Есть там такие строки:

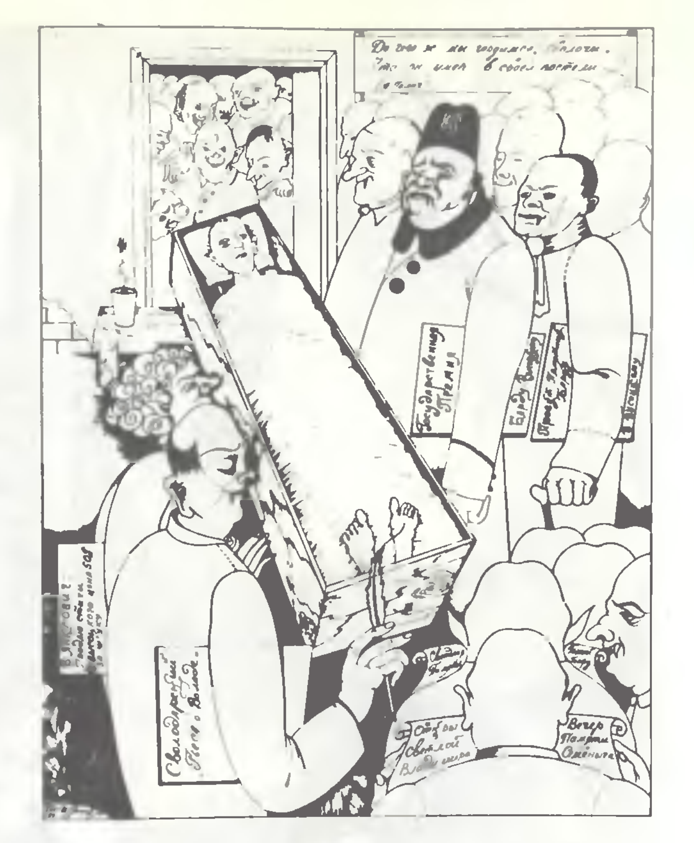
Я — снова Я, и Вы теперь мне верьте, я
Немногого прошу взамен бессмертия —
Широкий тракт, холст, друга да коня.
Прошу покорно, голову склоня,
Побойтесь Бога, если не меня,
Не плачьте вслед, во имя Милосердия!

Чту Фауста ли, Дориана Грея ли,
Но чтобы душу — дьяволу — ни-ни!
Зачем цыганки мне гадать затеяли?
День смерти уточнили мне они...

Внизу подпись: Высоцкий, Париж. И дата: **«1 июня 1980 года».** За месяц до смерти...

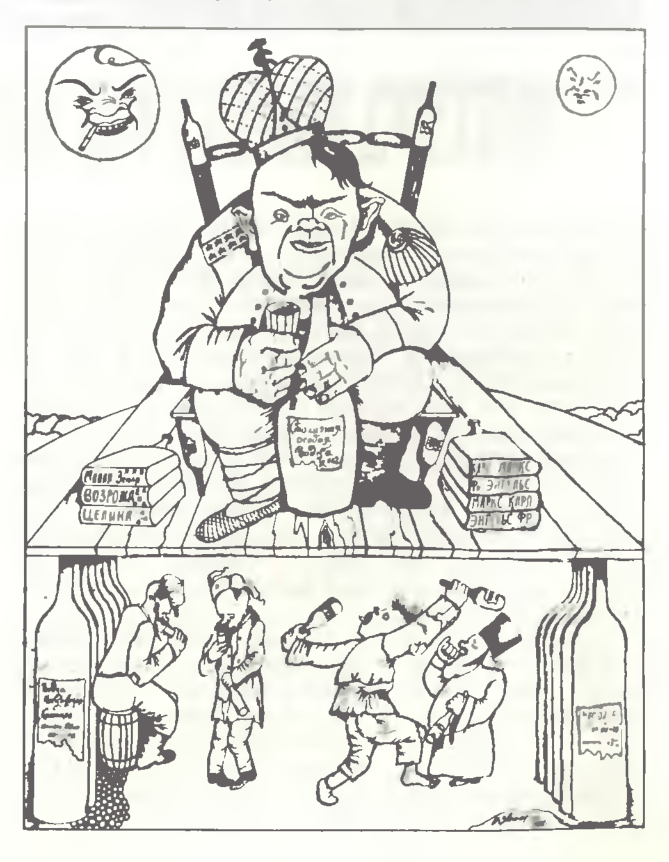
«РАЗГОВОР С ПАЛАЧОМ»
(Текст не обнаружен)

«МОИ ПОХОРОНЫ»
Сон мне снится: вот те нв — гроб среди квартиры,
На мои похорона съехвлись вампиры...

«В ОДНОЙ ДЕРЖАВЕ, С НАСЕЛЕНИЕМ...»
(Текст не обнаружен)

Предлагаем вниманию читателей записки очевидца похорон Владимира Высоцкого. Это черновые записи, которые нельзя считать законченным репортажем. Аатор их — безвременно ушедшая из жизни журналистка «Комсомольской правды» Алевтина Левина (1936—1987).

ПОСЛЕДНИЙ СПЕКТАКЛЬ

<...>Утро. Театр давно уже, может быть, с ночи, оцеплен милицией, сдерживающей нашествие. Идти туда бесполезно.

Но станция «Таганская» еще открыта. Правда, один выход. Устроено так ловко, что никуда, кроме как в обратную сторону, к набережной, не пойдешь. Очередь, очередь, очередь — бесконечная, немыслимая. Каждый второй с цветами. Ближе к театру — кордоны милиции, железные переносные загородки. Потом — сплошная стена, коридор из милиционеров, в котором движутся люди. По случаю Олимпиады милиция в белом. Шеренги, заслоны, кордоны — все ослепительно белое.

И какой ошеломляющий контраст в театре: притушенные люстры, черные стены, черная сцена, черная постамент. В нем Моцарт, «Реквием», бесстрастная и, кажется, беспечальная, отрешенно светлая мелодия. Следом — Шостакович, музыка к «Гамлету», тревожная, грозящая будущими катаклизмами. И церковный хор. И среди мертвой тишины — знакомый голос:

«Что знвчит человек,
когда его заветные желанья едв да сон?
Животное — и всё».

А снаружи, за оцеплением, пытаются петь песни, его песни. Но они совсем не годятся для хорового пения.

Идут и идут люди. Свистящий шепот: «Плотнее, плотнее...» Шеренга дружинников в голубом отгораживает сцену от зала. На сцене по углам группы — близкие? друзья? Справа — репортеры с диковинными кино- и фотокамерами, иногда ослепляющие вспышками зал. Очень много людей с аккредитационными карточками на груди. Иностранные корреспонденты...

Час, второй, третий. Пробую засечь, сколько человек проходит в минуту. Получается, в среднем пятьдесят — шестьдесят. Куда они ухитряются складывать свои цветы? Кажется, на сцене уже нет места.

Зал — битком. Актеры, любопытствующие, жаждущие зрелищ. Публика.. Завистливый шепот: «С балкона, наверное, шикарно видно». И короткий возглас, сопровождаемый верчением голов: «Райкин!» — «Где?» — «Вон, вон!» Лица, примелькавшиеся на экране, мгновенно узнаваемы и отмечаемы. Ульянов, Бортников, Боярский, Савина, Кобзон. Лещенко. Накануне в культурном центре Олимпиады был концерт, и они словно с той сцены всем составом перенеслись сюда.

Вдруг — шорох по залу: «Космонавты!» Не все знакомы, но видно, что оттуда. Проходят в общей очереди, потом становятся в почетный караул. Каждый в штатском.

В фойе, в буфете, во всех служебных помещениях, на стульях, подоконниках, перилах тоже люди — какие-то оцепеневшие, с остановившимися взглядами. Эти простились раньше, чем был открыт «доступ к телу». Они избранные, которым был открыт доступ к живому.

Какого-то человека не пускают в зал. Быстрый шепот: «Пропустите, это боксер (следует имя), лучший друг Володи». И шеренга в голубом расступается.

Дружинники просто невнимательны или устали. Да и как им отличить этих неуловимо похожих друг на друга бесчисленных «друзей Володи»? Всезнающая молва указывает то на одного, то на другого: тот «отслюнил» Володе полдачи, другой держит никем еще не слышанные пленки, третий оказался рядом в роковой час. Каждое их слово ловится, передается из уст в уста, тут же становясь легендой...

И вот «доступ» прекращен. Несколько минут покоя, никто никуда не движется, фоторепортеры не щелкают камерами. Теперь всем видна невысокая женская фигура в черном у изголовья. Овал лица и повторяющий его овал выреза на черном платье так и просятся в овал старинного медальона. Лицо совсем русское, простонародное..

Начинается панихида. Оттого, что из фойе и других помещений люди перешли в зал, народу вдвое больше. Стоящие в проходах заслонили сцену от сидящих. И невольно встали все. Целый час стоим в тесноте, в ужасающей духоте плечом к плечу. Ничего не видно, только слышны голоса, и по их тембру и тону можно представить, кто говорит.

Начинает Главный режиссер. Голос твердый, привыкший повелевать. Он говорит так, будто кто-то с ним спорит или собирается спорить.

Затем говорит актер театра, говорит как человек, привыкший произносить чужие слова и совсем не привыкший к своим. Путается, сбивается. Говорит, что эта утрата — незаживающая рана. Называет его гениальным.

Другой, которого хочется выспренно назвать Лицедеем, говорит хорошо поставленным голосом. Он привык играть императоров и руководителей производства эпохи НТР. Он уверен, что чем больше страсти в клочьях его речи, тем она искреннее.

Еще один — Лицемер. Он долго и нудно перечисляет: «От имени и по поручению...» — и как-то проглатывает слова о Министерстве культуры и прочих ведомствах, которым до Высоцкого в лучшем случае не было ни малейшего дела. Своей речью он заставляет вспомнить, что покойный был всего лишь простой артист, без всяких чинов и званий.

Видимо, именно это и мучает следующего оратора, который свою речь начинает словами: «Сегодня мы хороним народного артиста в самом прямом смысле этого слова...»

Его любили, говорит очередной оратор и вспоминает, как театр приехал на гастроли в Набережные Челны и как до самой гостиницы актеры шли под нескончаемый аккомпанемент его голоса,— люди открыли окна и выставили на них включенные магнитофоны.

Говорят еще и еще. Обещают сберечь наследие, призывают детей помнить, кто был их отец...

— А теперь прошу проститься. Прошу! — властный голос Главного режиссера. Люди поднимаются на сцену, с двух сторон обтекают гроб. Проходя, многие кладут ладонь на его скрещенные руки.

После черной полутьмы театра улица ослепляет блеском яркого дня. Вокруг, за шеренгами оцепления — людское море. Трудно даже представить, сколько народу собралось здесь — на откосах тоннеля у Таганского метро, на крышах домов, на крыше универмага, на заборах нового театра. Несколько минут вышедшие из театра пережидают на улице, пока простятся близкие. Затем обратное движение в театр. Там уже нельзя пошевельнуться. И вот снова музыка из «Гамлета» — на самой трагической ноте. И под нее над толпой плывет гроб. К выходу из дверей театра. Навсегда.

На улице, как люди — плечом к плечу — ряды автобусов. Сколько их? Из своего я не вижу ни начала, ни конца процессии. По улицам по обе стороны людские толпы. На всем пути. Какие-то мужчины бегут прямо по проезжей части за машинами, пытаются открыть дверцы, на ходу вскочить.

Долгий путь по Садовому. Ваганьковское кладбище. Та же картина, что и на Таганской: насколько видит глаз — люди. И та же замысловатая геометрия милицейских шеренг, ряды дружинников. Пускают лишь тех, кто приехал на автобусах.

В самом центре, чуть поодаль от могилы, группа людей, в которых сразу видно Руководителей. И люди в штатском с безукоризненной выправкой. Несколько милицейских генералов отлучаются к шеренгам, дают какие-то указания, возвращаются. Все совершается быстро и тихо. Родные отходят тотчас же, как опустили гроб. Потом ждут в тени у похоронного бюро, пока простятся друзья. Музыки нет.

«Хорошо, что дали проститься в театре,— говорит один из руководителей режиссеру.— Представляете, что бы тут делалось?» «Да, правильное было решение»,— поддакивает другой...

На девятый день на Ваганьковском было то же самое, что и в день похорон,— те же толпы, те же милицейские шеренги, даже генералы те же самые. В толпе уже рассказывали легенды: «Могильщики отказались взять деньги». У могилы стоял Иосиф Кобзон и каждому, принесшему цветы, выдавал фотографию артиста. Одна старушка сказала, что была здесь еще на похоронах Есенина. Ей дали две фотографии.

И опять из открытых окон гремел его голос...

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Уже более сорока лет в Казахстане бок о бок с коренным казахским и русским населением проживают ссыльные народы — немцы, корейцы, азербайджанцы, курды, турки, чечены. Долгие годы вопрос о национальном самосознании и самоуважении даже не возникал — очень уж страшны были в памяти народной все ужасы изгнания, притеснений властей. Два поколения выросли вдали от земли предков, забывая родной язык, обычаи, культуру. Но вот долго сдерживаемая пружина начала неукротимо раскручиваться: одна за другой стали заявлять о себе накопившиеся национальные проблемы. Положение турок, оказавшихся в изгнании, на мой взгляд, наиболее типично.

Многие недоумевают: откуда вообще они появились в нашей стране? Дело в том, что со времен Османской империи часть турок жила на территории современных закавказских республик. И, опираясь на исторические факты, можно с уверенностью сказать, что турки являются таким же исконным населением Закавказья, как армяне, курды, грузины, месхи и азербайджанцы. Оказавшиеся на территории Советского Закавказья турки не успели принять новую письменность и новотурецкий литературный язык, поэтому он сохранился в их среде лишь как бесписьменный, диалектный. До ссылки в Казахстан турки владели помимо этого языка грузинским или армянским, в зависимости от места проживания. Русским почти не владели. В Казахстане благодаря родственности турецкого и казахского все турецкое население освоило казахский язык. Старики и сейчас с трудом объясняются по-русски, зато свободно — по-казахски. Турецкий же сохранился лишь как семейно-бытовой. Но, по-видимому, скоро этому языку грозит полное забвение. А оно чревато потерей национальной культуры и обычаев, полным «растворением» турок среди других народов. Новая политика нашего правительства открыла путь к сохранению национальных культур, поэтому сейчас нужно создавать и восстанавливать учебники, обучать детей в школах и вузах, дабы турецкая молодежь могла приобщиться к древнейшему культурному наследию своего народа.

Решить эту проблему не так уж сложно, если учесть, что современный турецкий язык составлен на основе латинизированного алфавита. В нашей стране учебников для обучения турецкого населения практически нет. Но создать их можно. Во-первых, надо составить учебники для начальных классов, затем — педучилищ и вузов, в школах необходимо открыть специальные турецкие классы (по количеству проживающих), а в педучилищах и пединститутах — отделения турецкого языка. Уже года через два турецкие ребятишки смогут изучать родной язык. Конечно, в первое время будет сильно ощущаться нехватка кадров и литературы. Но браться за дело нужно без проволочек.

В настоящее время проблемами турецкого языка никто не занимается. Даже во вновь созданном Центре межнациональных отношений не нашлось места для турецких проблем. А проблемы-то существуют, и отмахнуться от них уже нельзя.

Т. ЛИНКО,
лингвист-тюрколог
Алма-Ата

Мне бы хотелось коснуться понятия «социалистическая собственность», и в частности возможности и допустимости **частной собственности** при социализме.

Кто-то из мыслителей однажды заметил, что тот, кто четко определит значение понятий, осчастливит человечество. Что же такое частная собственность в отличие от дозволенной личной собственности, и так ли страшен черт, как его малюют?

В чисто экономическом плане признаком частной собственности является возможность частного предпринимательства, то есть присвоения посредством инвестиций прибавочного продукта, произведенного наемным трудом. По существу, основой и государственной, и частной собственности всех видов — и коллективно-кооперативной, и акционерной, и индивидуальной является наемный труд. Возможность же его присвоения посредством государственных институтов является экономическим фундаментом существования любого государства. Поэтому в корне неверно, на мой взгляд, делить государства на капиталистические и социалистические. По характеру господствующих классов и их идеологии, по возможности присвоения и распоряжения собственностью их следует относить к капиталистическим и социал-бюрократическим, хотя и то, и другое деление достаточно условно.

Курс на всемерное расширение государственной (читай — номенклатурно-бюрократической) собственности, естественно, выгоден только бюрократии, ибо обеспечивает все условия для ее воспроизводства. Расширение же рамок частной собственности всех видов и даже сама возможность ее равноправного функционирования несет в себе смертельную угрозу бюрократии.

Монополия государственной, номенклатурно-бюрократической собственности, как и любая монополия, неминуемо ведет к застою, ибо она не позволяет развиваться нормальным товарно-денежным отношениям и препятствует эффективному разделению труда производителей. Номенклатурная бюрократия в отличие от частных предпринимателей не заинтересована в качественном усовершенствовании производства, в повышении производительности труда и его эффективности, а гораздо более заинтересована в количественном росте объемов и максимальном вовлечении в производство ресурсов (и природных, и живого труда), т.е. в затратной экономике. Отсюда гигантизм, невосприимчивость государственных предприятий к новым технологиям и т.п.

Только равноправное развитие и государственного, и частного предпринимательства всех видов, их свободная конкуренция могут вывести нашу страну из тупика.

Это ныне отчетливо осознают в Китае и странах Восточной Европы. В КНР принята поправка к конституции, легализующая частную собственность. Сеймом Польши принят закон о равноправии хозяйственных субъектов, согласно которому любой гражданин страны может открывать собственное дело, нанимать любое количество рабочих.

Как видим, мы тут плетемся в хвосте событий. Все признают, что необходимо преодолеть чувство отчужденности от собственности и в городе, и на селе, привить крестьянину и рабочему чувство хозяина. Однако мартовский Пленум ЦК показал, что основная ставка взята на внутрихозяйственную аренду в рамках колхозно-совхозной системы. А ведь еще в начале века Столыпин писал: «Нельзя любить чужое наравне со своим, и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся **во временном пользовании**, наравне со своею землею. Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянства, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств».

Разве история не подтвердила правоту этих слов?

Наша пресса и даже серьезные печатные исследования ныне пестрят никому не понятными словосочетаниями, построенными по немудрящему шаблону: к тем экономическим и политическим терминам, которые мы привыкли считать неотъемлемыми атрибутами «отмирающего строя», ничтоже сумняшеся добавляют эпитет «социалистический», и кочуют по страницам неологизмы типа «социалистический рынок», «социалистическая конкуренция». Перед каждым, кто пытается разобраться во всех этих заклинаниях, кто хочет постигнуть суть лозунга «больше социализма!», во весь рост встают гамлетовские вопросы: а что такое подлинный социализм, которого должно быть больше? И сколько социализма у нас теперь? Какой мерой это «больше» следует измерять?

Во всех этих терминах смысла не больше, чем, скажем, в словосочетаниях «социалистическая инфляция» или «социалистические деньги». Попытки идеологизировать нормальные экономические отношения привели, в частности, к тому, что ныне за «социалистическими деньгами» не гоняются нигде в мире. Более того, они оказались неконвертируемыми даже в собственной стране...

Я. БРИСКИН,
инженер
Рига

Среди множества новых черт перестройки нашего общества резко обострившийся интерес к истории — одна из наиболее ярких и очевидных. Меня, как профессионального историка, не может не интересовать вопрос о причинах этого явления. В самом деле: что произошло? Как и всякое крупное явление общественной жизни, этот сдвиг в общественном сознании определяется многими сложными факторами. Не претендуя на анализ всех, назову те, которые представляются мне наиболее важными.

Первый можно, на мой взгляд, назвать общечеловеческим или планетарным. Он касается того уровня развития цивилизации, который был достигнут к середине XX столетия. Крупные научно-технические достижения, прежде всего в области освоения космоса, энергии атомного ядра, в кибернетике и электронно-вычислительной технике, создали на сравнительно короткое время иллюзию скорого решения всех главных проблем человеческого общества. Возникло предчувствие (в который раз!) реального приближения к вожделенному «золотому веку». В нашей стране оно трансформировалось в массовом сознании в ожидании близкого наступления эры коммунизма.

«Я верю, друзья, караваны ракет
Помчат нас вперед
от звезды до звезды...» —

вдохновенно распевали в юности люди моего поколения. И в припеве: «У нас еще в запасе четырнадцать минут...»

И пусть это не облекалось в слова, но грезилось, что вот пролетят эти краткие четырнадцать минут, и мы все стартуем куда-то туда, в счастливое туманное завтра.

В таком контексте казалось ненужным чудачеством оглядываться на прошлое. «Какая от вас, историков, польза?» Людям понадобилось время, чтобы убедиться, что сами по себе научно-технические достижения не решают наболевших вопросов. Скорее, ставят новые, подчас очень мучительные. И когда стало по-новому трудно, когда появилось ощущение разверзнувшейся бездны, за край которой человечество с ужасом заглянуло, люди с внезапно проснувшейся жадностью бросились пересматривать свое прошлое. Ведь им негде больше почерпнуть опыт совершенных ошибок и преодоленных иллюзий. Не станешь же, в самом деле, искать его «на пыльных тропинках далеких планет»?!

Обостренное обращение к прошлому, конечно, мы переживаем не впервые. Трудные моменты часто вынуждают люде «остановиться, оглянуться». Мне, например, запомнился рассказ пожилого человека о том, с какой жадностью перечитывали в Москве «Войну и мир» Толстого, когда фашисты подступили к самому порогу города.

Второй фактор, определивший сегодняшний всплеск интереса к истории, связан, на мой взгляд, с положением самой исторической науки в нашем обществе. Уже немало сказано о том, что в 30—50-х годах история была практически низведена до положения «служанки пропаганды». Да и немало других утрат она понесла. утверждение жесткой схемы в понимании исторического процесса, запретные темы, конъюнктурные переписывания целых страниц в сравнительно недалеком прошлом. И в результате еще одна утрата, о которой пока мало сказано,— утрата доверия читателя, того самого народа, о котором так много говорилось, чтобы скрыть полное к нему равнодушие. Широко (и не без основания) утвердилось мнение, что историки пишут не то, что было на самом деле, а то, «что надо».

Практически не было в определенные годы научной монографии по любому историческому сюжету, где не фигурировали бы цитаты из Сталина, который «указывает» и «учит». И никак иначе! А чего стоили многолетние энергичные поиски «революции рабов» в Древнем Риме. Ведь на съезде колхозников Сталин упомянул ее. Значит, она была!

Одной из причин сегодняшнего «исторического» бума мне представляется возрождение веры в то, что историки начнут в новой духовной атмосфере современного советского общества говорить и писать правду. Не хорошую и не плохую, просто правду, основанную на свидетельствах документов. Как хочется, как надо эту веру оправдать!

Н. БАСОВСКАЯ,
доктор исторических наук
Москва

Нижний Новгород — в прошлом Великий — теперь глубокая провинция.

Решающую роль в этом сыграла его «закрытость». «Закрытый город» — понятие удручающее. Может, это и нужно в оборонных целях, но город с 1,5-миллионным населением, с богатым историческим прошлым «закрывать» нельзя. Нижний превращен в огромный завод, где важнее всего — любой ценой — выдать продукцию. Запущенность, захламленность города уже не шокирует, люди с этим давно смирились. Человек ощущает себя машиной с мускулами, от него требуется только одно — работа.

В «закрытом городе» власти могут не «выбрасывать деньги» на благоустройство, на реставрацию исторических и архитектурных памятников. Смотреть ведь некому: иностранцев нет, а сами и так проживем. Не одно десятилетие город неуклонно приходил в упадок, и только теперь стали это замечать. Реставрируют три храма, два из которых отводятся под концертные залы. Но что можно будет в них услышать или посмотреть? Сюда, за 400 км от Москвы, именитые исполнители приезжают крайне редко. Почему? Думаю, из-за нашей неустроенности и серости. Вот так и живем: в центре России — на периферии.

А чем мы хуже москвичей? Только тем, что нижегородцы? Да, Москва — столица, «лицо» страны, но ведь и мы тоже часть одного «тела». И у нас есть что посмотреть. Нижегородский кремль по исторической и художественной ценности — второй после Московского. Исток революционного движения России из Сормова пошел — с Сормовской демонстрации 1902 года.

Назывались мы когда-то уважительно — «карман России», а что теперь? Провинция. Вот вам продукт порочной практики «закрытых городов».

И. КУЗЬМЕНКО,
коренной сормович 24 лет
Горький

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
Ваши письма помогут редакции сделать журнал разнообразнее по темам и адресам. Наш адрес: 125865, ГСП, Москва, ул. «Правды», 24.

РОКОВОЕ ЛЕТО

Книга американского историка Уильяма Ширера «Взлет и падение третьего рейха» стала обязательным чтением для всех на Западе, кто интересуется историей второй мировой войны. У. Ширер был одним из первых и немногих авторов, получивших доступ к архивам нацистского министерства иностранных дел, захваченным в конце войны американцами. Мы публикуем в этом номере журнала отрывок из книги, посвященный ходу советско-германских переговоров и заключению договора о ненападении 23 августа 1939 года.

Этот договор, события, предшествовавшие ему и за ним последовавшие, без преувеличения, приковывают сегодня внимание многих — достаточно обратиться к читательской почте, вспомнить вопросы, которые задают телезрители на встречах с учеными и журналистами. Съезд народных депутатов СССР, образовав Комиссию по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года, подтвердил политическую актуальность событий полувековой давности. Нужно полагать, ее работа даст полную и объективную картину, сотрет все «белые пятна» истории этого периода, включая судьбу «секретного протокола», текст которого пока не найден в оригинале, но который, судя по развитию событий до начала Великой Отечественной войны и по многим косвенным свидетельствам, был подписан вместе с договором.

Предлагаемая публикация интересна прежде всего неизвестными нашему читателю документами, в изобилии цитируемыми автором. Что касается его оценок, то У. Ширер обозначил большинство высказывавшихся у нас точек зрения. Он считает, что заключение договора 1939 года было крупнейшим внешнеполитическим промахом Сталина, вызвавшим катастрофические последствия для мира. Одновременно Ширер не согласен с морализаторским подходом к теме, с эмоциональными характеристиками, односторонне применяемыми только к СССР. С его точки зрения, политика основных западноевропейских стран «умиротворения» фашистского агрессора, подталкивания его на Восток — просчет почти такого же масштаба. Книга У. Ширера, разумеется, ничуть не исчерпывает тему, и, публикуя этот отрывок, наш журнал предлагает продолжить дискуссию, уже начатую советскими историками.

И еще: эта публикация делает более очевидной необходимость открыть советские архивы. В августе этого года исполняется 50 лет со дня, когда В. М. Молотов и И. Риббентроп поставили свои подписи под договором. Настала пора сделать достоянием гласности все архивные источники МИД СССР, без которых полная правда о событиях не может быть восстановлена.

Уильям ШИРЕР

Трудно точно определить, когда в Берлине и Москве были сделаны первые шаги к установлению понимания между нацистской Германией и Советским Союзом, которые привели к таким огромным последствиям для всего мира. Одна из первых попыток относится к октябрю 1938 года, через четыре дня после Мюнхена, когда советник посольства Германии в Москве информировал Берлин, что Сталин извлечет определенные выводы из мюнхенского урегулирования, от участия в котором Советский Союз исключили, и, возможно, станет более позитивно относиться к Германии. Дипломат решительно высказался за «более широкое» экономическое сотрудничество. В конце октября германский посол в Москве Фридрих Вернер граф фон дер Шуленбург известил министерство иностранных дел, что он «намерен в ближайшем будущем обратиться к Председателю Совета Народных Комиссаров СССР Молотову в попытке достичь урегулирования вопросов, осложняющих германо-советские отношения». Посол едва ли мог самостоятельно задумать такую инициативу ввиду крайне враждебного отношения Гитлера к Москве. Намек он, видимо, получил из Берлина.

Об этом, в частности, свидетельствуют захваченные архивы министерства иностранных дел Германии. Первым шагом, по мнению немцев, должно было стать улучшение торговых отношений между двумя странами. Советско-германское экономическое соглашение истекало в конце года, и немецкие документы подробно освещают неровный ход переговоров о его возобновлении. Переговоры велись в течение нескольких недель, но к февралю 1937 года они фактически зашли в тупик. Хотя Германия жаждала получить сырьевые материалы из России и Геринг постоянно настаивал на этом, рейх просто был не в состоянии поставить взамен требовавшиеся Советскому Союзу товары.

16 апреля Геринг на встрече с Муссолини в Риме привлек внимание дуче к последней речи Сталина на XVIII съезде ВКП(б) в Москве. На Геринга заметное впечатление произвело высказывание советского диктатора, что русские «не позволят капиталистическим державам использовать себя как пушечное мясо». Он заявил, что поставит перед фюрером вопрос относительно возможности осторожного зондажа России... с целью сближения.

Это был радикальный поворот в политике стран оси, который, несомненно, привел бы в удивление Чемберлена, узнай он об этом, равно как и наркоминдела СССР Литвинова.

4 мая на последней странице советских газет в разделе «Хроника» было опубликовано краткое сообщение: **«М. М. Литвинов освобожден от обязанностей Народного Комиссара Иностранных Дел согласно его просьбы».** Он был заменен Вячеславом Молотовым, Председателем Совета Народных Комиссаров СССР.

Значение неожиданного смещения Литвинова было очевидно всем. Оно означало резкий поворот советской внешней политики. Литвинов был активным сторонником политики коллективной безопасности, укрепления влияния Лиги Наций, обеспечения безопасности Советского Союза против нацистской Германии путем создания военного союза с Великобританией и Францией. Колебания Чемберлена в отношении такого союза оказались роковыми для советского комиссара иностранных дел. По мнению Сталина, а его мнение было единственным, имевшим вес в Москве, проводимая Литвиновым политика потерпела неудачу. Более того, она грозила втянуть Советский Союз в войну с Германией, в которой западные демократии вполне могли, ухитрившись, избежать участия. Тот факт, что Литвинов, еврей, был заменен Молотовым, который, как подчеркнуло в своей депеше германское посольство в Москве, не был евреем, должен был произвести определенное впечатление в высших нацистских эшелонах.

20 мая германский посол фон Шуленбург имел длинную беседу с Молотовым. Новый комиссар иностранных дел был «настроен весьма дружелюбно» и сообщил немецкому дипломату, что экономические переговоры между двумя странами могут быть возобновлены, если для них будет создана необходимая политическая основа. Когда Шуленбург спросил, что имеется в виду под «политической основой», русский наркоминдел ответил, что об этом следует подумать обоим правительствам. Все попытки посла втянуть осторожного наркома иностранных дел в дальнейшее обсуждение ничего не дали. «Он известен,— сообщил Шуленбург в Берлин,— своим упрямством».

Гитлер, решивший напасть на Польшу 1 сентября, не мог позволить себе сидеть сложа руки. Примерно 25 мая статс-секретаря МИД Германии Вайцзекера и заведующего договорно-правовым отделом министерства иностранных дел Фридриха Гауса вызвали в загородную виллу Риббентропа в Зонненберге и, согласно показаниям Гауса на Нюрнбергском процессе, им сообщили, что фюрер хочет «установить более терпимые отношения между Германией и Советским Союзом». Риббентроп набросал проект указаний фон Шуленбургу, подробно излагавший новую линию, которую посол должен был обсудить с Молотовым, добившись встречи с ним «как можно скорее». Этот проект находится среди захваченных документов МИД Германии.

Судя по примечанию на документе, он был показан Гитлеру 26 мая. Это весьма примечательный документ. Он раскрывает, что к этому времени германское министерство иностранных дел было уверено: англо-русские переговоры будут успешно завершены, если Германия не вмешается решительным образом. Риббентроп поэтому предлагал Шуленбургу заявить Молотову следующее:

«Между Германией и Советской Россией не существует реального столкновения интересов в международных делах... Пришло время рассмотреть оздоровление и нормализацию германо-советских отношений... Итало-германский союз не направлен против Советского Союза[1]. Он направлен исключительно против англо-французской коалиции...

Если вопреки нашим желаниям начнутся военные действия с Польшей, мы твердо убеждены, что даже это никак не должно привести к столкновению интересов с Советской Россией. Мы даже можем пойти гораздо дальше и заявить, что при решении германо-польского вопроса — в какой бы форме это ни произошло,— мы учтем русские интересы, насколько это возможно».

Затем Шуленбургу следовало подчеркнуть опасность для России союза с Великобританией.

«Мы не можем понять, что может реально побуждать Советский Союз активно участвовать в английской политической игре окружения (Германии.— **Прим. перев.**) **...Это означало бы принятие на себя Россией одностороннего обязательства без какого-либо действительно ценного ответного английского обязательства...»**

Шуленбург также должен был подчеркнуть, что Германия не имеет «агрессивных намерений» против России. И, наконец, ему поручалось сообщить Молотову, что Германия готова обсудить с Советским Союзом не только экономические вопросы, но и «возвращение к нормальным политическим отношениям».

Гитлер счел, что проект идет слишком далеко, и приказал задержать его. По словам Гауса, на фюрера произвело впечатление оптимистическое заявление Чемберлена 24 мая, когда английский премьер-министр сообщил палате общин, что в результате новых английских предложений он надеется на возможность достижения широкого соглашения с Россией «в скором времени». Гитлер боялся нарваться на отказ. Он не отказался от идеи «сближения» с Москвой, но решил, что пока лучше будет придерживаться более осторожного подхода.

Захваченные официальные немецкие документы подтверждают эти колебания фюрера. Подготовленные Риббентропом указания послу, которые

[1] Речь идет о подписанном 22 мая в Берлине так называемом «Стальном пакте» — германо-итальянском военном договоре. — **Прим. переводчика.**

Риббентроп и Сталин в момент подписания Молотовым советско-германского договора 1939 года.

были показаны Гитлеру 26 мая, так и не были отправлены. Гитлер отменил их. В тот же вечер Вайцзекер направил Шуленбургу радиограмму, в которой рекомендовал придерживаться «позиции полной сдержанности — вы лично не должны предпринимать никаких шагов до следующего указания».

Эта шифровка и письмо, которое статс-секретарь МИД Германии написал Шуленбургу, но задержал отправку до 30 мая, наглядно показывают замешательство в Берлине. В своем письме Вайцзекер сообщал, что в Берлине полагают, что англо-советское соглашение «будет не так легко предотвратить» и что Германия колеблется предпринять решительную попытку помешать этому из-за опасения вызвать в Москве «взрыв язвительного татарского хохота».

Несмотря на осторожность, вечером 30 мая Вайцзекер отправил срочную криптограмму Шуленбургу в Москву:

«Вопреки планируемой до этого момента тактике мы сейчас в конце концов решили установить определенный контакт с Советским Союзом».

На протяжении всего июня в Москве между германским посольством и народным комиссаром внешней торговли А. Микояном велись предварительные переговоры о новом торговом соглашении.

Советское правительство по-прежнему с большим подозрением относилось к Берлину. Как сообщил 27 июня Шуленбург, Кремль полагает, что немцы, добиваясь торгового соглашения, хотят сорвать переговоры русских с Англией и Францией. «Они опасаются,— радировал он в Берлин,— что как только мы этого добьемся, мы можем завести переговоры в тупик».

28 июня Шуленбург имел длинную беседу с Молотовым, которая, согласно его донесению в Берлин, протекала «в дружественной обстановке». Тем не менее, когда немецкий посол положительно отозвался о договорах о ненападении, которые Германия заключила с Прибалтийскими республиками[1], советский наркоминдел ехидно заметил, что «должен усомниться в надежности таких договоров, после того что происходит с Польшей».

Шуленбург был одним из уцелевших приверженцев старой школы Секта, Мальтазана и Брокдорф-Ранцау, которая стремилась к сотрудничеству с Советской Россией после 1919 года и установила его в Рапалло. Как свидетельствуют его отчеты и телеграммы в 1939 году, он искренне пытался восстановить тесные отношения.

Внезапно 29 июня Гитлер приказал прервать переговоры с русскими, в том числе и по экономическим вопросам.

Немецкие секретные документы не содержат никаких сведений, объясняющих эту внезапную перемену настроения Гитлера.

Неровный ход англо-французских переговоров с Советским Союзом едва ли мог настолько обескуражить Гитлера, чтобы привести его к этому решению. Он знал из депеш германского посольства в Москве, что Россия и западные державы зашли в тупик в вопросе предоставления гарантий Польше, Румынии и Прибалтийским государствам. Польша и Румыния решительно отказывались разрешить проход советских войск через их территории, чтобы встретить нападение Германии. Латвия, Эстония и Финляндия также упорно не соглашались принимать советские гарантии — позиция, которую поощряла Германия, открыто грозя им карами, если их решимость ослабнет.

Стремясь найти выход из тупика, Молотов предложил в начале июня, чтобы Великобритания прислала в Москву на переговоры министра иностранных дел. Однако лорд Галифакс отказался поехать. Вместо него англичане решили послать второстепенного чиновника Форин Офиса Стрэнга, которого мало кто знал в Англии и за ее пределами. Русские восприняли это как свидетельство того, что Чемберлен по-прежнему не относился всерьез к созданию союза против Гитлера.

18 июня советский торговый представитель в Берлине Е. Бабарин посетил Юлиуса Шнурре в министерстве иностранных дел и сообщил ему о желании России расширить и оживить советско-германские экономические отношения. Он передал памятную записку по вопросу о торговом договоре и заявил, что если существующие разногласия между сторонами будут устранены, он уполномочен его подписать. 22 июля советская пресса сообщила, что в Берлине возобновились советско-германские торговые переговоры.

Через четыре дня в Берлине Шнурре по указанию Риббентропа пригласил на обед в фешенебельный берлинский ресторан советского поверенного в делах Астахова и Бабарина, чтобы выяснить их взгляды.

В секретном отчете о встрече Шнурре писал, что «русские оживленно и с интересом говорили о политических и экономических проблемах, представляющих для нас интерес».

Астахов при полном одобрении Бабарина заявил, что улучшение советско-германских политических отношений отвечает жизненно важным интересам обеих стран. В Москве, сказал он, никогда полностью не понимали, почему нацистская Германия столь враждебно относится к Советскому Союзу. Немецкий дипломат, в свою очередь, объяснил, что «германская политика на Востоке сейчас пошла совершенно другим курсом».

«С нашей стороны не может быть вопроса об угрозе Советскому Союзу. Наши цели лежат в совершенно другом направлении... Немецкая политика нацелена против Британии... Я могу представить себе далеко идущее урегулирование взаимных интересов с должным учетом важных русских проблем.

Однако эта возможность будет закрыта, как только Советский Союз вступит в союз с Британией против Германии. Сейчас подходящее время для понимания между Германией и Советским Союзом, но оно не будет более таким после заключения договора с Лондоном. На мой взгляд, от Балтийского до Черного моря и на Дальнем Востоке не существует спорных проблем (между Германией и Россией). Кроме того, несмотря на все разногласия в наших взглядах на жизнь, имеется одна общая черта в идеологии Германии, Италии и Советского Союза: оппозиция к капиталистическим демократиям Запада».

Так поздно вечером 26 июля была предпринята первая серьезная немецкая попытка достичь договоренности с Советской Россией. Астахов обещал Шнурре, что немедленно сообщит о беседе Молотову. На Вильгельмштрассе (местонахождение министерства иностранных дел) с нетерпением ожидали, какова будет реакция советской столицы. Через три дня, 29 июля, Вайцзекер направил диппочтой секретное послание Шуленбургу в Москву.

«Нам было бы важно узнать, какой отклик вызвали в Москве соображения, высказанные Астахову и Бабарину. Если у вас будет возможность организовать еще одну беседу с Молотовым, прозондируйте его в подобном же духе...»

Двумя днями позже, 31 июля, статс-секретарь послал «срочную» телеграмму Шуленбургу:

«В связи с нашим посланием от 29 июля, прибывающим в Москву диппочтой сегодня:

Сообщите телеграммой дату и время вашей следующей встречи с Молотовым, как только она будет назначена.

Мы очень надеемся на скорую встречу».

Впервые в исходящие из Берлина депеши вкралась нотка срочности.

У Берлина имелись веские основания для спешки: 23 июля Франция и Великобритания наконец-то дали согласие на советское предложение о немедленном проведении военно-штабных переговоров для выработки военной конвенции, которая конкретно определит, как три государства будут вести борьбу против гитлеровских армий.

Однако пока английские и французские штабные офицеры ожидали тихоходного торгово-пассажирского судна, чтобы отплыть в Ленинград, немцы действовали быстро. 3 августа был критическим днем для Берлина и Москвы.

В этот день Риббентроп, обычно доверявший ведение телеграфной переписки статс-секретарю Вайцзекеру, отправил срочную шифрограмму Шуленбургу в Москву за своей подписью.

«Вчера у меня состоялась длительная беседа с Астаховым...

Я выразил желание германской стороны о перестройке германо-советских отношений и заявил, что на всем протяжении от Балтийского до Черного моря нет вопросов, которые нельзя разрешить к нашему взаимному удовлетворению. В ответ на пожелание Астахова о более конкретном обсуждении упомянутых вопросов... я заявил о своей готовности к таким беседам, если Советское правительство сообщит мне через Астахова, что оно также хочет подвести под германо-советские отношения новую и позитивную основу».

Советский наркоминдел в этот же вечер лично изложил свои соображения Шуленбургу в Москве. Посол в длинной депеше сообщил, что в беседе, длившейся более часа, Молотов «отказался от обычной сдержанности и казался необычно откровенным». Похоже, что так оно и было. Ибо после того, как Шуленбург повторил мнение Германии, что между двумя странами «на всем протяжении от Балтийского до Черного моря» не существует разногласий, и подтвердил немецкое желание «достичь соглашения», непреклонный русский комиссар перечислил примеры враждебных акций рейха против Советского Союза: антикоминтерновский пакт, поддержка Японии против России и Мюнхенское соглашение.

«Как,— спросил Молотов,— можно примирить эти три момента с новыми немецкими заверениями? Доказательства перемены позиции германского правительства пока что по-прежнему отсутствуют».

Шуленбург, видимо, был несколько обескуражен. «Мое общее впечатление (сообщил он в Берлин), что Советское правительство в настоящее время преисполнено решимости заключить соглашение с Британией и Францией».

11 августа итальянский министр иностранных дел Чиано вел переговоры с Риббентропом в поместье последнего около Зальцбурга. Риббентроп сообщил своему гостю, что решение напасть на Польшу неумолимо.

«Итак, Риббентроп,— поинтересовался Чиано,— что вы хотите? Коридор или Данциг?»

«Нет, больше мы этого не хотим,— ответил Риббентроп, глядя на него холодными оловянными глазами.— Мы хотим войны!»

В ходе двух встреч Чиано с Гитлером в Оберзальцберге 12 и 13 августа фюрер повторил, что Франция и Англия воевать не будут. «Я лично,— заявил Гитлер,— абсолютно убежден, что западные демократии в последний момент отшатнутся от развязывания общей войны». На это Чиано ответил, что «он надеется, что фюрер окажется прав, но не верит в это».

Чиано попытался выяснить время нападения на Польшу. Гитлер ответил: «До конца августа, самое позднее». Хотя потребуется всего две недели, объяснил он, для разгрома Польши, «окончательная ликвидация» потребует еще две-три недели — поразительно точный прогноз, как потом оказалось.

Но Италия в тот момент меньше всего интересовала Гитлера. Его мысли были прикованы к России. В конце встречи с Чиано 12 августа фюреру, как указывается в немецком отчете о встрече, передали «телеграмму из Москвы». Беседа была прервана на несколько минут, пока Гитлер и Риббентроп знакомились с ее содержанием.

Затем Гитлер обратился к Чиано: «Русские согласились на поездку в Москву немецкого политического представителя».

Происхождение этой телеграммы из Москвы сомнительно. Никакой такой телеграммы, исходящей из советской столицы, в германских архивах обнаружить не удалось.

Возможно, основанием для нее послужило переданное по телетайпу в Оберзальцберг 12 августа сообщение с Вильгельмштрассе об итогах встречи советского поверенного в делах с Шнурре в Берлине. Астахов сообщил министерству иностранных дел, что Молотов готов теперь обсудить поднятые немцами вопросы, включая Польшу и другие политические проблемы. Советское правительство предлагает в качестве места переговоров Москву. Астахов разъяснил, что спешки быть не должно. Он подчеркнул, как писал Шнурре в своем отчете, который, по-видимому, был срочно послан в Оберзальцберг, «что основной акцент в полученных им от Молотова указаниях сделан на слове «постепенно»... Переговоры могут проводиться только постепенно».

Но Адольфа Гитлера не устраивали «постепенные» переговоры с Россией. Как он только что сообщил потрясенному Чиано, он назначил последнюю возможную дату нападения на Польшу на 1 сентября. Чтобы преуспеть в срыве англо-французских переговоров с русскими и провернуть свою собственную сделку со Сталиным, нужно было действовать быстро: не постепенно, а одним большим скачком.

Понедельник 14 августа был еще одним критическим днем. В этот день Риббентроп направил послу Шуленбургу срочную телеграмму. В ней послу поручалось срочно встретиться с Молотовым и зачитать ему длинное «устное» послание.

Таким образом, Гитлер наконец сделал решающую ставку. Германо-советские отношения, писал Риббентроп, **«достигли исторического поворотного момента... Между Германией и Россией не существует реального столкновения интересов... Когда в прошлом обе страны были друзьями, дела шли хорошо, а когда были врагами, это имело плохие последствия».**

«Кризис, вызванный в польско-германских отношениях английской политикой (продолжал Риббентроп), **и связанные с этой политикой попытки создания союза, делают необходимым быстро внести ясность в германо-русские отношения. Иначе события... могут принять оборот, который лишит оба правительства возможности восстановить германо-русскую дружбу и в надлежащий момент сообща выяснить территориальные вопросы в Восточной Европе. Руководство обеих стран поэтому не должно пускать события на самотек, а своевременно предпринять действия...»**

«Как нам сообщили, Советское правительство также считает желательным внести ясность в германо-русские отношения... Я готов нанести краткий визит в Москву, чтобы от имени фюрера изложить взгляды фюрера г-ну Сталину. На мой взгляд, только посредством такого прямого обсуждения можно добиться перемен... и тем самым заложить основу для окончательного урегулирования германо-русских отношений».

Английский министр иностранных дел не захотел поехать в Москву, а германский министр иностранных дел сейчас не только был готов, но горел желанием приехать — контраст, который, как правильно рассчитали нацисты, должен был произвести впечатление на недоверчивого Сталина. Немцы считали также исключительно важным, чтобы их послание дошло до самого советского диктатора. Поэтому Риббентроп в телеграмме особо отметил желательность того, чтобы Шуленбург попросил аудиенцию у Сталина, подчеркнув также, что «условием его поездки в Москву, помимо совещания с Молотовым, является также обстоятельная беседа со Сталиным».

Посол фон Шуленбург встретился с Молотовым вечером 15 августа и в соответствии с указаниями зачитал ему телеграмму Риббентропа о готовности министра иностранных дел приехать в Москву для урегулирования советско-германских отношений. Как затем доложил посол в Берлин, советский комиссар воспринял это сообщение «с большим интересом» и «тепло приветствовал немецкие намерения улучшить отношения с Советским Союзом». Однако, как опытный игрок в дипломатический покер, Молотов не проявил никаких признаков торопливости. Подобная поездка, которую предлагает Риббентроп, заметил он, «требует надлежащей подготовки для того, чтобы обмен мнениями мог привести к результатам».

Каким результатам? Лукавый русский комиссар высказал некоторые соображения. Будет ли германское правительство, спросил он, заинтересовано в договоре о ненападении между двумя странами? Готово ли оно использовать свое влияние в Токио, чтобы улучшить советско-японские отношения и «устранить пограничные конфликты» — ссылка на необъявленную войну, все лето бушевавшую на маньчжурско-монгольской границе. Затем Молотов спросил, что думает Германия относительно совместной гарантии суверенитета Прибалтийских государств.

Все эти вопросы, в заключение сказал он, **«должны быть обсуждены в конкретной форме с тем, чтобы в случае приезда сюда германского министра иностранных дел речь шла не об обмене мнениями, а о принятии конкретных решений».** Молотов вновь подчеркнул, что **«надлежащая подготовка этих вопросов необходима».**

Таким образом, первое предложение о германо-советском пакте о ненападении было сделано русскими — в тот самый момент, когда они вели переговоры с Францией и Великобританией о вступлении в случае необходимости в войну с целью противодействия дальнейшей германской агрессии.[1]

Гитлер был полностью готов обсуждать такой пакт «в конкретной форме», поскольку заключение его исключало участие России в войне и давало

[1] Стремясь упредить предоставление Англией — Францией — России гарантий Латвии и Эстонии, граничивших с Советским Союзом, Германия спешно подписала пакты о ненападении с этими Прибалтийскими республиками 7 июня 1939 года.— Прим. автора.

[1] 17 августа в Вашингтоне заместитель госсекретаря США Уэллес пригласил английского посла Линдсея и рассказал ему о беседе Шуленбурга с Молотовым, подробно и точно изложив предложение немцев и ответ Молотова, включая предложения, касающиеся пакта о ненападении и Прибалтике. Эта информация была получена от посла США в Москве Штейнгардта, который 16 августа имел длительную беседу с Молотовым. Кремль, должно быть, полагал, что информация будет передана англичанам. Сталин, видимо, еще не решил, к какому лагерю примкнуть. Пытался ли он предупредить английских и французских представителей на переговорах в Москве, что они должны серьезно приступить к делу, иначе он подпишет соглашение с немцами, которые делали ему широкие предложения? Пока советские архивы не будут открыты, ответа узнать не удастся. Но если Кремль рассчитывал оказать нажим, то эта попытка оказалась безрезультатной. Несмотря на беседу Уэллеса 17 августа, Лондон получил эту информацию слишком поздно — 22 августа. Английская нерасторопность в этом случае невероятна — посол вместо срочной телеграммы отправил информацию авиапочтой!

ему возможность напасть на Польшу, не опасаясь советского вмешательства. А если Россия не будет участвовать в конфликте, то он был убежден, что Великобритания и Франция струсят.

Была лишь одна трудность — шла вторая половина августа, и его не устраивал медленный советский темп, подразумевавшийся требованием Молотова о «соответствующей подготовке» визита министра иностранных дел в Москву.

На следующий день, 16 августа, Гитлер и Риббентроп сочинили ответ Молотову, который был срочно направлен в Москву. Нацистский диктатор безоговорочно принял советские предложения. Шуленбургу поручалось снова встретиться с Молотовым и сообщить ему, что **«Германия готова заключить пакт о ненападении с Советским Союзом сроком на двадцать пять лет. Кроме того, Германия готова гарантировать вместе с Советским Союзом (суверенитет) Прибалтийских государств. Германия также готова оказать влияние на Японию в целях улучшения и нормализации русско-японских отношений».**

Теперь всякое притворство, что германское правительство не спешит, было отброшено.

«Фюрер (говорилось в телеграмме) **считает, что с учетом нынешней ситуации и возможности в любой день возникновения серьезных событий (пожалуйста, при этом объясните г-ну Молотову, что Германия не намерена бесконечно терпеть провокации Польши) желательно принципиальное и быстрое выяснение германо-советских отношений и позиции каждой из стран по текущим вопросам.**

По этим причинам я готов прибыть самолетом в Москву в любое время после пятницы 18 августа для рассмотрения всего комплекса германо-советских отношений и, если необходимо, подписать соответствующие договоры».

На следующий день Гитлер и Риббентроп с нетерпением ожидали ответа из Москвы.

Но для сгорающих от нетерпения нацистских руководителей очередная встреча Шуленбурга с Молотовым оказалась неудачной. Несомненно, полностью понимая причины лихорадочной спешки Гитлера, нарком иностранных дел вел игру с немцами, дразня и подначивая их. После того как Шуленбург вечером 17 августа зачитал ему телеграмму Риббентропа, Молотов, не обращая особого внимания на ее содержание, передал письменный ответ Советского правительства на первое послание имперского министра иностранных дел от 15 августа.

Ответ начинался с саркастического напоминания о многолетней антисоветской направленности политики нацистского правительства, в нем указывалось, что «до недавнего времени Советское правительство исходило из предпосылки, что германское правительство ищет повода для столкновений с Советским Союзом...», в частности, оно «пыталось создать с помощью так называемого антикоминтерновского пакта объединенный фронт ряда государств против Советского Союза». По этой причине, говорилось в ответе, СССР «участвовал в организации оборонительного фронта против агрессии».

Если, однако, германское правительство сейчас намерено, указывалось далее в ответе, осуществить поворот от прежней политики в сторону серьезного улучшения политических отношений с СССР, Советское правительство может лишь приветствовать подобную перемену и, со своей стороны, готово пересмотреть свою политику в отношении Германии в плане ее серьезного улучшения.

Это улучшение, подчеркивалось в ответе, должно, однако, осуществляться постепенно посредством ряда «серьезных практических шагов».

Первый шаг: заключение торгово-кредитного соглашения.

Второй, «вскоре после этого»,— заключение договора о ненападении.

Одновременно со вторым шагом Советы предложили «заключить специальный протокол», уточняющий интересы договаривающихся сторон по тем или другим вопросам внешней политики. Это был более чем намек, что в отношении раздела Восточной Европы по меньшей мере Москва положительно отнеслась к германской точке зрения, что договоренность возможна.

Что же касается предлагаемого визита Риббентропа, Молотов заявил, что Советское правительство с удовлетворением восприняло эту идею, поскольку «посылка столь видного политического и государственного деятеля подчеркивает серьезность намерений германского правительства. ...Однако поездка германского министра иностранных дел требует тщательной подготовки...».

Молотов ни словом не обмолвился о настойчивом конкретном предложении Риббентропа приехать в Москву в конце недели, и Шуленбург, по-видимому, ошеломленный ходом беседы, не настаивал на нем.

На следующий день, получив отчет посла, Риббентроп направил очередную «сверхсрочную» телеграмму Шуленбургу с указанием «немедленно договориться о новой беседе с Молотовым и сделать все возможное, чтобы она состоялась без задержки».

Послу поручалось заявить Молотову, что **«германо-польские отношения с каждым днем обостряются. Мы должны считаться с тем, что инциденты могут случиться в любой день, и это сделает возникновение открытого конфликта неизбежным... Фюрер считает необходимым, чтобы возникновение германо-польского конфликта не застало нас врасплох, пока мы добиваемся выяснения германо-русских отношений. Поэтому он считает предварительное выяснение необходимым, хотя бы для того, чтобы суметь учесть русские интересы в случае такого конфликта, что, конечно, будет трудным без такого выяснения».**

Посол должен был заявить, что «первый шаг», упомянутый Молотовым — заключение торгового соглашения,— сделан 18 августа; договор заключен, и наступило время приступить ко второму шагу. С этой целью германский министр иностранных дел предлагает «немедленно отправиться в Москву» с полномочиями «урегулировать весь комплекс проблем».

В Москве он, Риббентроп, **«будет в состоянии подписать специальный протокол, регулирующий интересы обеих сторон в вопросах внешней политики того или иного рода; например, согласовать сферы интересов в районе Балтики. Такое соглашение будет возможным, однако только посредством (прямых) устных переговоров».**

«Пожалуйста, подчеркните (продолжал Риббентроп), **что германская внешняя политика сегодня достигла исторического поворотного пункта... Добивайтесь быстрого осуществления моей поездки и соответственно отклоняйте любые новые русские возражения...»**

19 августа действительно был решающим днем. Приказы немецким подлодкам и линкорам о выходе в английские воды задерживались до получения сообщений из Москвы. Им необходимо было сняться с якоря немедленно, чтобы успеть занять намеченные к началу военных действий позиции. Две группы армий, предназначенных для вторжения в Польшу, также должны были немедленно начать развертывание.

Напряжение в Берлине и особенно в Оберзальцберге, где Гитлер и Риббентроп нервозно ждали решения Москвы, становилось почти невыносимым. Шнурре доложил, что переговоры с русскими о торговом соглашении завершились вчера вечером «полным согласием», но русские тянули с его подписанием, ссылаясь на необходимость получения указаний из Москвы.

Наконец в 7.10 вечера 19 августа поступила долгожданная телеграмма.

«Секретно
Сверхсрочно

Советское правительство согласно, чтобы имперский министр иностранных дел приехал в Москву через неделю после опубликования сообщения о подписании экономического соглашения. Молотов заявил, что если о заключении экономического соглашения будет объявлено завтра, то имперский министр иностранных дел смог бы прибыть в Москву 26 или 27 августа.

Молотов передал мне проект пакта о ненападении.

Подробный отчет о двух беседах, которые я имел с Молотовым сегодня, а также текст Советского проекта передаются срочной телеграммой.

Шуленбург».

Первая беседа в Кремле, начавшаяся в 14.00 и длившаяся около часа, была, как сообщил посол, не очень-то удачной. Русских, казалось, невозможно было убедить принять гитлеровского министра иностранных дел. **«Молотов отстаивал свое мнение,—** писал в шифротелеграмме посол,— **что в настоящее время невозможно даже приблизительно определить время поездки, поскольку требуется тщательная подготовка... На выдвигавшиеся мною неоднократно и весьма настойчиво доводы о необходимости спешить Молотов возразил, что пока что даже первый шаг — заключение экономического соглашения — еще не осуществлен. Прежде всего необходимо подписать и опубликовать это соглашение и получить отклики на него. Затем настанет очередь пакта о ненападении и протокола.**

Мои возражения, видимо, не оказывали влияния на Молотова, так что первая беседа закончилась заявлением Молотова, что он изложил мне соображения Советского правительства и ему нечего добавить к этому».

Но вскоре у него появились новые соображения.

«Не прошло и получаса после окончания беседы,— писал Шуленбург,— **как Молотов попросил меня снова посетить его в Кремле в 16.30. Он извинился за доставленное мне беспокойство и объяснил, что докладывал Советскому правительству».**

После этого комиссар иностранных дел сообщил ему, что Риббентроп может приехать в Москву 27 или 28 августа, если торговое соглашение будет подписано и опубликовано завтра.

«Молотов не назвал причин,— указывал Шуленбург в своей телеграмме,— **внезапного пересмотра им своего решения. Я полагаю, что вмешался Сталин».**

Это предположение было, несомненно, правильным. Где-то между 15.00 и 16.30 — это явствует из телеграммы Шуленбурга — Сталин оповестил Молотова о своем фатальном решении.

В своей депеше об итогах беседы с Молотовым 19 августа Шуленбург сообщил, что его попытка уговорить наркома иностранных дел согласиться на более раннюю дату поездки Риббентропа в Москву «оказалась, к сожалению, неудачной».

Но немцам необходим был ранний срок. Весь график вторжения в Польшу, более того, сама возможность проведения наступления до начала осенних дождей зависели от этого. Если Риббентроп не будет принят в Москве до 26 или 27 августа, а затем русские к тому же затянут, как опасались немцы, переговоры, соблюсти намеченную дату — 1 сентября — не удастся.

На этой критической стадии Адольф Гитлер сам обратился к Сталину. Проглотив свою гордость, он лично попросил советского диктатора, которого он так часто и столь длительное время всячески поносил, срочно принять германского министра иностранных дел. Его телеграмма Сталину была спешно направлена в Москву в 18.45, в воскресенье, 20 августа, буквально через несколько часов после полученной депеши Шуленбурга. Фюрер поручил послу «немедленно» вручить ее Молотову.

«Г-ну Сталину, Москва.

Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения [1] как первый шаг в перестройке германо-советских отношений.

Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение курса германской политики на длительное время. Германия тем самым возобновляет политический курс, который приносил выгоду обоим государствам в течение минувших столетий...

Я согласен с проектом пакта о ненападении, переданным вашим министром иностранных дел г-ном Молотовым, но считаю настоятельно необходимым уточнить связанные с ним вопросы как можно скорее.

[1] Торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией было подписано в Берлине 18 августа 1939 года.

Содержание дополнительного протокола, которого хочет Советский Союз, может быть, я убежден, уточнено в возможно кратчайший срок, если ответственный германский государственный деятель сможет лично прибыть в Москву для переговоров. Иначе правительству рейха не ясно, как можно быстро уточнить и согласовать дополнительный протокол.

Напряженность в отношениях между Германией и Польшей стала невыносимой... Кризис может разразиться в любой день. Германия преисполнена решимости с этого момента и впредь отстаивать интересы рейха всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

По моему мнению, ввиду намерения двух наших государств вступить в новые отношения друг с другом желательно не терять времени. Поэтому я еще раз предлагаю вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа. Имперский министр иностранных дел будет облечен всеми чрезвычайными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении, а также протокола. Более длительное пребывание министра иностранных дел в Москве, чем один или самое большее два дня, невозможно ввиду международного положения. Я был бы рад получить ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер».

В течение последующих двадцати четырех часов — с вечера 20 августа, когда телеграмма Гитлера Сталину передавалась по проводам в Москву, до следующего вечера — фюрер находился в состоянии, близком к коллапсу. Он не мог заснуть. Посреди ночи он позвонил Герингу, чтобы рассказать о своем беспокойстве относительно реакции Сталина на послание и излить раздражение по поводу задержек в Москве.

Наконец в 9.35 вечера 21 августа телеграфные провода доставили в Берлин ответ Сталина.

«Канцлеру Германского Рейха
А. Гитлеру

Я благодарю вас за письмо. Я надеюсь, что советско-германский договор о ненападении приведет к решительному повороту к лучшему в политических отношениях между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях друг с другом. Согласие германского правительства заключить договор о ненападении создаст основу для устранения политической напряженности, для установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить вам, что оно согласно, чтобы г-н фон Риббентроп прибыл в Москву 23 августа.

И. Сталин».

В 10.30 вечера музыкальная передача немецкого радио была внезапно прервана и диктор объявил: «Имперское правительство и Советское правительство договорились заключить пакт о ненападении друг с другом. Имперский министр иностранных дел прибудет в Москву в среду 23 августа для завершения переговоров».

На следующий день, 22 августа 1939 года, Гитлер, получив личное заверение Сталина, что Россия будет соблюдать дружественный нейтралитет, вновь вызвал высших военных командующих в Оберзальцберг, где прочел им лекцию о своем собственном величии и о необходимости вести войну жестоко и безжалостно, а также сообщил им, что, вероятно, отдаст приказ, чтобы нападение на Польшу началось через четыре дня, в субботу, 26 августа, то есть на шесть дней ранее намеченной даты. Сталин, смертельный враг фюрера, сделал это возможным.

На следующий день, 23 августа, после совещания в ОКВ (верховное главнокомандование вермахта) начальник генерального штаба Гальдер записал в своем дневнике: «День начала вторжения в Польшу определенно намечен на 26 (суббота)».

Вооруженный письменными полномочиями Гитлера заключить договор о ненападении «и другие соглашения» с Советским Союзом, которые должны вступить в силу с момента их подписания, Риббентроп вылетел в Москву 22 августа. Многочисленная немецкая делегация провела ночь в Кенигсберге, Восточная Пруссия, где нацистский министр иностранных дел, по словам переводчика Шмидта, трудился всю ночь, постоянно разговаривая по телефону с Берлином и Берхтесгаденом и составляя множество записей для своих переговоров со Сталиным и Молотовым.

Два гигантских четырехмоторных транспортных самолета «Кондор» с немецкими делегатами прибыли в Москву в полдень 23 августа, и, наскоро перекусив в посольстве, Риббентроп спешно отправился в Кремль, чтобы предстать перед советским диктатором и его наркомом иностранных дел. Первая встреча длилась три часа и, как Риббентроп информировал Гитлера телеграммой с грифом «сверхсрочно», окончилась благополучно для немцев. Судя по депеше министра иностранных дел, никаких трудностей в согласовании условий пакта о ненападении, который исключал участие Советского Союза в войне против Гитлера, не было вообще. Фактически единственное затруднение, докладывал он, было явно незначительным и касалось дележа добычи. Русские, писал он, потребовали, чтобы Германия признала небольшие порты Либава и Вентспилс в Латвии «как входящие в их сферу интересов». Поскольку вся Латвия должна была остаться на советской стороне линии, разграничивающей интересы двух держав, это требование не вызвало затруднений, и Гитлер быстро согласился. Риббентроп также уведомил фюрера после первого раунда переговоров, что «предусматривается подписание секретного протокола о разграничении взаимных сфер интересов во всем Восточном районе».

Договор о ненападении и секретный протокол были подписаны позднее тем же вечером на второй встрече в Кремле *.

* Оригиналы так называемого секретного протокола никогда не были найдены ни в советских, ни в германских архивах. Мы приводим текст «протокола» в переводе с немецкого из книги западногерманского историка Вольфганга Леонарда.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

По случаю подписания Пакта о ненападении между Германским рейхом и Союзом Советских Социалистических Республик уполномоченные обеих сторон, подписавшие документ, в строго доверительном обмене мнениями обсудили вопрос о разграничении сфер интересов обеих сторон в Восточной Европе. Этот обмен мнениями привел к следующему результату:

1. В случае территориально-политических изменений в областях, принадлежащих балтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы образует одновременно границу между сферами интересов Германии и СССР. При этом обеими сторонами признается заинтересованность Литвы в области Вильно (Вильнюса).

2. В случае территориально-политических изменений в областях, принадлежащих польскому государству, разграничение сфер интересов Германии и СССР будет проходить примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, является ли в интересах обеих сторон желательным сохранение независимого польского государства, может быть окончательно решен только в ходе дальнейшего политического развития.

В любом случае оба правительства будут решать этот вопрос на путях дружеского взаимопонимания.

3. Относительно Юго-Запада Европы советской стороной была подчеркнута заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона заявила о своей полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Обе стороны будут держать этот Протокол в строгой тайне.

Москва, 23 августа 1939

За Правительство Германского Рейха
фон Риббентроп
По полномочию Правительства СССР
В. Молотов

Немцы и русские так легко достигли соглашения, что эта пиршественная встреча, которая длилась почти до следующего утра, была по большей части посвящена не какому-то упорному торгу, а оживленному дружественному обсуждению международного положения, с неизбежными обильными тостами, обычными для крупных торжественных межгосударственных церемоний в Кремле. Составленный одним из присутствовавших членов немецкой делегации служебный отчет запечатлел эту почти невероятную сцену.

Благожелательное отношение Сталина привело Риббентропа в столь хорошее расположение духа, что тот даже попытался раз-другой сострить — примечательное событие для этого полностью лишенного юмора человека.

«**Имперский министр внутренних дел** (продолжает отчет) **шутливо заметил, что Сталин, безусловно, был меньше напуган антикоминтерновским пактом, чем лондонский Сити и английские лавочники. Что думал немецкий народ по этому поводу, видно из анекдота, который сочинили берлинцы, известные своим остроумием и юмором, что Сталин еще сам присоединится к антикоминтерновскому пакту**».

В заключение нацистский министр иностранных дел ударился в рассуждения о том, как горячо немецкий народ приветствует соглашение с Россией. «Сталин ответил,— говорится в немецком отчете,— что он действительно верит этому. Немцы желают мира».

Этот фарс достиг своего апогея, когда наступило время произносить тосты.

Сталин по своей инициативе предложил тост за фюрера: **«Я знаю, как немецкий народ горячо любит своего фюрера. Поэтому я хотел бы выпить за его здоровье».**

Молотов выпил за здоровье имперского министра иностранных дел. Молотов и Сталин неоднократно пили за Пакт о ненападении, новую эру в германо-советских отношениях и за немецкий народ.

Имперский министр иностранных дел, в свою очередь, предложил тост за Сталина, тосты за Советское правительство и за успешное развитие отношений между Германией и Советским Союзом.

Текст основных статей почти идентичен тексту советского проекта договора, который Молотов вручил Шуленбургу 19 августа и о принятии которого Гитлер сообщил в своей телеграмме Сталину. Русский проект уточнял, что договор о ненападении вступит в силу только в том случае, если одновременно будет подписан «особый протокол, который станет неотъемлемой частью пакта».

24 августа торжествующий Риббентроп вылетел в Берлин, а на следующий день Ворошилов, встретившись с главами английской и французской делегаций, заявил им: «Ввиду изменившегося политического положения нет смысла продолжать обсуждение».

Два года спустя, когда немецкие войска вторглись в Россию в нарушение этого пакта, Сталин по-прежнему продолжал оправдывать свою одиозную сделку с Гитлером, заключенную за спиной англо-французских военных делегаций, проводивших переговоры в Москве, как означавшую выигрыш для СССР и проигрыш для фашистской Германии.

Так ли это? Этот вопрос все еще остается предметом споров. Она обеспечила Советскому Союзу выдвинутые оборонительные рубежи против Германии за пределами существовавших границ Советского Союза. Она гарантировала Кремлю, что если Россия позднее подвергнется нападению Германии, западные державы к тому времени будут бесповоротно втянуты в войну против третьего рейха, и Советский Союз не должен будет один противостоять немецкой вооруженной мощи, как этого боялся Сталин летом 1939 года.

Все это, несомненно, верно. Но есть и другая сторона медали. К тому времени, когда Гитлер собрался напасть на Россию, армии Польши и Франции, а также английский экспедиционный корпус на континенте были уничтожены, а Германия имела в своем распоряжении ресурсы всей Европы, и никакой западный фронт не связывал ей руки.

На протяжении 1941, 1942 и 1943 годов Сталин будет с горечью сетовать на отсутствие второго фронта в Европе против Германии и что Россия вынуждена нести бремя борьбы почти со всей германской армией. В 1939—1940 годах имелся Западный фронт, отвлекавший немецкие силы.

Ни один государственный деятель, и в том числе даже диктатор, не может предсказать ход событий на длинный срок. Можно доказывать, как это делал Черчилль, что каким бы хладнокровно расчетливым ни было решение Сталина о заключении сделки с Гитлером, оно также «в тот момент было в высшей степени реалистичным». Первым и первостепенным соображением Сталина, равно как и любого другого главы государства, была безопасность страны. Он был убежден летом 1939 года, как он позднее скажет Черчиллю, что Гитлер собирается начать войну. Он был преисполнен решимости не допустить того, чтобы Россию завлекли в чреватую опасностью позицию, где ей пришлось бы одной противостоять вермахту. Если прочный союз с западными державами окажется невозможным, тогда почему бы не повернуться лицом к Гитлеру, который стучится к нему в дверь?

К концу июля 1939 года Сталин был убежден — и это очевидно,— что Франция и Великобритания не только не хотят прочного союза, но и что целью правительства Чемберлена в Великобритании является побудить Гитлера вести свои войны в Восточной Европе. Он, по-видимому, сильно сомневался в том, что Великобритания с большей готовностью выполнит свои гарантийные обязательства перед Польшей, чем Франция выполнила свои обязательства перед Чехословакией. И все происходившие за последние два года события на Западе лишь усиливали его подозрения: отклонение Чемберленом советских предложений после «аншлюса» и нацистской оккупации Чехословакии о созыве конференций для выработки планов по сдерживанию дальнейшей нацистской агрессии; умиротворение Чемберленом Гитлера в Мюнхене, куда Россию не допустили; задержки и колебания Чемберлена в проведении переговоров об оборонительном союзе против Германии, когда роковые летние дни 1939 года быстро сменяли друг друга.

Одно было очевидно почти всем, за исключением Чемберлена: англо-французская дипломатия — нерешительная и невнятная — теперь потерпела полное банкротство. (А также и польская дипломатия. Французский посол в депеше в Париж так описал реакцию польского министра иностранных дел Бека на подписание германо-советского пакта: «Бек совершенно спокоен и кажется нисколько не озабочен. Он считает, что по существу почти ничего не изменилось».) Шаг за шагом западные демократии отступали перед Гитлером. С Советским Союзом на их стороне они все еще могли убедить германского диктатора не начинать войну или, если бы это не удалось, сравнительно быстро победить его в вооруженном конфликте. Но они позволили этой последней возможности ускользнуть из их рук.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

МЫ НЕ МОЛЧАЛИ

Софья КАЛИСТРАТОВА, адвокат

В «Известиях» от 3 мая 1988 года была опубликована статья Чингиза Айтматова «Подрываются ли основы». Размышляя о жизни интеллигенции в годы застоя, автор писал: «...многие годы после XX съезда, этого мужественного прорыва блокады культа личности, незаметно затем отнесенного на обочину политического забвения, а точнее сказать — молчаливо аннулированного, **мы,** пребывая постоянно в атмосфере благодушия и неистощимого самодовольства, призванных демонстрировать псевдостабильность в стране, **не пытались думать об этом**» (выделено мной. — **С. К.**).

Тогда я послала в «Огонек» открытое письмо Чингизу Айтматову, рассказав о тех, кто не только «думал» и «вслух размышлял», но и писал, размножал, распространял информацию «об этом», не страшась репрессий...

«Огонек» не напечатал мое открытое письмо. Не ответил мне и Чингиз Айтматов. Бог с ними...

Вспоминаю об этом, потому что хочу рассказать о людях, которые **не молчали.** Речь идет о деятельности уже полузабытой сегодня организации правозащитников 70-х — начала 80-х годов.

В ту пору надо было иметь изрядное мужество для создания открытой неформальной организации, поставившей своей целью защиту прав человека. Такое мужество проявил член-корреспондент Армянской академии наук, проживавший в Москве, ученый-физик Юрий Федорович Орлов. 12 мая 1976 года он вместе с другими правозащитниками создал «Московскую группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР». В первом документе этой группы (подписанном Юрием Орловым, Еленой Боннэр, Петром Григоренко, Анатолием Марченко, Людмилой Алексеевой, Александром Гинзбургом, Анатолием Щаранским, Мальвой Ланда, Виталием Рубиным, Александром Корчаковым, Михаилом Бернштамом) указывалось, что своей первоначальной целью группа содействия считает информирование всех глав правительств, подписавших Заключительный акт от 1 августа 1975 года, а также информирование общественности о случаях прямых нарушений гуманитарных статей Заключительного акта

Вскоре у нас были образованы Украинская, Грузинская, Литовская и Армянская Хельсинкские группы. А затем стали возникать аналогичные организации и в других государствах — участниках Хельсинкского совещания.

В последовавших вскоре судебных процессах членов Хельсинкской группы обвиняли в «преступных связях» с корреспондентами капиталистических стран. Это же было записано в предъявленном мне 7 сентября 1982 года обвинении (до суда мое дело не дошло) *.

Между тем с иностранными корреспондентами мы встречались открыто. Такие действия находятся в рамках Конституции СССР, Декларации прав человека ООН и Заключительного акта Хельсинкского соглашения. Сама необходимость прибегать к помощи иностранных корреспондентов была вызвана двумя обстоятельствами. Во-первых, мы пробовали рассылать свои документы обычной почтой в Президиум Верховного Совета СССР и в посольства стран — участниц Хельсинкского совещания, но вскоре убедились, что расписки о вручении нам приходят только от Верховного Совета (и никогда ни слова в ответ!), а посольства нашей почты просто не получают. Во-вторых, мы были полностью лишены возможности довести информацию, содержащуюся в наших документах, до общественности нашей страны. Нам приходилось говорить со своими согражданами через средства массовой информации Запада. При этом члены группы не прикрывались псевдонимами, каждый документ подписывался авторами с указанием адресов.

Работала группа независимо, убежденно, без оглядки на какое-либо «родное» или «заморское» начальство. Никогда ни от каких организаций или частных лиц мы не получали никаких материальных средств. Нашим оружием было слово. А нашими инструментами — шариковые ручки, бумага и копирка, покупаемые за свои наличные деньги, да старенькие пишущие машинки, на которых мы сами (кто четырьмя, а кто и двумя пальцами) отстукивали свои документы. Десятки этих машинок, отобранных при многочисленных обысках, еще и сейчас пылятся на складах Московского УКГБ и Мосгорпрокуратуры.

И вот на это наше оружие, на слово, мысль, информацию власти отвечали слежкой (а что было за нами следить — мы не скрывались!), допросами, обысками, арестами, неправосудными приговорами, тюрьмами, лагерями, ссылками, «выдворениями» за пределы Родины, психиатрическими лечебницами... В 70-х годах были так или иначе репрессированы **все** члены Хельсинкской группы и примыкавших к ней неформальных организаций. Размеры журнальной статьи лишают меня возможности назвать все имена. Да и судьбы этих людей заслуживают особо внимательного и объективного изучения. Это «белое пятно» нашей еще совсем недавней истории должно быть и будет стерто.

Нет, мы не молчали в тяжелые годы брежневского застоя. За время с 1975 по 1982 год было составлено, размножено и распространено 196 документов Московской Хельсинкской группы. Круг тем, освещаемых в этих документах, очень широк. Равноправие народов (в частности, документы в защиту крымских татар); свобода передвижения и выбора места проживания; проблемы эмиграции; свобода совести и религии (в том числе документы в защиту преследуемых баптистов и пятидесятников); право на свободный информационный обмен; право на законный и справедливый суд; протесты против преследований и арестов инакомыслящих; положение политзаключенных в лагерях, тюрьмах и ссылках; нарушения социально-экономических прав трудящихся и пенсионеров; протесты против беззаконной ссылки академика Сахарова; протест против введения советских войск в Афганистан... Таков далеко не полный перечень.

Правление советско-американского фонда «Культурная инициатива» на своем заседании 23 марта 1989 года одобрило проект, предусматривающий полную реабилитацию граждан, незаконно осужденных по статьям 70 и 190^{1} УК РСФСР, и выделило на эти цели 61 тысячу рублей. Сейчас, когда демократия и гласность становятся нормой нашего времени, когда печать, радио и телевидение поднимают и свободно обсуждают вопросы, за гласную постановку которых поплатились те, кто не хотел и не мог молчать в годы застоя,— необъяснимо замалчивание истории правозащитного движения 60—80-х годов. Необходимо добиться опубликования в широкой печати всех правозащитных документов тех лет и полной реабилитации (а не просто помилования) всех узников совести.

* Постановлением первого заместителя прокурора города Москвы от 9 декабря 1988 года уголовное дело по обвинению Калистратовой Софьи Васильевны (русской, 1907 года рождения) по ст. 190^{1} УК РСФСР прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления.— **Ред.**

ИЗ ЗАБВЕНИЯ

СЪЕЗД ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ

Седьмой съезд РСДРП — одна из самых драматичных страниц в истории партии. И тому было много причин. Вчерашние сокрушители государственных устоев империи оказались у руля огромной державы. Ни практического опыта управления, ни достаточного количества людей, способных взять на свои плечи гигантский этот труд, у большевиков не было. К тому же фронт империалистической войны, протянувшийся через всю европейскую часть России, фактически рассыпался. Немецкие войска могли в общем-то, не встречая организованного сопротивления, захватить Петроград и задушить молодую республику. И основной вопрос съезда был о мире, точнее, о немедленном сепаратном мире с немцами. О мире любой ценой. Общеизвестно, что мнения по этому вопросу в руководстве партии и государства в то время резко разделились. Дело дошло почти что до раскола. Пожалуй, автору небольшой книжки «Седьмой съезд партии» С. Черномордину удалось достаточно документально и в то же время достаточно коротко нарисовать картину почти трагическую, в которой В. Ленину приходилось отстаивать свою идею «мир любой ценой» против тех «горе-левых», по его выражению, которые считали сепаратный мир предательством дела революции и даже помощью немецкому империализму.

«8 января состоялось частное совещание наиболее видных членов партии — делегатов III съезда Советов,— пишет С. Черномордин.— На этом совещании Ленин огласил «Тезисы о мире». В результате дискуссии за ленинскую позицию (сепаратный аннексионистский мир) голосовало 15, за вторую позицию (революционная война) — 16. 9 января на заседании ЦК вновь обсуждался этот вопрос. Голосование дало следующие результаты: за революционную войну 2, против 11, воздержался 1. За затяжку переговоров с Германией 12, против 1. За формулу Троцкого «ни мира, ни войны» 9, против 9».

Драматизм положения заключался в том, что Ленину приходилось убеждать в необходимости немедленного мира своих ближайших соратников, перенесших с ним всю тяжесть подполья и революции.

23 февраля, после получения практически ультимативных предложений немцев по заключению кабального мира, Ленин даже заявляет о том, что выйдет из Совнаркома и ЦК, если условия мирного договора будут отвергнуты. Но оппозиция, во главе которой стоит Бухарин, и здесь упорствует.

«Голосование дало следующие результаты,— констатирует автор.— Из 15 человек 7 человек голосовало за подписание мирного договора, 4 против и 4 воздержались». В самый канун VII съезда оппозиция начинает издание газеты «Коммунист», где продолжает отстаивать свою линию.

VII съезд собрался 6 марта 1918 года. Последнее заседание его прошло 8 марта. Делегатов с решающим голосом на съезде было всего 29 человек, с совещательным — 8, с неустановленным представительством — 32. Кстати, съезд был необычен не только малым представительством, но и тем, что правящая партия проводила его в условиях строжайшей конспирации, а протоколы заседаний были опубликованы лишь в 1923 году. Можно по-разному оценивать эти факты, но 3 марта уже был подписан «похабный» Брестский мир, а 14-го открывался IV Чрезвычайный съезд Советов, который должен был его ратифицировать. Партия должна была выступить перед Советами на единой платформе, но... Не будем пересказывать ход и перипетии VII съезда РСДРП, который, кроме вопроса о войне и мире, принял новое наименование партии — РКП(б), обсудил концепцию ее будущей программы. Тем же, кого заинтересует книжка С. Черномордина, сообщаем, что вышла она в издательстве «Пролетарий» в 1927 году и интересна еще тем, что имеет документальные приложения, среди которых, в частности, есть «Тезисы о войне и мире, предложенные группой противников заключения мира». Встречается в ней немало имен и позиций, которые и сегодня вызывают споры и полемику, поскольку мы стали осознавать, что многие плюсы и минусы современного состояния нашего общества и государства заложены были еще при жизни предшествующих поколений.

В нашей рубрике «Из забвения» стало уже своеобразной традицией, наряду с сообщениями о книгах, посвященных отдельным событиям в жизни партии, рассказывать о книгах более общего плана, чаще всего об учебниках, которые до недавнего времени находились в «заключении». Рекомендуем вниманию читателей «Очерки истории Российской коммунистической партии (большевиков)», изданные в 1926 году. Автор очерков Н. Н. Попов в предисловии следующим образом характеризует свой труд: «Настоящая книга представляет наскоро произведенную литературную обработку (точнее и правильнее сказать — стилистическую обработку) курса лекций, читанных автором в 1924/25 году в Харькове на первом курсе Артемовского Университета». Попов объясняет подобную спешку отсутствием учебников по истории партии в то время. Но, может быть, именно поэтому для нас его работа представляет особый интерес, так как этим учебным пособием пользовались те, кто в конце 20-х, в 30-х годах во многом определял политику партии и государства на местах. Часто «Очерки» Попова дают те или иные характеристики и определения факам истории партии, которые станут позже «классическими». Есть в этой книге страницы, которые звучат и сейчас очень современно. Вот, например, как Попов характеризует период, предшествующий нэпу:

«Когда в результате всех этих процессов на нашу партию обрушился такой тяжелый удар, как поражение под Варшавой, заставившее красные войска откатиться на несколько сот верст, партийное сознание в первый момент ухватилось за то, что было для него ближе всего и понятнее всего — именно за бюрократизм, за окостенение партийного аппарата. На сентябрьской конференции 1920 года, перед которой ЦК поставил вопрос о дальнейшей нашей международной политике и о заключении с Польшей мира, хотя бы на самых тяжелых условиях, естественно встал вопрос и о состоянии партии. Резолюция, которая конференцией по этому поводу была принята, возвестила эру партийной демократии.

В этой резолюции говорится не только о демократии, о последовательном применении выборного начала, о курсе на ликвидацию назначенства; там говорится об уравнительности среди членов партии, о переводе на производство части членов партии, оторвавшихся от производства. Вся резолюция идет под знаком приближения верхов к партийным низам и приближения партии к рабочей массе. Для борьбы с разложением внутри партии, с нарушениями партийной этики в сентябре 1920 года, согласно постановлению конференции, были созданы контрольные комиссии, функции которых впоследствии были значительно расширены.

Очень много из того, что написано в резолюции сентябрьской конференции, на целые годы осталось благим пожеланием. Принимая постановление о переходе к партийной демократии, конференция еще не отдавала себе ясного и полного отчета о связи партийного кризиса с кризисом, в котором находился рабочий класс и все народное хозяйство».

Троцкий у себя дома в Мексике.

Дмитрий ВОЛКОГОНОВ

ЧЕЛОВЕК ПЛАНЕТЫ БЕЗ ПАСПОРТА И ВИЗЫ

Штрихи к портрету Троцкого

В августе 1940 года к Сталину пришло долгожданное и тем не менее неожиданное сообщение: убит Троцкий. Уже несколько лет шла «охота» за изгнанником, но тот проявлял повышенную осторожность. И вот свершилось. Из всего ближайшего ленинского окружения Сталин остался теперь один, если не считать Молотова, которого едва ли можно было отнести к соратникам гения революции.

Вопреки логике Сталин не испытал ни радости, ни удовлетворения. Как много сил он отдал борьбе с Троцким! Если бы это случилось в 37—38-м годах,— тогда другое дело. В те годы за каждым крупным «врагом» ему виделась тень Троцкого; везде мерещилась его рука; казалось, все его наихудшие пророчества могут сбыться. На политических процессах судили прежде всего Троцкого, хотя его самого и не было на скамье подсудимых. После безумия тех лет ненависть Сталина как бы пресытилась мщением. Тень войны стала более «густой и плотной», нежели тень от плакатной фигуры далекого изгнанника. 22 августа 1940 года в «Правде» появилось короткое сообщение:

«Покушение на Троцкого.

Нью-Йорк. 21 августа. ТАСС. По сообщению американских газет, 20 августа было совершено покушение на Троцкого, проживающего в Мексике. Покушавшийся назвал себя Жаком Морнаром и принадлежит к числу последователей и ближайших людей Троцкого».

А уже 24 августа в редакционной статье «Смерть международного шпиона» говорилось: **«В могилу сошел человек, чье имя с презрением и проклятием произносят трудящиеся во всем мире, человек, который на протяжении многих лет боролся против дела рабочего класса и его авангарда — большевистской партии... Ближайшие сподвижники Троцкого на процессах в Москве признались, что они и вместе с ними их шеф Троцкий уже с 1921 года были агентами иностранных разведок, были международными шпионами. Они во главе с Троцким ревностно служили разведкам и генеральным штабам Англии, Франции, Германии, Японии...**

...Его убили его же сторонники. С ним покончили те самые террористы, которых он учил убийству из-за угла, предательству и злодеяниям против рабочего класса, против Страны Советов. Троцкий, организовавший злодейское убийство Кирова, Куйбышева, Горького, стал жертвой своих же собственных интриг, предательства, измен, злодеяний...»

После Октября «звезда» Троцкого стремительно поднялась ввысь. Его имя многие прямо связывали с успехом Октябрьского вооруженного восстания. Сталина коробило, когда на собраниях, митингах, в печати раздавались здравицы в честь «любимчика» революции. А Троцкого действительно тогда славили...

«Народному Комиссару
по Военным делам
тов. Льву Давидовичу Троцкому

В ознаменование именин Великой Октябрьской Пролетарской Револю-

ции, коммунистическая ячейка Московского военно-аптечного магазина вверенного Вам комиссариата, приветствуя в лице Вас героическую социалистическую Красную Армию, постановила открыть клуб имени нашего дорогого вождя Красной Армии тов. Л. Троцкого. Торжественное открытие клуба состоится 9-го с. м. в 6½ часов вечера (Чистые пруды, 12).

Председатель комячейки
(подпись неразборчива)»

А вот еще документ:

«Телеграмма. Председателю реввоенсовета тов. Троцкому

В день годовщины Октябрьской революции и для того, чтобы увековечить первое торжество великого пролетарского праздника, граждане села Кочетовки Зосимовской области, Козловского уезда, Тамбовской губернии постановили переименовать наше село, назвав его в село Троцкое. Просим разрешить нам назвать дорогим для нас именем вождя и вдохновителя Красной Армии.

Председатель совдепа Нечаев».

Сталин понимал, что со смертью Троцкого завершается один из драматических этапов борьбы, начавшийся еще у подножия века. Сначала борьба против Ленина велась по организационным, программным вопросам. Голос Троцкого нередко выделялся в этом нестройном хоре. Когда Троцкий вместе с Аксельродом, Даном, Мартовым, Потресовым основал в Женеве бюро меньшевистской партии, свою особую позицию Лев Давидович изложил в брошюре «Наши политические задачи». Называя Ленина «диктатором», «узурпатором», он с молодым задором атаковал признанного лидера партии большевиков.

Перейдя на позиции антибольшевизма, Троцкий до 1917 года, в глазах Сталина, показывал непоследовательность, атакуя партию то справа, то слева. Не случайно, оценивая эти идейные метания, В. И. Ленин воскликнул в феврале 1917 года: «Вот так Троцкий! Всегда верен себе — виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым, пока можно...»

Затем, в годы революции и гражданской войны наступило время феерического взлета «романтика» революции. После смерти В. И. Ленина он попытался в «Уроках Октября» по-своему интерпретировать историю Октябрьской социалистической революции. Сталин помнил, сколько гнева вызвали у него эти «уроки». Хотя против многих аргументов Троцкого он не мог найти убедительных доводов.

Ну а насчет антисоветизма, думал вождь, вопрос еще более ясен. Борясь с ним, Сталиным, Троцкий сосредоточил огонь своих политических стрел не только на нем. Практически все, что было создано в стране за двадцать с лишним лет после Октября, по Троцкому, есть лишь выражение «термидора». В наиболее полной форме антисоветизм Троцкого, считал Сталин, выразился в создании в 1938 году IV Интернационала, оказавшегося насколько бесплодным, настолько и живучим.

Сталин помнил, что, когда ему принесли специальный троцкистский выпуск, посвященный учреждению IV Интернационала, он внимательно прочел вступительную статью лидера IV Интернационала — «Большой успех», манифест учредительной конференции «К трудящимся всего мира», доклады, сделанные участниками первого конгресса. Неизменный синий карандаш подчеркнул: **«Налицо — усиление бюрократических тенденций в советском обществе», «опасность уничтожения всех завоеваний Октябрьской революции», призыв — «свершить новую социальную революцию в СССР», «возродить советскую демократию (легализовать рабочие партии, свободу слова, собраний) и т. д.»**

Сталинская рука обвела еще несколько абзацев в журнале. Один из них провозглашал, что в приближающейся войне «военные неудачи советского правительства для русского пролетариата являются наименьшим злом, открывая путь к революционному восстанию».

«Конференция IV Интернационала,— продолжал читать человек, о котором давно говорили как о единственном наследнике Ленина,— **шлет Вам горячий привет. Варварские репрессии, направленные против нашего движения, и в особенности против Вас, не позволили Вам быть среди нас и внести в наше обсуждение свой важный вклад организатора Октябрьского восстания, теоретика перманентной революции, прямого наследника учения Ленина...»** Это было обращение к Троцкому.

Два «выдающихся вождя», два «наследника»... Сталина мало волновали выпады троцкистов против сталинской бюрократии (мог ли он знать, что в наши дни эти фразы читаются как поразительные пророчества, которые будет повторять вся партия и народ!). Его больше уязвляло, что кто-то где-то еще видит в Троцком носителя ленинского духа, интерпретатора его идей! Как бы мы ни относились к Троцкому и троцкизму, из его крохотных группок, которые изгнанник называл высокопарно «революционными легионами», иногда раздавались критические тирады, которые били в самую точку: «перерождение государственного инструмента рабочего класса в инструмент бюрократического насилия» — одно из достижений сталинизма.

Надо сказать, что с подачи Сталина мы до сих пор сохранили отношение к троцкизму не как к идеологическому течению, а как к подрывной политической организации. Думаю, что это никогда не соответствовало действительности в полной мере.

Депортированный Троцкий увез с собой немало документов, главным образом копий. А оригиналы затем были как бы «арестованы» и целые десятилетия пролежали в заточении архивов. Знакомство с материалами Реввоенсовета республики, которое стало возможно не очень давно, показывает, что в них почти нет документов, свидетельствующих о личной переписке Сталина и Троцкого. Но когда эти документы и встречаются, то они сухи, часто безличны, без элементарных обращений.

«Троцкому. Копия Ленину.
Так как времени мало, пишу коротко и по пунктам.

1. Мы все с вами ошиблись, объявив отдельную казачью мобилизацию (мы опоздали в сравнении с Красновым)...

8. Царицын превращается в базу снаряжения, вооружения военных действий и пр. Такой вялый военрук, как Снесарев, тут не пригодится. Нет ли у Вас других кандидатов?

7. Двери штабов почему-то открыты для членов французских миссий. Заявляю, что если они (французы) попадут в мои лапы — не выпущу.

Царицын 12 июля 1918 года

народный комиссар Сталин».

В другом случае доклад Сталина (без поименного обращения «Военно-революционному Совету Республики») похож на первый, с элементами ультиматума:

«Положение с 20 сентября на нашем фронте несколько изменилось не в нашу пользу... Дело можно было бы поправить нажимом с северных участков Южного фронта, но участки эти абсолютно вялы, командующий же Сытин, странным образом не интересуется положением фронта в целом... Заявляем, что если в самом срочном порядке не удовлетворите требований (Сталин требовал снаряды, патроны, снаряжение.— **Д. В.), мы вынуждены будем прекратить военные действия и отойти на левый берег Волги».**

По-прежнему в донесениях этих чувствуется недоверие к военспецам и явная неприязнь к Троцкому. Хотя в то время Сталин не мог не оценить решительности Троцкого в критические моменты. Ему импонировало, что Наркомвоен, не колеблясь, применял репрессии, террор на фронте, если возникали сомнения в отдельных лицах или целых частях. Уже после гражданской войны он однажды просмотрел несколько папок дел того далекого времени, ища компрометирующие материалы на Троцкого,— его внимание привлекли несколько телеграмм Троцкого Раскольникову.

«Казань. Военно-Революционный Совет. Раскольникову

По Волге шатается много судов с белогвардейцами, грабителями и мешочниками точка Необходимо навести на эту сволочь панику точка Для этого несколько пароходов поименных преступников подвергнуть суровой расправе на месте точка Обсудите в Военном Революционном Совете точка Примите все необходимые меры.

15.VII.1918 г.

Троцкий».

«Среди комиссаров есть много ротозеев. При сомнительных командирах ставьте твердых комиссаров с револьверами в руках. Поставьте начальников перед выбором: победа или смерть. Не спускать глаз с ненадежных начальников. За дезертирство лица командного состава комиссар отвечает головой. О принятых мерах донести. Телеграмму опубликовать.

28.VII.18. *Троцкий».*

Крамольного здесь Сталин ничего не нашел. Он сам поступал на фронте точно так же, а нередко еще более жестоко. Вообще, сам не замечая, во многих вопросах Сталин был большим троцкистом, чем сам Троцкий. Раньше мы часто говорили и говорим, что Сталин «не примкнул ни к одной оппозиции», как бы не видя, что он «качнулся» в главном: в сторону от Ленина, предав забвению многие его идеи, выводы и мысли о нэпе, демократии, партийном и государственном строительстве.

Троцкий писал: **«Процесс возвышения Сталина произошел как-то за непроницаемым политическим занавесом. В определенный момент его фигура во всеоружии власти внезапно сошла с кремлевской стены».** Троцкого до конца дней жгла мысль: своей пассивностью он помог Сталину. Историки и сегодня ищут причины того, почему ни одна из альтернативных фигур не воспрепятствовала Сталину «сойти с кремлевской стены». Но «помешать» генсеку должна была не одна личность, а ЦК, вся партия. Перебирая альтернативные варианты: Бухарин, Фрунзе, Рудзутак, мы почти не останавливаемся на возможном коллективном лидере...

Да, в первые часы после получения долгожданного известия Сталин не испытал удовлетворения. Но позже, осознав, что самого опасного, самого умного, самого настойчивого противника уже нет в живых, он переживет триумф победителя, перешагнувшего через труп своего врага. Сталин давно понял, хотя никогда не говорил об этом своим недалеким соратникам: подлинное ощущение безраздельности власти, исключительности своего «я», некой избранности он испытывал лишь когда «перешагивал» через трупы реальных и потенциальных соперников. Власть — это выживание. Власть подлинна, когда она в руках единственного.

Сталин вспомнил несколько последних статей, документов, написанных Троцким и опубликованных в его «Бюллетене оппозиции», который, как ему говорил Берия, продолжает (хотя и нерегулярно) выходить в Европе. Троцкий мистически провозглашал: **«В грядущие 10 лет Программа IV Интернационала получит поддержку миллионов, и эти революционные миллионы смогут штурмовать небо и землю».** Троцкий с таким жаром предрекал триумф IV Интернационала, который придет в условиях новой, второй мировой войны, что у трезвых читателей сразу же складывалось впечатление: Троцкий ждет войну, ибо только с ней он связывает свое возвращение на политическую сцену истории, крушение сталинизма, занятие подобающего гению его ума положения. «Первыми жертвами грядущей войны,— провозглашал Троцкий,— будут партии III Интернационала. И тогда IV Интернационал (возглавляемый, естественно, Троцким!) станет самой великой силой в мире».

Сталин прошел по кабинету и взял пачку «Бюллетеней оппозиции». Нашел номер шестьдесят пятый за 1938 год, погрузился в чтение:

«Что, Сталин еще посмеивается за кулисами? Фашизм идет от победы к победе и находит главную помощь... в сталинизме. Страшные военные угрозы стучатся в дверь Советского Союза, а Сталин избрал этот момент, чтобы подорвать армию и топтать нацию (речь идет о процессе над военными.— **Д. В.)».**

Изгнанник пророчествовал и, пожалуй, не совсем безуспешно, что будет **«другой процесс, настоящий. Тогда в человеческом языке не найдется таких слов, чтобы защитить самого отвратительного из всех каинов, которых можно найти в истории... Памятники, которые он соорудил себе, будут уничтожены или взяты в музеи и помещены в залах тоталитарных ужасов. И победоносный рабочий класс *пересмотрит все процессы публичные и тайные, соорудит памятники несчастным жертвам сталинской злобы и подлости* на площадях освобожденного Советского Союза...».** Сталин захлопнул «Бюллетень»:

— Неужели могут поверить когда-нибудь подобному бреду? Разве троцкисты и их пособники не признались публично в своих преступлениях?

Будущему «не достанется» троцкизма, если довести дело до конца. Не случайно вскоре после получения вести об убийстве Троцкого Берия (не без ведома Сталина) отдал распоряжение о «ликвидации в лагерях активных троцкистов». Накануне войны прокатилась по лагерям еще одна, малозаметная волна, сметающая в небытие последних осужденных, причисленных к «активным троцкистам». Печора, Воркута, Колыма, Соловки стали немыми свидетелями мести «вдогонку» убитому лидеру IV Интернационала. Сталин не хотел понимать, что смерть человека — неэффективное средство для борьбы с идеями. Вождь надеялся, что таким способом он исключит саму возможность возникновения инакомыслия и оппозиции, даже внутренней, духовной.

Одни названия статей Троцкого могли привести в бешенство. Например, памфлеты: «Сталин — интендант Гитлера», «Звезды-близнецы: Гитлер — Сталин». Сталину слышался голос Троцкого: «СССР стоит на краю пропасти. Все сталинские козыри мало что значат по сравнению с ресурсами и мощью, которыми овладел Гитлер и которые он использует против Советского Союза». Троцкий, выступая против Сталина, предрекая ему катастрофу, тем не менее выражал надежду, что «государство рабочих в СССР имеет шанс сохраниться».

Троцкий хотел не поражения СССР, а гибели Сталина. В его пророчествах о грядущей войне чувствовалось смятение: ведь изгнанник понимал, что только поражение его родины лишит Сталина власти.

Сталин почему-то вспомнил, как принималось решение о высылке Троцкого. Политбюро несколько раз возвращалось к этому вопросу. Во время неофициальных бесед Киров, Рыков, Томский, Куйбышев, Микоян, Петровский высказывали осторожные соображения: может быть, Троцкий одумался? А если он повинится? Нельзя ли ему дать какой-то второстепенный пост? Ведь популярность этого человека все еще велика... Сталин не хотел примирения. Его злоба и месть не имели «заднего хода». Он знал, что, пока Троцкий жив, пока он в СССР, невозможно чувствовать себя спокойным. После обмена мнениями (тогда это еще было возможно) решили прозондировать отношение к «примирению» самого Троцкого. Послали в Алма-Ату человека из центра. Через неделю-другую получили телеграмму: Троцкий не видит своей вины и основы для примирения со Сталиным. Генсек, зачитав сообщение, торжествующе посмотрел на соратников: что он говорил? Решение о высылке Троцкого из страны больше никто не оспаривал.

Сам Троцкий 18 февраля 1935 года вспоминал об этом факте следующим образом:

«Во время нашей жизни в Алма-Ате ко мне явился однажды какой-то советский инженер, якобы по собственной инициативе, якобы мне сочувствующий. Он расспрашивал об условиях жизни, огорчался и мимоходом очень осторожно спросил:

— Не думаете ли Вы, что возможны какие-либо шаги для примирения?

Ясно, что инженер был подослан для того, чтобы пощупать пульс. Я ответил ему, в том смысле, что о примирении сейчас не может быть и речи: не потому, что я его не хочу, а потому что Сталин не может мириться, он вынужден идти до конца по тому пути, на который поставила его бюрократия.

— Чем это может закончиться?

— Мокрым делом,— ответил я,— ничем иным Сталин кончить не сможет.

Моего посетителя передернуло, он явно не ожидал такого ответа и скоро ушел.

Я думаю, что эта беседа сыграла большую роль в отношении решения о высылке меня за границу. Возможно, что Сталин и раньше наметил такой путь, но встречал оппозицию в Политбюро. Теперь у него был сильный аргумент: Троцкий сам заявил, что конфликт дойдет до кровавой развязки. Высылка за границу — единственный выход!»

Сталин никогда не прочитает этих строк из дневника Троцкого, но он и тогда, в двадцать девятом, не считал высылку лучшим решением. Но судить и тем более физически ликвидировать своего главного соперника он тогда еще не мог решиться.

Сталину было известно из интервью, которое Троцкий дал корреспонденту одной из буржуазных газет в 1938 году, что изгнанник приступил к написанию книги с предельно лаконичным названием «Сталин». Когда диктатор прочел об этом в сводке новостей, он внутренне вздрогнул. Нет, Сталин в 1938 году уже не боялся Троцкого, довольно спокойно относился к множеству статей, мелькавших в буржуазных изданиях, которые сочиняли ренегаты, белогвардейцы, троцкисты, просто ненавистники социализма. Но Сталин знал способности Троцкого и понимал, что из-под пера бывшего товарища по борьбе может выйти исключительно ядовитый труд. Зная «скорострельность» Троцкого, он ждал появления книги в 38-м, 39-м, в этом, 40-м году... И торопил Берию, выражал

недовольство нерешительностью его агентуры.

Не мог знать генсек, что Троцкий, решив стать биографом своего смертельного врага, вероятно, обрек себя на творческую неудачу. Это, возможно, самая слабая книга Троцкого. Кроме злобы и желчи, замешенных на едких публицистических выражениях, у него уже ничего не могло сойти с кончика пера. Большим усилием воли Троцкий смог написать семь глав задуманной им большой книги. В ее центре Каин, носивший маски Сосо, Кобы, революционера, могущественного человека во главе партии и великого народа. Даже не читая книги, знакомый с отношениями Сталина и Троцкого может судить о ее содержании. Она написана черными чернилами во многом оправданной ненависти. За обложкой незаконченной биографии Троцкий оставил талант публициста, литератора, а главное — объективного историка. Многое сказанное о Сталине верно и точно. Но в книге немало и выдумок, догадок, и все они служат главной цели: показать, как Каин стал Сверхкаином. Для этого, например, Троцкому понадобилось выдумать, что Сталин «пригрел» буржуазию, опирался на нее, карабкаясь на вершину власти. «Бывшие помещики, капиталисты, адвокаты, их сыновья, поскольку они не бежали за границу, включились в государственный аппарат, а кое-кто и в партию». Троцкий утверждает даже, что в государственном аппарате СССР сохранились «представители крупной буржуазии и помещиков...».

По Троцкому, вслед за которым идут и многие хроникеры исторических событий, Сталин родился злодеем, с детства был моральным чудовищем. Не нужно доказывать, что такой подход, с которым мы нередко сталкиваемся и сегодня, ненаучен. Априори никто не может считаться преступником. И никто не рождается злодеем. Наличие отрицательных черт — подозрительность, скрытность, жажда власти, мстительность — не всегда и не сразу реализуются в преступлениях.

Большого научного интереса опубликованные на Западе главы книги «Сталин» не представляют. Но они могут быть свидетельством того, что Троцкий боролся главным образом (хотя бы в этой книге) со Сталиным, а не сталинизмом как явлением.

Троцкий мучительно метался в петле противоречия: отвергая полностью Сталина, он никак не мог отделить от него то, что оставалось пролетарским, рабочим, марксистским. Троцкий справедливо полагал, что сталинизм был не закономерностью, а «исторической ненормальностью», что главный продукт Сталина — создание бюрократического коллективизма и аппаратной машины. Не без оснований Троцкий утверждал, что в будущем неизбежен острый конфликт между бюрократией и социальной инициативой.

Приверженность идее перманентной революции у Троцкого сохранилась на всю жизнь. В 1940 году он писал, что если разгорающийся пожар второй мировой войны не приведет к краху капитализма, то историческая перспектива, нарисованная марксистами, нуждается в переосмыслении. «Если международный пролетариат окажется неспособным выполнить свою миссию, то социалистическая программа, основывающаяся на внутренних противоречиях капиталистического общества, превратится в утопию». Годы поражений и гонений не могли не сказаться на пророчествах Троцкого. Однако в одном он остался верен себе: все тяготы и лишения пролетариата, рабочего движения связаны с «бюрократическим вырождением» Сталина и его окружения.

Развенчанием лидера нового Интернационала занимался послушный Сталину Коминтерн. У Советского Союза было немало друзей, которые видели в СССР единственный оплот в борьбе против фашизма и надвигающейся войны. Советская пропаганда за рубежом имела в своем арсенале такой постоянный аргумент: «Троцкий — пособник империализма, его шпион, один из организаторов подрывных действий против СССР». Подаваемый в различных вариациях, этот тезис «работал», несмотря на явные натяжки. Где бы ни находился Троцкий: во Франции, в Норвегии, в Мексике,— у него появлялось много идейных и политических врагов. Это были не только члены компартий, профсоюзов, прогрессивных организаций, но нередко и люди из числа сторонников Троцкого, разочарованные бесплодием его программы.

Конфедерация мексиканских рабочих, Коммунистическая партия Мексики и ее лидер Ломбардо Толедано яростно протестовали против приезда Троцкого в Мексику. У изгнанника была прочная репутация «врага социализма и рабочего класса». Время пребывания Троцкого в Мексике стало непрерывной борьбой многих общественных организаций за выселение его из страны. Троцкий действительно оказался, как он выражался, «гражданином планеты без паспорта и визы».

Троцкистские организации с помощью мексиканских властей в местечке Койоакан приобрели для Троцкого большой дом, который превратили в настоящую крепость, окруженную высоким бетонным забором со смотровой вышкой. Это было здание с обитыми железом дверями, сложной системой сигнализации, пулеметами у охраны. Троцкого постоянно охраняли не менее десяти полицейских и специальных агентов. У него был даже бронежилет, который можно было использовать при выходе за пределы двора. Пресса, радио многих капиталистических стран охотно разносили по свету пышущие ненавистью к Сталину откровения Троцкого. В апреле 1940 года он подготовил «Письмо к советским рабочим: Вас обманывают», фактически призывающее в канун войны сместить Сталина. Он метался, как в клетке, в своем Койоакане, ища способы активизации борьбы со Сталиным. Но сектантство, лозунг, фраза, порой оторванные от жизни, были не в состоянии что-либо серьезно изменить в Советской России.

За четыре месяца до смерти Троцкий писал: «**Октябрьская революция была совершена в интересах трудящихся, а не новых паразитов. Но вследствие запоздалости мировой революции, усталости и в значительной мере отсталости русских рабочих, особенно же крестьян, над Советской республикой поднялась новая антинародная, насильническая и паразитическая каста, вождем которой является Сталин...»** Далее Троцкий, утратив чувство реальности, призывал к восстанию против «новой касты». Для подготовки «**такого восстания нужна новая партия, смелая и честная революционная организация передовых рабочих. Четвертый Интернационал ставит себе задачей создать такую партию в СССР**». Воззвание кончалось словами, в которых были выражены многолетние неизменные приоритеты Троцкого: ненависть к Сталину и приверженность мировой революции:

«Долой Каина Сталина и его камарилью!

Долой хищную бюрократию!

Да здравствует СССР, крепость трудящихся!

Да здравствует мировая социалистическая революция!

25 апреля 1940 г.

С братским приветом — Л. Троцкий».

Когда Сталин прочитал это «Письмо к советским рабочим», он еще раз вызвал Берию и зловеще предупредил, что ему надоело и он уже сомневается: действительно ли в НКВД хотят положить всему этому конец? Нарком провел серию совещаний; были удвоены усилия по ликвидации «пророка». По-видимому, было решено максимально использовать недовольство ряда общественных организаций деятельностью троцкистов, в частности во время гражданской войны в Испании. Как писал Давид Альфаро Сикейрос в книге «Меня называли лихим полковником», еще в Испании они с друзьями решили: «Будь что будет, но штаб-квартира Троцкого в Мексике должна быть уничтожена, даже если бы пришлось прибегнуть к насилию».

Деятельность Троцкого в этот период объективно способствовала (хотел этого или не хотел изгнанник) интересам Берлина, где внимательно следили за «словесной войной» между Троцким и коммунистическими организациями различных стран, публично не выдавая своего глубокого удовлетворения ситуацией. Коминтерн в ряде документов однозначно осудил деятельность IV Интернационала и его лидера Троцкого, «играющих на руку силам войны».

В этой обстановке на Троцкого были организованы два покушения, последнее из которых окончилось смертью изгнанника. 24 мая 1940 года рано утром «группа неизвестных» в форме полицейских разоружила охрану и атаковала помещение, где жил Троцкий с женой, Натальей Седовой. Как писал Сикейрос, «мы, участники национально-револ. войны в Испании, сочли, что настало время осуществить задуманную нами операцию по захвату так называемой крепости Троцкого в квартале Койоакан». Троцкий и Седова успели забиться в угол, за кровать. Несколько десятков пробоин от пуль оказалось на местах, где они только что находились. Ни Троцкий с женой, ни их внук не пострадали. Но каждый последующий прожитый день они расценивали как подарок судьбы, день пощады. Они понимали: идет серьезная охота. Троцкий жил как смертник в камере, не зная, когда наступит момент казни. У него уже больше не было ни сил, ни желания бежать куда-либо. Скрыться и замолчать он не мог. А война со Сталиным оставляла ему крайне мало шансов на выживание.

Полицейский, приехавший, чтобы вести следствие, спросил Троцкого:

— Подозреваете ли господин конкретно кого-либо в покушении?

— Конечно,— ответил чудом уцелевший изгнанник. Наклонившись к уху полицейского, он не без шутовства сказал заговорщицки: «Автор нападения — Иосиф Сталин...»

Убийца-исполнитель был уже рядом. Еще в 1939 году он стал вхож в дом Троцкого под именем Жака Морнара, друга американской троцкистки Сильвии Агелоф, работавшей одним из секретарей у Троцкого. В сфере торгового кинобизнеса, в деловых кругах Морнар представлялся еще и Джексоном. Он эпизодически бывал в Койоакане и в частных разговорах давал понять, что ему «симпатична» позиция Троцкого, предлагал различные планы улучшения финансовых дел IV Интернационала. Так или иначе, как стало известно позднее из американской печати, он вошел в доверие к Троцкому. Джексон не раз заводил разговоры о «сильных личностях», «твердой руке». У Троцкого, как вспоминала впоследствии его жена, даже возникли подозрения: не является ли этот бизнесмен фашистом? Но в действительности это был Рамон Меркадер, один из исполнителей воли «вождя народов», с которым он никогда не встречался.

В середине августа Джексон попросил Троцкого поправить его статью по какому-то мелкому вопросу. Троцкий высказал несколько замечаний. Двадцатого августа, во вторник вечером, Джексон пришел с выправленной статьей, прошел в кабинет Троцкого и попросил посмотреть текст. Троцкий сидел над рукописью. Он только что закончил главу «Термидор» своей книги «Сталин», где со злым сарказмом писал: «По приказу Троцкого, отделенного тысячами километров, становились иностранными шпионами глава правительства Рыков и большинство народных комиссаров: Каменев, Рудзутак, Яковлев, Розенгольц, Чернов, Иванов, Осинский и другие... все они состояли в заговоре против Советской власти, когда она находилась в их руках...» Подыскивая самые уничтожающие слова, Троцкий закончил главу (но не книгу!) фразой: «Под этой картиной нужно поставить подпись мастера: Иосиф Сталин».

Войдя, Джексон «положил плащ на стул, достал из-под него альпинистский альпеншток и, закрыв глаза, обрушил его на голову читающего Троцкого со всей силой». Жертва, по словам Джексона, издала «ужасный пронзительный вопль». Агония продлилась еще сутки.

Трагедия изгнанника, казалось бы, полная: крушение личных надежд, гибель близких от рук Сталина, иллюзорность главной идеи — «мировой социалистической революции» и, наконец, смерть от рук сталинского убийцы. Но в конечном счете трагедия Троцкого, хотя и с большим запозданием, окрашивается в оптимистические тона. Его главный антипод — другой «выдающийся вождь», хотя и посмертно, предан историей анафеме. Троцкий — этот Дон Кихот мирового революционного пожара — навсегда останется в истории как личность сколь яркая, столь и противоречивая, сколь пророческая, столь и тщеславная. Троцкий и Сталин, уже став «выдающимися вождями», навсегда разошлись, ибо каждый из них не мыслил торжества идеи без собственного триумфа.

Из кармана арестованного Меркадера изъяли письмо, в котором он называл себя «разочаровавшимся сторонником Троцкого». Он не мог простить Троцкому, говорилось в записке, его «сговор с лидерами капиталистических держав». Общественность немедленно поставила вопрос: кто был убийца на самом деле? Кто двигал его рукой? Буржуазная печать, естественно, и не без оснований, дружно, хором скандировала: Сталин, Москва, ГПУ, коммунисты. Однако Жак Морнар, он же Джексон, он же в действительности Рамон Меркадер, получив двадцать лет одиночки и полностью отсидев их, не отступил от своих первых показаний. Врачи и психиатры в течение двадцати тюремных лет пытались приподнять завесу над тайной этого человека. Но он стоял на своем.

Убил Троцкого бывший лейтенант испанской республиканской армии Рамон Меркадер, которому в то время было 27 лет. Он был орудием давно вынашиваемой операции, в которой участвовала большая группа специаль-

Речь Ленина перед красными войсками, отправляющимися на польский фронт. Справа около трибуны — Троцкий. 1920 год.

но подобранных людей под руководством Эйтингона. В конце концов выбор пал на Меркадера. Он не только имел боевой опыт, но и был убежден, что восстание анархистов и троцкистов против республиканского правительства в мае 1937 года в Испании было благословлено самим затворником из Койоакана. Меркадер еще не «остыл» от войны, видел в акции убийства благородное революционное деяние. Террорист имел при себе пистолет, кинжал, но использовал ледоруб, надеясь незаметно выйти из дома после исполнения «приговора», вынесенного далеким Сталиным в Москве. Может быть, Меркадеру сохранили жизнь потому, что суд учел последние слова истекающего кровью Троцкого, брошенные схватившим убийцу охранникам:

— Не убивайте его! Пусть он скажет, кто его послал!

Берия после смерти Троцкого получит повышение: станет через пять месяцев Генеральным комиссаром государственной безопасности, передаст дела госбезопасности В. Н. Меркулову, сохранив за собой пост наркома внутренних дел, и присовокупит к нему должность заместителя Председателя Совнаркома.

Когда обнародовали завещание Троцкого, основная часть которого была написана 27 февраля 1940 года, Сталин не мог удержаться, чтобы не прочесть его в переводе. Троцкий, конечно, не обошел вниманием своего главного врага: **«Мне незачем здесь еще раз опровергать глупую и подлую клевету Сталина и его агентуры: на моей революционной чести нет ни одного пятна. Ни прямо, ни косвенно я никогда не входил ни в какие закулисные соглашения или хотя бы в переговоры с врагами рабочего класса. Тысячи противников Сталина погибли жертвами подобных же ложных обвинений».** Затворник пытался составить завещание в духе последних писем Ленина. Но этого не получилось. У Ленина последняя мысль и воля были обращены только к народу, партии, ее Центральному Комитету. Троцкий же говорил главным образом о себе, о своей «преданности делу», своей «чести», своих принципах. **«Если бы мне пришлось начать сначала,—** писал Троцкий в завещании,— **я постарался бы, разумеется, избежать тех или других ошибок, но общее направление моей жизни осталось бы неизменным. Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом... Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности».** Троцкий в своем завещании не упомянул даже своего детища — IV Интернационал...

Сталин перестал расхаживать по кабинету, раскурил трубку, сел за стол. Газету с сообщением о «смерти международного шпиона» отложил в сторону и придвинул к себе папку с надписью «Документы Наркомата иностранных дел».

Редакция попросила меня прокомментировать публикуемое в этом номере эссе Л. Д. Троцкого «Национальное в Ленине». Впервые я прочитал эти заметки еще в мае 1988 г., готовясь к первой лекции о Троцком и троцкизме в Ленинграде, а теперь, перечитав, снова убедился в том, что это очень интересное и ценное произведение.

В самом деле, создалось парадоксальное положение. После войны на протяжении сорока лет издаются солидные двухтомники, трехтомники, пятитомники воспоминаний о В. И. Ленине. В них много ценного, хотя большинство воспоминаний препарированы и сокращены. Но из всех изданий исключено самое ценное — воспоминания ближайших соратников Владимира Ильича: Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Троцкого, десятков других людей. Еще бы! Ведь все это были «враги народа»: собрание иудушек и штрейкбрехеров, замышлявших убить либо Ленина, либо его верного ученика и продолжателя Сталина! И отношение к ним не изменилось даже после XX съезда КПСС. Только в самое последнее время советскому народу возвращены имена тех, кто делал революцию в 1917 г. и закладывал первые камни в строительстве социализма, отстоял социалистическую Родину в гражданской войне. Стало возможно упоминание имен в печати, появились материалы об этих людях. Но нашему читателю, да и, скажем прямо, специалистам-историкам, все еще не известно отношение соратников к Ленину, их воспоминания о нем.

А ведь это те, кто жил с ним десятилетиями рядом, споря и соглашаясь, кто порой враждовал, но потом приходил снова, покоренный его всеохватной преданностью делу, бескорыстием. Он был для них старшим товарищем, более опытным и знающим другом. И, относясь к нему потоварищески, они уже тогда не могли не видеть его исключительности. И они писали об этом и говорили, хотя сам Ленин смущенно и недовольно отмахивался от таких слов.

Публикуемое ниже эссе впервые напечатано 23 апреля 1920 г. в «Правде». Поводом для этого явилось, очевидно, пятидесятилетие Владимира Ильича. Но Троцкий написал не просто юбилейную речь, он выразил здесь свое многолетнее восприятие Ленина. И это представляет главный интерес.

Тема, взятая им для эссе, была смелой и в те годы, когда мировая революция и уничтожение национальных границ казались делом близким, вопросом завтрашнего дня. Она неожиданна и для нас, живущих в 1989 г.

Я помню, как еще двадцать лет назад усиленно пропагандировались выступления некоторых литераторов, которые пытались отделить Троцкого от Ленина в период гражданской войны. А точнее — все, что там было хорошего, отдавалось «нашему человеку» — Ульянову-Ленину, а все кровавое и жестокое — расстрелы офицеров по подозрению в изменах, массовые экзекуции, геноцид против казаков и пр.— приписывалось исключительно «чуждому русскому народу и русской культуре» — Бронштейну-Троцкому. Нелепость такого подхода была очевидна (для тех, конечно, кто хотел видеть) и тогда. Их невозможно разделить в те годы. И доля успехов, и мера ответственности у них равная, если даже не бóльшая у Ленина как главы Совнаркома. Кроме того, вчитайтесь в эти строки, написанные на образном русском языке. И будет ясно, что Троцкий так же всецело принадлежит русской культуре и русской литературе, как, скажем, Рубинштейн — русской музыке, а Левитан и Леонид Пастернак — русской живописи.

Два слова пояснения. Уже 25 лет я изучаю жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина. И данная Троцким характеристика Ленина как национального типа подтверждает и известные мне отзывы других современников Владимира Ильича, и мои собственные наблюдения над источниками. Хотя среди предков самого Ленина мы найдем русского и калмычку, шведку и еврея, он в то же время с детских лет, как губка, впитывал в себя все лучшее, что было в русской народной и дворянской культуре. Он был прост сам и близок к человеку, умел находить общий язык с любым крестьянином и рабочим, вызывал с их стороны доверие и симпатию. Он был наделен способностью привлекать к себе людей. Увы, этой способности Троцкий был лишен с детских лет, он ставил на первое место прежде всего стремление к самоутверждению и независимости.

Троцкий наблюдал Ленина два десятка лет, с 1902 года. В публикуемом тексте он делится с читателем и своим сокровенным наблюдением, и размышлениями об интернациональном и национальном. Это соотношение представлялось тогда иначе, чем сегодня. Тогда — это Россия и весь остальной мир. Советская Россия и пока еще капиталистический мир, который завтра же станет социалистическим тоже. Поэтому в общем плане эта статья иллюстрирует подход русских большевиков к мировой революции, который разделял и Ленин. Только после поражения Красной Армии в советско-польской войне и крушения планов «советизации», как тогда говорили, Польши и Германии Ленин начал пересматривать концепцию мировой революции эпохи 1917—1920 гг. Так что перед нами вдвойне интересный исторический документ. Эта работа неоднократно издавалась при жизни Ленина. Здесь текст печатается по газете «Правда» от 23 апреля 1920 года.

Виталий СТАРЦЕВ,
доктор исторических наук

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

Интернационализм Ленина не нуждается в рекомендации. Он лучше всего характеризуется непримиримым разрывом в первые дни мировой войны с той подделкой под интернационализм, которая господствовала во II Интернационале. Официальные вожди «социализма» примиряли с парламентской трибуны интересы отечества с интересами человечества отвлеченными доводами в духе старых космополитов. На практике это вело, как мы знаем, к поддержке грабительского отечества силами пролетариата.

Интернационализм Ленина — никак не формула словесного примирения национального с интернациональным, а формула международного революционного действия. Мировая территория, захваченная так называемым цивилизованным человечеством, рассматривается как единое поле гигантской борьбы, составными элементами которой являются отдельные народы и их классы. Ни один крупный вопрос не замыкается в национальные рамки. Видимые и невидимые нити соединяют его действенной связью с десятками явлений во всех концах мира. В оценке международных факторов и сил Ленин свободнее, чем кто-либо, от национальных пристрастий

Маркс считал, что философы достаточно истолковали мир, и видел задачу в том, чтобы переделать его. Но сам он до этого не дожил — гениальный предтеча. Переделка старого мира ныне в полном ходу, и первым ее работником является Ленин. Его интернационализм есть практическая оценка и практическое вмешательство в ход исторических событий в мировом масштабе и в мировых целях. Россия и ее судьба — только один из элементов этой грандиозной исторической тяжбы, от исхода которой зависит судьба человечества.

Интернационализм Ленина не нуждается в рекомендации. Но в то же время сам Ленин глубоко национален. Он корнями уходит в новую русскую историю, собирает ее в себе, дает ей высшее выражение и именно таким путем достигает вершин интернационального действия и мирового влияния.

На первый взгляд, характеристика фигуры Ленина, как «национальной», может показаться неожиданностью, но в сущности это разумеется само собой. Для того чтобы руководить таким небывалым в истории народов переворотом, какой переживает Россия, нужна, очевидно, неразрывная органическая связь с основными силами народной жизни, связь, идущая от глубочайших корней.

Ленин олицетворяет собой русский пролетариат, молодой класс, которому политически, пожалуй, не больше лет, чем Ленину от роду, но класс глубоко национальный, ибо в нем резюмируется все предшествующее развитие России, в нем все ее будущее, с ним живет и падает русская нация. Свобода от рутины и шаблона, от фальши и условности, решимость мысли, отвага в действии — отвага, никогда не переходящая в безрассудство,— характеризуют русский пролетариат, и с ним вместе — Ленина.

Природа русского пролетариата, которая делает его ныне важнейшей силой международной революции, подготовлена ходом национальной русской истории: варварской жестокостью самодержавного государства, ничтожеством привилегированных классов, лихорадочным развитием капитализма на дрожжах мировой биржи, выморочным характером русской буржуазии, упадочностью ее идеологии, дрянностью ее политики. Наше «третье сословие» не имело и не могло иметь ни своей Реформации, ни своей Великой Революции. Тем более всеобъемлющий характер приобрели революционные задачи русского пролетариата. Наша история не дала в прошлом ни Лютера, ни Фомы Мюнстера, ни Мирабо, ни Дантона, ни Робеспьера. Именно поэтому русский пролетариат имеет своего Ленина. Что потеряно в традиции, то выиграно в размахе революции.

Ленин отражает собой русский рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его столь еще свежем крестьянском прошлом. У этого самого бесспорного из вождей пролетариата не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплека.

Перед Смольным стоит памятник другому большому человеку мирового пролетариата: Маркс на камне, в черном сюртуке. Конечно, это мелочь, но Ленина даже мысленно никак не оденешь в черный сюртук. На некоторых портретах Маркс изображен с широко открытой крахмальной манишкой, на которой болтается что-то вроде монокля. Что Маркс не был склонен к кокетливости, это слишком ясно для тех, кто имеет понятие о духе Маркса. Но Маркс родился и вырос на иной национально-культурной почве, дышал иной атмосферой, как и верхи немецкого рабочего класса своими корнями уходят не в мужицкую деревню, а в цеховое ремесло и в сложную городскую культуру средних веков.

Самый стиль Маркса, богатый и прекрасный, сочетание силы и гибкости, гнева и иронии, суровости и изысканности, несет в себе литературные и эстетические накопления всей предшествующей социально-политической немецкой литературы, начиная с Реформации и ранее. Литературный и ораторский стиль Ленина страшно прост, утилитарен, аскетичен, как и весь его уклад. Но в этом могучем аскетизме нет и тени моралистики. Это не принцип, не надуманная система и уже, конечно, не рисовка, это — просто высшее **выражение внутреннего сосредоточения сил для действия.** Это хозяйская, мужицкая деловитость, только в грандиозном масштабе.

Маркс — весь в «Коммунистическом Манифесте», в предисловии к своей «Критике», в «Капитале». Если бы он даже не был основателем I Интернационала, он навсегда остался бы тем, чем является сейчас. Наоборот, Ленин весь в революционном действии. Его научные работы — только подготовка к действию. Если бы он не публиковал в прошлом ни одной книги, он навсегда вошел бы в историю таким, каким входит теперь: вождем пролетарской революции, основателем III Интернационала.

Ясная научная система — материалистическая диалектика — необходима для действия того исторического размаха, какой выпал на долю Ленина, необходима, но недостаточна. Тут нужна еще та подспудная творческая сила, которую мы называем интуицией: способность на лету оценивать явления, отделять существенное и важное от шелухи и пустяков, заполнять воображением недостающие части картины, додумывать за других, и прежде всего за врагов, сочетать все это воедино и наносить удар одновременно с тем, как в голове складывается «формула» удара. Это — **интуиция действия.** Одной стороной своей она сливается с тем, что по-русски зовется **сметкой.**

Когда Ленин, прищурив левый глаз, слушает радиотелеграмму, заключающую в себе парламентскую речь одного из империалистических вершителей судеб, или очередную дипломатическую ноту — сплетенье кровожадного коварства с полированным лицемерием,— он похож на крепко-умного мужика, которого словами не проймешь и фразами не обманешь. Это — мужицкая сметка, только с высоким потенциалом, развернувшимся до гениальности, вооруженная последним словом научной мысли.

Молодой русский пролетариат мог совершить то, что совершает, только рванув за собой на своих корнях тяжелую глыбу крестьянства. Все наше национальное прошлое подготовило этот факт. Но именно потому, что ходом событий у власти поставлен пролетариат, революция наша сразу и радикально преодолела национальную ограниченность и провинциальную захолустность прежней русской истории. Советская Россия стала не только убежищем Коммунистического Интернационала, но и живым воплощением его программы и его методов.

Теми неведомыми, наукой еще не раскрытыми путями, какими формируется человеческая личность, Ленин впитал в себя из национальной среды все, что понадобилось ему для величайшего в человеческой истории революционного действия. Именно потому, что через Ленина социалистическая революция, давно имеющая свое интернационально-теоретическое выражение, нашла впервые свое национальное воплощение, Ленин стал, в самом прямом и самом непосредственном смысле, революционным руководителем мирового пролетариата. Таким его застал день его пятидесятилетия.

Елена СКВОРЦОВА

Фото
Владимира ЛАГРАНЖА

ДНИ И НОЧИ ДОКТОРА ШИЛЯЕВА

В Копки мы добрались только к обеду. Больница стоит на краю села. Двухэтажное кирпичное здание смотрится чужаком среди низких бревенчатых изб. В ординаторской, где мы ждем главврача, душно и влажно. Входит Олег Федорович. Под распахнутым халатом — костюм-тройка. Несколько приветственных фраз — и совершенно неожиданное признание:

— Знаете, я бы давно уехал, но здесь — моя родина...

Доктор не хотел «произвести впечатление». И костюм-тройка был надет не для нас. Шиляев так ходит всегда.

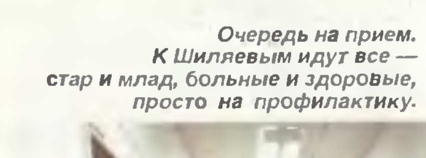
Земский врач. Помните, у Вересаева:

«Ты, брат, не знаешь, что такое земская служба... Со всеми нужно ладить, от всякого зависишь. Больные приходят, когда хотят, и днем, и ночью, как откажешь... Участок у меня в 50 верст, два фельдшерских пункта в разных концах, каждый я обязан посетить по два раза в месяц. Спишь и ешь черт знает как. И это изо дня в день, без праздников, без перерыву. Дома сынишка лежит в скарлатине, а ты поезжай... Крайне тяжелая служба!»

Эти строчки написаны 100 лет назад. И что же, многое изменилось за это время? Сегодняшний сельский врач, например, Олег Федорович Шиляев, мог бы подписаться под каждым из этих слов. Правда, размеры участков за это время несколько раз менялись — укрупнения, разукрупнения (это не способствовало улучшению здравоохранения, но новомодные идеи создавали иллюзию работы чиновничьего аппарата). В устоявшемся наконец варианте участок современного врача все-таки покрупнев, чем у коллеги сто лет назад. Сельский врач сегодня должен обслуживать не менее двух тысяч человек. Фельдшерских пунктов на участках теперь обычно бывает три. Ну, и, конечно, у доктора, как у лица, охраняемого профсоюзом, имеется право на отпуск. Если, конечно, есть замена...

В Удмуртии работает 41 участковая сельская больница. И редко какой штат укомплектован полностью. Не держатся на селе специалисты. Больница в Копках — одна из лучших в автономной республике, но и в ней два врача занимают три ставки, а положено пять специалистов...

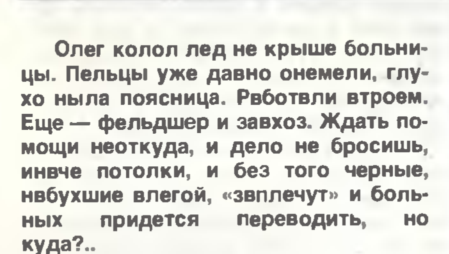
Почти вся семья в сборе, но Татьяна сегодня задержалась в больнице, поэтому на кухне хозяйничает Олег.

Очередь на прием. К Шиляевым идут все — стар и млад, больные и здоровые, просто на профилактику.

Только что закончилась одна операция. Несколько минут отдыха, и Олегу нужно быть готовым к следующей.

На обходе в мужской пвлате.

Олег колол лед не крыше больницы. Пельцы уже давно онемели, глухо ныла поясница. Рвботвли втроем. Еще — фельдшер и завхоз. Ждать помощи неоткуда, и дело не бросишь, инвче потолки, и без того черные, нвбухшие влегой, «звплечут» и больных придется переводить, но куда?..

Олег Федорович отложил лом и с сожелением поглядел не свои руки. Хорошо еще, что сегодня нет опервции.

«...можвт ли срвдний врач,— нв подвижник, а обыкноввнный работник,— прожить в деревне врачвбным трудом...»,— задавтся вопросом Вересаев. И отввчавт отрицатвльно. Причины, по мнвнию писателя,— бедность и бескультурье деревни. Но и сейчас обычному доктору, не подвижнику, прижиться на селе не удается. К примвру, краткая история всв той же Копкинской больницы доказывает зто. Подолгу здесь никто не задврживался.

Одиннадцать лет назад приехали сюда Шиляевы. Он — хирург, назначенный главврачом. Жвна Татьяна — гинеколог. Немного времени прошло — поняли: свлу нужны совсем другив специальности — терапввт и педиатр. Пришлось срочно овладевать смежными специальностями.

Но почвму все-таки трудно удвржать врача нв свльской землв? Можвт, потому, что изначально двлавтся ставка на его знтузиазм? И зтим мвстныв аласти как бы снимают с свбя ответственность за вго быт, зв обустройство больнички? Нв меньшв полсотни раз Шилявв побывал в Ижевске только по вопросам строитвльства нового здания (которов уже спустя несколько месяцвв после сдачи потрвбовало капитального ремонта), а еще нужно и к архитвкторам, и выбить мвбвль и оборудованив... Дажв за мылом и лампочками приходится вхать в Ижевск.

Доктор приехал! Проведвть Ивановну хоть раз в месяц необходимо. Она ведь осталвсь в деревне совсем одна.

...Тот день был соеершенно сумасшедшим. Как нерочно, хозяйственные делв обрушились нв них нвстоящим шквалом. Потом — осмотр больных, которые лежвт в стационаре, прием, две сложные операции. Домой они с женой шли, шетеясь от устелости. Не описвние операций сил уже не было, и решили это сделеть утром. А вечером приехеле комиссия из Москвы. Проверяющие квтегорично заявили, что в теком помещении больных держвть нельзя, тем более оперировать. Одна чиновнея дама уеидела незаполненные истории бо-

лезней и взорввлвсь: «Тут ничего не записано! Нвверное, ввши больные уже умерли!». Шиляевы попытвлись все объяснить, в в ответ услышвли: «Хирургией можете звниматься в личное время».

Эх, знвла бы она...

Однажды Татьяне пришлось оперировать со сломанной ногой:

— Перед глазами плывут круги, ногв в гипсе. Меня поставили, к стенке приперли, и я оперировала. А куда денешься? Больше некому.

Копкинская участковая больница обслуживает 18 деревень. Самая близкая — 5 километров. Дорог почти нет. Застрять зимой в сугробах — обычное дело. Весной и осенью и вовсе хоть караул кричи. Олегу ночью не раз приходилось перебираться через разлившуюся речку, чтобы помочь пострадавшим от наводнения. На вызовы в отдаленные деревни частенько добирается на мотоцикле... Односельчане влюблены в Шиляевых, других врачей не надо. При нас женщина отказалась ехать в районную больницу, где ей предстояла операция под общим наркозом:

— Пусть под местным, пусть больно, пусть. Но здесь. И только вы.

Шиляевы не воспринимают свою жизнь в Копках как вынужденный подвиг, за который следует ждать награду. Обычная работа сельского врача; они всегда готовы оказать помощь нуждающемуся. В селе немало старушек, благодарных Олегу за то, что не забывает зайти, узнать, как дела, проверить давление, сделать укол. А Татьяна знает всех малышей в округе — чем болели, какой аппетит, какая атмосфера в семье...

Не удержались, спрашиваем:

— Олег Федорович, что же это такое — сельский врач?

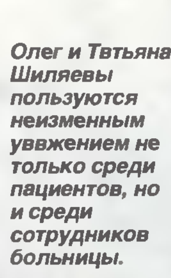
— Мастер на все руки. Но прежде всего — человек и гражданин.

Олег родился неподалеку от Копков, в деревне Бибаны. Сейчвс это — брошенная деревня. Живет здесь восьмидесятилвтняя старуха, одна, нв несколько километров вокруг — ни людей, ни жилья. Шиляев нввещает стврушку регулярно. Вдруг ей что-нибудь нужно? Нв этот рвз мы отпрввляемся вместе. Она раде нежданным гостям. Ей хочется поговорить... Вдруг скороговоркой выпвливает:

— Вроде уезжвть собирветесь? В Селты? Квк услышвлв, сердце у меня упало. Ой, квк хорошо, что вы оствлись.

Олег Федорович успокоил стврyху: байки! Потом с шофером нвколол дров, натвсквл воды. Когда-то к ней еще кто-нибудь заглянет?

Олег называет себя земским врачом. Сколько их, бескорыстных талантов, трудится по селам и весям? Поклонимся благодарно таким людям.

Олег и Твтьяна Шиляевы пользуются неизменным уввжением не только среди пациентов, но и среди сотрудников больницы.

Сергей КАРА-МУРЗА,
доктор химических наук

ВЫСШИЙ ЭШЕЛОН: ТРЕБУЮТСЯ ПРОФЕССИОНАЛЫ

Звучит непривычно. Социалистическое общество и — элита? Совместимы ли эти понятия?

Сразу скажем, что речь в статье идет не о выделении какого-то нового, особо привилегированного социвльного слоя, каковых мы имели (и продолжвем иметь) в достатке. Автор рассуждает об упрввленческой элите, облеченной в любом демократическом правовом государстве прежде всего ответственностью перед своим народом. Долгое время у нас декларировалось, что в советском обществе профессионалов такого рода вообще нет и не может быть,— влесть принадлежала сначелв всему рабочему клвссу в союзе с трудовым крестьянством, в звтем и всему народу... Под зти убаюкивающие речи немыслимо разраствлся комвндно-административный вппарат, на счету которого истощенные природные ресурсы и разрушеннвя экология, доведенная до кризиса экономика... Каста управленцев существовала у нас всегда. другое дело, что не всегда она имелв достаточно высокий морвльный и профессиональный уровень для выполнения своих нелегких обязанностей.

Засилье бюрократов во всех сферах общественной жизни вызывает справедливое негодоввние людей. Рецептов против этого засилья немало. По мнению С. Кара-Мурзы, выход — в повышении компетентности управленческого слоя.

Надо наконец прямо поставить вопрос, который витает в публицистике последних лет: может ли в принципе быть эффективным тот тип государственных предприятий, который мы до недавнего времени считали социалистическим? В чем коренные причины неэффективности?

Публицистика отвечает достаточно определенно (при полном молчании официальных экономистов): став полновластным распорядителем общенародной собственности, государство извратило ее характер, создало касту бюрократов, действующих против интересов общества, и доказало свою полную неспособность эффективно распоряжаться средствами производства. Основная причина развала промышленности, считает большинство авторов,— в отчуждении работника от средств производства.

В соответствии с таким видением проблемы предлагаются различные пути выхода из кризиса: аренда заводов коллективом, кооперативные предприятия, государственно-кооперативные консорциумы, приобретение «части завода» акционерными обществами.

Есть ли иной подход?

Сравним наше государственное предприятие с капиталистической корпорацией и принадлежащим рабочему коллективу кооперативным предприятием (например, во Франции, где один такой кооператив входит в пятерку крупнейших производителей электронной техники). Очевидно, что в наибольшей степени отчужден от средств производства рабочий корпорации, а рабочий кооперативного завода с полным основанием чувствует себя совладельцем предприятия. Тем не менее эффективность кооперативов не идет ни в какое сравнение с эффективностью корпораций, и выживают лишь те кооперативы, которые нанимают мвнеджеров и перестраивают производственный процесс по образцу капиталистического предприятия (вплоть до того, что приходится образовывать профсоюз, защищающий кооператорарабочего от него же самого как собственника!).

Сравнение показывает, что само по себе отчуждение от собственности не является фактором, неизбежно подрывающим производство, а устранение отчуждения вовсе не приводит к повышению эффективности. Следовательно, в нашей стране к этому фактору примешиваются другие, еще не выявленные, которые в совокупности многократно усиливают разрушительное действие отчуждения.

Прежде чем перейти к поискам этих «невыявленных факторов», заметим, что попытки возложить вину за кризис экономики на отдельную социальную группу (класс бюрократов) вообще не выдерживают критики. Они дают недорогой пропагандистский успех и возможны лишь в обществе, приученном периодически искать виновников, локализованных в сравнительно небольшой субкультуре. Для нас «огонь по штабам» — всегда праздник (этим, кстати, умело пользовался Сталин, который «крушил бюрократов, невзирая на лица»).

Публицисты, выступающие против бюрократии, как правило, избегают давать ей точное определение. Если попытаться из эмоционально насыщенных текстов извлечь четкие формулировки, то получится, что нашему бюрократизму публицисты противопоставляют «идеальную бюрократию», описанную социологом Максом Вебером в начале века, то есть борются не за разрушение бюрократической системы, а против отклонений от ее идеального образа, которыми так грешит наша «недобюрократия».

Настойчиво внедряемое в наше общественное сознание представление о том, что западное общество небюрократично,— это, мягко говоря, недоразумение. Количество информации, которую «пропускает» через себя управленец в США, и количество регламентов и инструкций, которые он учитывает, нашему бюрократу не приснится и в страшном сне. В любой американской гостинице к подушке пришит ярлык, на котором мельчайшим шрифтом написаны выдержки из десятка законов, которыми регламентировалось производство этой подушки.

Сложное общество не может не бюрократизироваться. Радикально отвергли бюрократическую регламентацию разве что экспериментаторы на Чернобыльской АЭС да медперсонал в Элисте...

Совершенно другой еопрос: в рамках какой культуры, какого мышления функционирует профессиональный работник управления, каково качество политической элиты, вырабатывающей основные решения?

Вот первая гипотеза.

Социалистическая бюрократизация общества, не прошедшего школу капитализма и не проникшегося системным мышлением, привела к возникновению особой культуры (мироощущения, ценностей, стиля мышления), которая пропитала все его поры и ориентирует людей на упрощение действительности, изживание разнообразия и решение проблем «силовыми» способами. Механизм формирования элиты, утвердившейся в этой культуре, низводит ее до уровня посредственности. При объективном усложнении экономики и общественной жизни принимаемые элитой решения все больше противоречат реальности и приводят к ускоряющемуся падению эффективности или даже деградации производительных сил.

Капитализм любому неграмотному человеку через его собственную шкуру вбивает жестокие уроки системного мышления. Такого мышления не было ни у помещика, ни у крестьянина в патриархальной общине, не вырабатывается оно и у работников социалистических предприятий. На первых этапах индустриализации и во время войны, когда экономика была сравнительно простой, а задачи — вполне определенными, отсутствие системного мышления не приводило к катастрофическим последствиям. Сейчас же мы платим за неумение мыслить огромную социальную цену. Важно понять, что это неумение исходит вовсе не от работников министерств (точнее, не от них одних), его нельзя ликвидировать вместе с классом бюрократов. Разумеется, ущерб, наносимый обществу из-за элементарных ошибок в управлении сложными экономическими, технологическими и социальными системами, виден гораздо лучше, чем «микроошибки» бригадира, токаря или пионервожатого. Но если посадить в кресло министра этого бригадира или токаря, тип ошибок в принципе не изменится.

Раз уж мы заговорили об ошибках руководства (лучше, впрочем. говорить не об ошибках, а о закономерных, обусловленных типом мышления плохих решениях), уместно сформулировать еще одну гипотезу: плохие, ошибочные решения руководства оказывают на работника по меньшей мере столь же разрушительное воздействие, как и отчуждение его от средств производства.

Тотальное воспитание населения

в рамках бюрократического (а не системного) мироощущения — важная причина снижения эффективности экономики. Разумеется, многие категории людей не поддаются этому воспитанию. Одних защищает интеллигентная семья, других — собственный талант или умение носить «социальную маску» и вести скрытую духовную жизнь, третьи сознательно или случайно отказываются от «официального успеха». Все эти слои общества, кстати, очень активны в перестройке.

Снижение качества управленческой элиты — очень щекотливая тема. Наши смелые публицисты эту всем очевидную реальность или замалчивают, или же невнятно рассуждают об инертности, некомпетентности руководителей и т. п. А между тем именно сейчас это снижение достигло, пожалуй, значения критического.

За последние три года многочисленные газетные и телевизионные интервью с чиновниками среднего ранга наглядно показали, что их интеллектуальный уровень в большинстве случаев очень низок. Что касается чиновников от экономики рангом повыше, тут материала для анализа недостаточно — они, как правило, молчат, хотя само это молчание вряд ли можно считать обнадеживающим признаком. Отрадно, что «экзамен на министра» в ходе первой сессии Верховного Совета СССР многое прояснил. Но это лишь первый шаг...

Некоторое суждение об интеллекте руководителей министерств и ведомств можно вынести на основании изучения «любимых» программ, выношенных в лоне ведомств. Сейчас мы всем миром радуемся нелегкой победе над программой Минводхоза (хотя победа эта пока еще весьма иллюзорна). Но разве так уж сильно отличается в этом Минводхоз от других министерств? Возможно, если бы С. Залыгин был в прошлом не землеустроителем, а железнодорожником, мы бы сегодня обсуждали многомиллиардный проект строительства железной дороги Москва — Крым с поездом на магнитной подушке...

В нашей практике достаточно примеров, когда умные, квалифицированные и честные руководители при тех же самых отношениях собственности создавали очень эффективно работающие коллективы. Нелегко сопротивляться воздействию среды, но хотя бы на какое-то время им удавалось как бы «выключить» отчуждение работников от средств производства.

Все сильнее ощущается внутренняя противоречивость перестройки, которую пытаются иной раз осуществить, не затрагивая старую элиту. Что, кроме удивления, могут вызвать просьбы перестроиться в адрес, например, ведущих ученых и профессуры в области обществоведения? Ведь это люди, которые активно создавали идеологическую основу той самой административной системы, которую предполагает ликвидировать перестройка. По команде сверху их побуждают сжечь то, чему они поклонялись (или делали вид, что поклоняются). Убеждения даже самых циничных людей не могут меняться слишком быстро. Когда этот процесс форсируют, общество получает новый отряд квазиконформистов, затаивших злобу на своих духовных поработителей. Именно в таком состоянии, на мой взгляд, находится сейчас большая часть напуганной перестройкой старой элиты.

К сожалению, с самого начала перестройки не был использован альтернативный путь: не насильственное сбривание «усов сталинизма» со старых бюрократов и их воспитанников, а целенаправленное создание очагов для взращивания и воспроизводства качественно новой элиты и ее внедрение в структуры управления. Социальная база для этого огромна.

Не исключено, что руководство страны искренне надеялось на то, что состав элиты будет обновлен благодаря выборам бригадиров и директоров, хотя никаких логических и исторических предпосылок для таких надежд не было. Эти иллюзии могли быть порождены только неуважением к административной системе и незнанием социальных механизмов ее самозащиты и воспроизводства. В результате выборов ушли в тень или были перемещены по горизонтали наиболее одиозные персоны, но в целом бюрократические структуры лишь окрепли, получив «одобрение народа» через демократическую процедуру. Иначе и быть не могло в бюрократизированных организациях с их разветвленной системой контроля за лояльностью по отношению к руководству — в организациях, каждая из которых представляет собой микрогосударство. (Вспомним тот же проект «переброски рек». Над ним трудились тысячи квалифицированных научных работников и инженеров. Многие из них, безусловно, понимали научную несостоятельность и антисоциальную сущность проекта. Однако оппозиции проекту в недрах НИИ Минводхоза и Института водных проблем АН СССР, по сути дела, не было. Выступить против него осмелились лишь специалисты из независимых организаций.) В сущности, партийное руководство призвало людей к бескомпромиссной борьбе с бюрократизмом, не обеспечив им реальной защиты от ответных ударов.

Действия «снизу» тоже пронизаны прежним мышлением, до изменения мировоззренческих установок они и не могут привести к качественному сдвигу в механизме и критериях формирования элиты. Два эпизода говорят об этом достаточно красноречиво: подготовка к XIX Всесоюзной партконференции и предвыборная кампания 1989 года.

В течение нескольких месяцев перед конференцией рефреном всех выступлений в печати был призыв не дать просочиться в число делегатов противникам перестройки! При этом перестройка понималась как вполне определенная политическая линия. Таким образом, большинство получивших доступ на страницы газет были озабочены не тем, чтобы на конференции были отражены реально существующие в партии взгляды и концепции, чтобы народ смог быть свидетелем гласного столкновения мнений о путях развития общества, а тем, чтобы на партийном форуме не просто доминировала, а получила абсолютное превосходство одна определенная точка зрения.

Не менее странные вещи происходили при выдвижении кандидатов в народные депутаты. Здесь в большинстве выступлений в качестве главного критерия выдвигался такой: депутат должен быть борцом, должен иметь смелость отстаивать интересы своих избирателей. Риторика такова, будто выбирается крестьянская депутация к барину с крутым нравом, а не верховный орган власти. Практически никто не предлагал иных критериев оценки, не говорил, что кандидатом должен быть умный и осмотрительный человек, который бы умел понять противоречивые интересы разных социальных групп и был способен терпеливо искать компромиссы и приемлемые решения, поднимаясь над эмоциями и потребностью самовыражения в эффектных речах и действиях. Вероятно, эти качества некоторым кандидатам присущи, но они тщательно скрывались от публики, которая требовала одного — умения бесстрашно резать «правду-матку»...

Могут сказать: если «стандартные» демократические процедуры (разного рода выборы) при неизжитом влиянии бюрократических структур оказываются недейственными, то как же прикажете формировать новую элиту? В этом как раз и заключается проблема. Но она не будет решена, если не произвести анализа общественной ситуации и не предлагать альтернативы.

Во-первых, я думаю, что даже при благоприятных условиях (демократизация в низовых коллективах, дебюрократизация средней и высшей школы) формирование элиты является не статистическим, а строго избирательным, цепным процессом. Не происходит равномерного, «диффузного» подъема новых людей, а создаются очаги, «школы», способствующие выращиванию руководителей с новым мышлением и образом действий (подобно тому, как нобелевские лауреаты в большинстве случаев вырастают в лабораториях нобелевских же лауреатов). Поначалу таких очагов вовсе не должно быть слишком много — их создание под силу высшему руководству страны. Затем, окрепнув, «выжившие» очаги устанавливают между собой связи и превращаются в жизнеспособную систему, представляющую альтернативную старой элите силу в руководстве.

Происходит ли у нас подобный процесс? К сожалению, нет. К представителям тех групп, которые могли бы стать зародышами структур, формирующих новую элиту, обратились с настойчивым призывом «не скандалить» и сотрудничать с носителями бюрократического мироощущения во вновь возникших организациях (комитетах, комиссиях, фондах и т. п.).

Достаточно автономными очагами для воспитания руководителей нового типа с раскованным мышлением в этих условиях смогли стать лишь кооперативы да... группы организованной преступности. К сожалению, ценностная ориентация тех и других такова, что выращиваемая в них элита вряд ли будет отстаивать фундаментальные духовные и демократические ценности. Она скорее предпочтет выгодный союз с косметически подновленными бюрократическими структурами.

Чем раньше ведущие умы перестройки обратятся к «скрытой» проблеме изменения механизмов и критериев выдвижения и «выращивания» новой руководящей элиты страны, тем быстрее мы выйдем из экономического кризиса.

200 лет

Французская революция — одно из тех событий, которые определяют судьбы людей на много последующих веков... События следуют друг за другом, как волны взволнованного моря, и есть еще люди, которые считают, что революция уже окончена! Нет! Нет! Мы еще увидим много удивительных вещей. Крайнее волнение умов служит этому предзнаменованием...

Николай Карамзин

«Декларация прав человека и гражданина»

ДОКУМЕНТЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ТРЕТЬЕГО СОСЛОВИЯ ОТ 17 ИЮНЯ 1789 г.

Собрание, обсудив результаты проверки полномочий, признает, что оно уже в настоящее время состоит из представителей, непосредственно посланных, по крайней мере 96%, всей нации. ...Ему одному... принадлежит право выражать и предстаелять общую волю нации; между троном и этим Собранием не может существовать никакого вето, никакой власти, имеющей запретительную силу.

Вследствие этого Собрание объеляет, что общее дело национального возрождения может и должно быть начато без промедления присутствующими депутатами и что они должны приступить к этому безотлагательно, невзирая на препятствия.

Наименование «Национальное собрание» есть единственное, подходящее для данного собрания при настоящем положении вещей...

ИЗ ДЕКРЕТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ ОТ 4—11 АВГУСТА 1789 г.

Национальное собрание полностью отменяет феодальный строй. Оно постановляет, что те из феодальных или чиншевых прав и обязанностей, которые относятся к личному или вещному крепостному праву и к личной зависимости, отменяются без выкупа; все остальные повинности подлежат выкупу...

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА, ПРИНЯТАЯ НАЦИОНАЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ 26 АВГУСТА 1789 г.

Представители французского народа, образовав Национальное собрание и полагая, что лишь невежество, забвение прав человека и пренебрежение к ним являются единственными причинами общественных бедствий и пороков правительства, приняли решение изложить в торжественной декларации естественные, неотъемлемые и священные права человека, чтобы такая декларация, неизменно пребывая перед взорами всех членов общественного союза, постоянно напоминала им их права и обязанности; чтобы действия законодательной и исполнительной власти при возможном сопоставлении в любой момент с целями каждого политического учреждения встречали большее уважение; чтобы притязания граждан, основанные на простых непререкаемых началах, устремлялись к соблюдению конституции и всеобщему благополучию...

1. Люди рождаются и остаются свободными и равными е правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы.

2. Цель каждого государственного союза составляет обеспечение естестеенных и неотъемлемых прае человека. Таковы свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

3. Источник суверенитета зиждется, по существу, в нации. Никакая корпорация, ни один индивид не могут располагать властью, которая не исходит явно из этого источника.

4. Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека встречает лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. Границы эти могут быть определены законом.

5. Закон может воспрещать лишь деяния, вредные для общества. Все же, что не воспрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден к действию, не предписываемому законом.

6. Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его образовании. Он должен быть равным для всех как в тех случаях, когда он оказывает свое покровительство, так и в тех, когда он карает. Всем гражданам ввиду их равенства перед законом открыт в равной мере доступ ко всем общественным должностям, местам и службам сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме обусловливаемых их добродетелями и способностями.

7. Никто не может подвергнуться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом. Тот, кто испросит, издаст произвольный приказ, приведет его в исполнение или прикажет его выполнять, подлежит наказанию; каждый гражданин, вызванный (органами власти) или задержанный в силу закона, должен беспрекословно повиноваться; в случае сопротивления он подлежит ответственности.

8. Закон может устанавливать наказания, лишь строго и бесспорно необходимые. Никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, надлежаще примененного, изданного и обнародованного до совершения правонарушения.

9. Так как каждый предполагается невиновным, пока не установлено обратное, то в случае задержания лица всякая излишняя строгость, не вызываемая необходимостью в целях обеспечения его задержания, должна сурово караться законом.

10. Никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом.

11. Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин поэтому может высказываться, писать и печатать свободно под угрозою ответственности лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом.

12. Обеспечение прав человека и гражданина влечет необходимость применения вооруженной силы; эта сила, следовательно, установлена в интересах всех, а не в частных интересах тех, кому она вверена.

13. На содержание вооруженной силы и на расходы по содержанию администрации необходимы общие взносы; они должны распределяться равномерно между всеми гражданами сообразно их состоянию.

14. Все граждане имеют право устанавливать сами или через своих представителей необходимость государственного обложения; свободно давать согласие на его взимание, следить за его расходованием и определять его долевой размер, основание, порядок и продолжительность взимания.

15. Общество имеет право требовать отчета у каждого должностного лица по вверенной ему части управления.

16. Общество, в котором не обеспечено право пользования правами (человека и гражданина) и не проведено разделение властей, не имеет конституции.

17. Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, то никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения.

Публикация И. ВАСИЛЬЕВОЙ

Натан ЭЙДЕЛЬМАН

Приезжайте к нам в Париж в 1989-м: будет 200 лет нашей революции. А мы, чтобы сравнить, приедем к вам в 2117-м, когда будет двухсотлетие вашей...

(Из парижских разговоров)

14 июля 1939 года — 150-летие Французской революции. Как чтили в России и Франции этот юбилей?

Париж.

Споры о том, что произошло 150 лет назад, чрезвычайно горячи — речь идет не только и не столько о XVIII, сколько о XX веке. 11 июля по парижскому радио идет передача «Республика вас зовет», поражающая слушателей картинами казней, ужасов 1790-х годов; ее комментирует знаменитый прогрессивный политический деятель Эдуард Эррио:

«Французская революция не представляет единства... Взаимная ненависть людей препятствовала движению идей. Робеспьер слишком часто обращается за советом и воспоминаниями к тени Руссо... Достойный поклонения поэт, прямой наследник Расина, Андрей Шенье принесет свою голову на эшафот. О, горе!»

Однако в эти же дни 14 тысяч интербригадовцев и других защитников недавно павшей Испанской республики, перешедших во Францию и тут же заключенных в концлагерь,— на 52 языках чествуют Французскую революцию...

21 сентября в Париже планируется торжественное празднование годовщины первого дня первого года республики...

Как угадать, что 21 сентября 1939 года будет уже для Франции восемнадцатым днем второй мировой войны...

Как угадать, что следующего 14 июля, в 1940 году, Париж уже месяц занят гитлеровцами. «1789 год вычеркивается из истории»,— распорядился в одной из речей Геббельс...

150-летие штурма Бастилии — мы теперь понимаем — это «мирный островок», последний праздник перед новым чудовищным штормом...

Москва.

«Правда», «Литературная газета» извещают об архивных выставках: в Советском Союзе — около 10 000 документов Французской революции, в Эрмитаже и Публичной библиотеке Ленинграда, в Библиотеке имени Ленина и других хранилищах Москвы экспонировались для публики книги из библиотеки Вольтера и Дидро, собственноручные письма Бабефа, полтора десятка подлинных документов якобинского Комитета общественного спасения, подписанных Робеспьером, Сен-Жюстом, записи песен революции, сделанные когда-то любопытствующими русскими (и тут же — контрреволюционная пародия на «Марсельезу»), бастильские дела (политика, сатира, церковь, шпионаж, колдовство, растраты, личные дела офицеров крепости).

А рядом — карикатуры, полный комплект газеты Марата, подлинные письма Екатерины II, отчеты русского посла во Франции Симолина.

Мелькают в газетах новые советские названия: улица Марата, набережная Робеспьера; флагман советского флота линкор «Марат»; мало того, это имя столь полюбилось советским родителям, что множество детей отныне именуются Маратами.

За несколько дней до годовщины целая страница «Правды» занята специальной «консультацией» для лекторов к 150-летию Французской революции. Большую часть текста заняли ленинские и сталинские цитаты, в основном о преимуществе революции 1917 года перед 1789-м. В частности, со всех сторон разбирается вопрос о «ненастоящем», буржуазном равенстве — и новом, подлинном, социалистическом. (Сегодня очевидно, что автор консультации увлекся; слишком уж много сказал о недостатках и слабостях Французской революции и маловато — об огромных заслугах.)

Впрочем, дело было поправлено три дня спустя: 14 июля передовая «Правды» называлась «150-летие Французской буржуазной революции». Там несколько другие акценты:

«Французская революция является самым главным событием в новой истории, если иметь в виду период до Октябрьской социалистической революции в России.

Французская революция XVIII аека потрясла до основания всю старую, дряхлую, обветшавшую феодальную Европу. Всюду затрещали крепостнические стены, зашатались троны. Грозный вид революционного Конвента, руководимого якобинцами, усилил бешеную ярость монархоа Европейского континента, дворян-помещиков, английских лордов-коммерсантов».

В этой же передовой были и такие строки, особенно важные и трагичные в контексте последующих событий:

«Фашизм смертельно ненавидит Париж, как город, где в рабочих массах жиаут революционные традиции. Мрачный образ незадачливого вояки герцога Брауншвейгского ожиаает в карикатурных фигурах нынешних вояк, которые тоже кичливо угрожают разрушить Париж и подвергнуть военной экзекуции французский народ».

Неизвестный нам автор передовой статьи делает упор не на том, чем XX век обошел XVIII, а на том, чему можно и должно учиться у героев 1789—1794-го: **«Их любовь к родине, их плебейская расправа с арагами революции, их самоотверженная борьба протиа интервентов, их незабываемая смелость и мужество».**

В тот день, 14 июля 1939 года, еще две полосы главной советской газеты были отданы Французской революции: портреты Марата и Робеспьера, статьи о Конвенте, якобинской диктатуре, хроника событий Великой французской революции; наконец, выдержки из якобинских декретов... Сегодня, спустя полвека после того юбилея, нам кажется, что тогдашняя пресса слишком прямолинейно, без должной исторической критики воздавала хвалу ренолюционному трибуналу 1793 года, его борьбе с «подозрительными».

16 пунктов, определявших, кто враг народа, свидетельствовали и о решимости, и о жестоких излишествах революционной диктатуры, позволяли увидеть как необходимую оборону революции, так и чрезмерность пролитой крови...

За несколько лет до того в беседе с Гербертом Уэллсом Сталин говорил: «Разве Великая французская революция была адвокатской революцией, а не революцией народной?»

Да, она была народной, но «адвокаты», радикальная интеллигенция, были частью народа, и многие из них были лидерами массы: в реплике Сталина слышится раздражение против тех, кто учил народ думать, рождал великие идеи.

Юбилей 1939-го — это и гимн революции, и оправдание кровавых средств. На пороге была война, новые реки крови.

Впереди — следующие полвека, исполненные необыкновенных и грандиозных событий. Тех, о которых будем, конечно, говорить и думать в 1989-м, в дни 200-летия взятия Бастилии. Но прежде отодвинемся к самому «эпицентру» великого всемирного землетрясения.

ДОНЕСЕНИЕ № 66

Лето 1789 года. Русскому послу Ивану Матвеевичу Симолину, выходцу из немецко-шведского рода, было уже около 70 лет, и за свою жизнь он видал виды; около полувека занимал разные дипломатические должности в Копенгагене, Вене, Стокгольме, Лондоне. Наконец, с 1784 года, в высочайшем чине действительного тайного советника, он сменяет Барятинского на почетном и, по мнению многих, приятнейшем посту посла в Париже. Депеши, адресованные обычно вице-канцлеру (министру иностранных дел), изредка самой императрице, изготавливаются в обширном доме посла на бульваре Монмартр и сообщают о главных событиях предреволюционной Франции.

К лету 1789 года эти донесения делаются все тревожнее, все чаще посол меняет шифр...

Заметим, одновременность в тот век была, понятно, куда более медленной, чем в нынешний: без радио и телеграфа, без самолетов и железных дорог отсутствовало то удивляющее нас чувство сиюминутности, сопричастности, которое появляется у жителя XX столетия, когда, например, он узнает, что именно сегодня или несколько часов назад там-то и там-то произошли революция, катастрофа, землетрясение...

14 июля (по старому календарному стилю — 3 июля) 1789 года. Разумеется, никакие известия о парижских событиях в Петербург еще не проникают.

Анонимная карикатура на русскую императрицу Екатерину II.

Революция есть, но ее пока как будто и нет.

По дорогам Европы специальный курьер везет толстый пакет с секретным донесением Симолина: написано в Париже 19 (8) июля 1789 года, оно достигнет Петербурга через 19 дней, 7 августа (27 июля):

«Революция во Франции свершилась, и королевская власть уничтожена...

Все поражены при виде того, как в течение тридцати шести часов французская монархия была уничтожена и ее глава вынужден соглашаться на все, чего разнузданный, жестокий и варварский народ требует от него с такой дерзостью и таким повелительным тоном, и еще считать себя при этом очень счастливым, что народ соблаговолил удовлетвориться его отречением от своей власти и от своих прав.

В Пале-Рояле, который является очагом мятежа, было сделано в воскресенье вечером предложение провозгласить герцога Орлеанского регентом Франции. Герцог немедленно отправился в Версаль засвидетельствовать публично перед королем и его братьями, что хотя он и любит свободу, но не принимает участия в столь нелепом предложении, и с тех пор он не выезжает из Версаля...

Его величество утвердил назначение маркиза де Лафайета в звании командира буржуазной милиции Парижа, с чином полковника... Его величество одобрил также мысль воздвигнуть на развалинах Бастилии памятник Людовику XVI и присвоить полку Французской гвардии, перешедшему на сторону революции и тем ускорившему ее проведение, наименование Национальной гвардии».

Положение посла деликатное: еще несколько месяцев назад он довольно сочувственно описывал разгорающиеся французские события, созыв Генеральных штатов, критические речи депутатов. Возможно, боялся прослыть недостаточно просвещенным в глазах Екатерины, «подруги Дидро и Вольтера»; с другой стороны, не угадал огромных последствий начинающихся событий, полагая, что для российской политики в Европе и на Востоке будет не худо, если Франция сосредоточится исключительно на своих внутренних делах. Позже Екатерина II даже стыдила старого дипломата (совершенно несправедливо!), что он «поддался влиянию парижских демагогов»...

После 35-дневного путешествия наконец достигло газетных страниц другое известие из Парижа:

«В прошедший понедельник, 13 числа, поутру Париж подобен уже был не столице славящейся благолепием нравов Франции, но неприятельским городам, приступом взятым. Повсюду встречались люди буйные и вооруженные. Французская гвардия и некоторые другие войска отложились от государя и вступили в службу мещанства...

Рука содрогается от ужаса, описывая происшествия (штурм Бастилии.— **Н. Э.), при коих могли быть в таком пренебрежении долг государю и долг человечеству. Но надо окончить».**

Следуют выразительные подробности, а частности, об отрубленной голове коменданта Бастилии Делоне; от русских читателей не скрывали, что «бунт освободил всех, в Бастилии содержавшихся, из них один сидел уже сорок лет. Архивные же бумаги отчасти изорваны, а отчасти разбросаны по площади».

Прервем на известное время последовательность нашего рассказа — того требуют бастильские бумаги.

БУМАГИ ПОДОБРАНЫ!

Ленинград, угол Невского и Садовой: здание, когда-то именовавшееся императорской Публичной библиотекой, теперь — Государственная публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина. Вторая библиотека страны, по количеству книг уступающая лишь Библиотеке имени Ленина в Москве; и, несомненно, первая по числу старинных книг и манускриптов, ибо все книжные рукописные драгоценности императорской России, все многочисленные культурные трофеи, захваченные русскими войсками во время многочисленных войн XVIII—XIX веков, сверх того — гигантская библиотека Вольтера, купленная Екатериной II,— все здесь, на углу Невского и Садовой. Сокровища, к сожалению, мало знакомые даже большинству ленинградцев.

Пройдя совсем немного по коридорам библиотеки, можно попасть «в Бастилию». То есть в гости к Петру Петровичу Дубровскому.

Служил при русском посольстве в Париже скромный чиновник Дубровский. Родился он в Киеве, там окончил духовную академию и был направлен во Францию. Несколько десятилетий провел он за границей, и все эти годы страстно и неутомимо собирал рукописи. Коллекция состояла из комплексов документов V—XVIII веков: подлинные письма ученых, писателей, королей, государственных деятелей насчитывались в этом собрании не единицами и даже не десятками — тысячами: Эразм Роттердамский, Вольтер, Руссо, Лейбниц... Дубровскому удалось собрать дипломатическую и административную переписку французского правительства на протяжении почти столетия. По сути, в его руках оказалась часть государственного архива Франции, первоклассные источники, «золотые россыпи», как назвал эти документы один французский ученый.

Ценнейшую часть коллекции Дубровского составили рукописи из старейшего книгохранилища Франции — Сен-Жерменского монастыря. Каким образом все это добыл русский дипломат — до сих пор остается во многом тайной. Наверное, предприимчивые монахи потихоньку расхищали библиотеку и продавали книги на сторону, Дубровский же все свое жалованье тратил на коллекцию...

Журнал «Вестник Европы» в 1805 году писал: «Наши соотечественники, знатнейшие особы, министры, вельможи, художники и литераторы с удовольствием посещают скромное жилище г. Дубровского и осматривают богатейшее сокровище веков...»

В 1804 году он предложил вдовствующей императрице Марии Федоровне купить его собрание.

Во дворце согласились на предложение коллекционера. Как раз в эту пору было решено учредить в Петербурге общедоступную библиотеку; пока же для нее готовили здание, Александр I специальным рескриптом от 27 февраля 1805 года повелел основать «особенное депо манускриптов». Первым его хранителем стал Дубровский: такое условие он оговорил при продаже рукописей.

25 тысяч рукописных книг и более 600 отдельных документов пропутешествовали с Сены на Неву, чтобы скрыться в недрах императорской библиотеки под шифром «собрание № 288».

В 1814 году Публичная библиотека открыта; любой желающий мог ею пользоваться. Правда, в Отдел редкостей выдавался только разовый билет, и каждому посетителю указывался час, в который он будет допущен (причем в день полагалось допускать не более 4 человек!).

Если же посетитель был человеком осведомленным, умел задавать вопросы и успокаивать осторожность хранителей, **то ему удавалось увидеть архив Бастилии!**

Дела, секретные дела Бастилии. «Досье» на привилегированных узников, один из которых жалуется на портного: каналья, поставил пуговицы на камзол, совершенно не подходящие по цвету!

Жалоба адресована не кому-нибудь, а самому начальнику полиции. Дело в том, что начальник тюрьмы самолично почти ничего решать не мог,— даже, чтобы подстричь заключенного, требовалась санкция высшего начальства. Естественно, переписка между администраторами невероятно обширна.

Одну из просьб начальника тюрьмы, о предоставлении прогулки заключенному, дополняет такая фраза: «Узник уже 25 лет не выходил из своей камеры». Это уже заключенный другого рода — тот, кого презрительно именовали «бунтовщиком», из небольшой группы лиц «низкого звания». Правда, в последний день своей многовековой «биографии» Бастилия была почти пуста; среди немногих узников, между прочим, находился фабрикант Револьон, запертый в крепости... по собственной просьбе: обиженные рабочие грозили убить хозяина, но он предпочел добровольное заточение. Однако и малонаселенная Бастилия для всего Парижа — мрачный символ деспотизма...

В архиве Бастилии оказались, между прочим, мемуары знаменитого узника Латюда, проведшего в ее стенах 35 лет; попал же он сюда, известив фаворитку короля маркизу Помпадур о готовившемся против нее заговоре. Заговор оказался мнимым, но Латюд упорствовал в своих показаниях. Его бросили в Бастилию. Однако он ухитрился бежать, спустившись с одной из башен по лестнице, связанной из тряпок... Его поймали, он снова убежал. Опять поймали, опять убежал... Обо всем этом он рассказывает в своих мемуарах. Длительное заключение, однако, все же отразилось на его рассудке: в повествовании то и дело появляются видения, черти и тому подобные действующие лица.

Среди самых же сенсационных документов — полицейское досье на Вольтера, в молодости сидевшего в Бастилии.

Современные криминалисты, как известно, очень ценят отпечатки пальцев, оставшиеся на документах. На нескольких бумагах из Бастилии, вероятно, сохранился «отпечаток революции»: следы подошв парижанина или парижанки, утром 14 июля 1789 года весело топтавших вчера еще недоступные, страшные документы.

Каждому свое... Народ громил ненавистную тюрьму, выбрасывал из окон и топтал архив,— несколько тысяч листов валялись около разрушенной твердыни, пока революционная власть не распорядилась собрать и конфисковать все, что уцелело. Однако между штурмом крепости и этим декретом произошло с виду незаметное событие: очевидно, 15 июля Петр Петрович Дубровский (или его доверенное лицо) прибыл в карете на площадь Бастилии... И подобрал разбросанные листы. Страсть коллекционера, наверное, догадывавшегося, какое значение для истории будут когда-нибудь иметь его усилия.

Карета Дубровского увозит его в русское посольство, где посол Симолин ожидает новых вестей и составляет подробные отчеты для императрицы...

Первая информация о начавшейся революции.

ЛЕТО 1789-ГО

В Петербурге 14 (3) июля 1789 года, согласно камер-фурьерскому журналу (дневнику придворных происшествий), балы, приемы, церемонии.

Куда более интересные вещи можно узнать из дневника статс-секретаря императрицы Александра Храповицкого, куда попадают предметы достаточно секретные, даже интимные.

14 (3) июля 1789: «Ее величество... изволила мне отдать записки для изготовления указов, что Платона Александровича Зубова — в полковники и флигель-адъютанты». Как видим, исторический день взятия Бастилии — счастливый для нового фаворита Зубова, который в 22 года уже в хороших чинах.

Пять дней спустя, 19 июля: «Разговор о переменах во Франции. Получено известие, что третье сословие самовольно составило из себя собрание национальное».

О Бастилии новости еще не дошли, но в Петербурге уже хорошо понимают, что началось...

Из беседы царицы с французским послом графом Сегюром: «Ваше среднее сословие слишком многого требует; оно возбудит недовольство других сословий, и это разъединение может повести к дурным последствиям. Я боюсь, что короля принудят к большим жертвам, а страсти все-таки не утихнут».

Анализ точный, пророчества царицы сбудутся. Единственное, что может вызвать улыбку,— тот «выговор», что Екатерина как бы передает через Сегюра третьему сословию: тут ощущается самодержавная привычка цыкнуть, приказать, распорядиться. Из России, где буржуазии «почти не видно», нелегко вообразить французское третье сословие, которое не обуздать...

27 (16) июля: «Приехал курьер с известием, что сколь скоро сведали в Париже о перемене министров, а особливо Неккера, то народ взволновался, взяли подозрение на королеву, разбили Бастилию; Национальная гвардия пристала к народу. Король приходил в собрание депутатов, из коих несколько отправились в Париж для усмирения народа, но тут и утвердили свою милицию, над коею начальник Лафайет».

Главное известие наконец пришло в Россию. Екатерина верно схватывает суть: на чьей стороне сила, кто вооружен. Недаром в короткой записке дважды говорится о Национальной гвардии. Царица столь взволнована, что через день требует к себе примчавшегося из Парижа курьера Павлова, чтобы сообщил подробности. Но бедный курьер (в чине титулярного советника) оробел и не мог слова вымолвить.

Два месяца спустя Храповицкий запишет слова императрицы: «Это вроде Карла I», то есть французская революция вроде английской, когда казнили Карла I. Видимо, это впечатление от новых устрашающих депеш русского посла.

Симолин из Парижа, 9 октября 1789 года: **«Новое восстание, трагические и гибельные последствия которого неисчислимы, повергло Париж и Версаль в ужас. В понедельник утром 5-го этого месяца несколько сотен торговок, величаемых теперь «дамами рынка», рассеялись по городу и принудили идти за собою попадавшихся им навстречу женщин...**

Женщины хотели ворваться в апартаменты королевы, против которой они, по-видимому, имели злодейские намерения. Один гвардеец королевской охраны, стоявший в карауле, начал стрелять, убил и ранил нескольких женщин и одного гвардейца из буржуазной гвардии. Этому гвардейцу и еще одному отрубили головы, посадили их на пики и отправили в Париж. Я их встретил на полдороге от Версаля; пять других гвардейцев охраны сделались жертвами народной ярости и были бы также убиты, если бы сам король не попросил пощадить их. В четыре часа утра с понедельника на вторник толпа этих бешеных женщин, среди которых, как говорят, были переодетые мужчины, взломала ударами топора несколько дверей со стороны оранжереи, чтобы проникнуть в комнату королевы, где она почивала; ее величеству пришлось поспешно спасаться, почти в одной сорочке, в комнату короля...

Папский нунций встретил в Севре процессию с отрубленными головами, его карета была остановлена. Он почувствовал себя дурно и вернулся обратно. Эта же процессия пропустила меня, не остановив и не сказав ни одного слова».

6 ноября 1789 года: **«Недостаток муки начинает снова чувствоваться в Париже. Во вторник и среду была давка у дверей булочных, хотя они делали семь выпечек вместо пяти, как обычно, и вчера я не имел хлеба ни для себя, ни для своих домашних».**

9 июля 1790 года: **«Марсово поле представляет собой уже несколько дней самое необычайное зрелище. Амфитеатр, возводимый по всей его окружности, оставался незаконченным, несмотря на непрерывную работу от 12 до 15 тысяч рабочих. Граждане из опасения, что эта большая работа не будет выполнена к назначенному сроку, взялись однажды вечером за заступы и лопаты, чтобы помочь рабочим. На другой день стечение народа стало еще многочисленнее, можно было видеть людей всех сословий, всех возрастов, нарумяненных женщин в шляпах, украшенных перьями, кавалеров ордена св. Людовика, священников, монахов,— все они поспешили принять участие в этих работах.**

Таким образом, более 40 тысяч человек занято теперь сооружением этого обширного амфитеатра».

Тираж двух главных русских газет, «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостей», не превышал обычно тысячи экземпляров. Но к началу 1790 года петербургская газета имеет уже две тысячи, а московская — четыре тысячи: рекордные цифры! В других городах газет нет (заведутся только через полвека), но десятки людей переписывают новости и посылают друзьям в города, городки, деревни... И вот уж помещики в лесной глуши обсуждают парижские события. А затем рукописные газеты переходят через Урал и углубляются в невообразимые пространства Сибири.

Мало того, в столичных лавках кое-где из-под полы продаются издания, пришедшие прямо из Парижа,— письма графа Мирабо, десятки острых карикатур. Случалось, несколько торговцев подписывались на одну газету, и единственный грамотный среди них читал вслух, остальные же только внимали; «глаза устают от чтения газет, так они интересны»,— восклицает княгиня Вяземская, а старая графиня Салтыкова, послушав, что читает ее племянник, с ужасом заявляет, что в их семье «зреют семена революции»...

Но, полно, не преувеличиваем ли мы? Франция так далеко от России, исторические проблемы столь различны: ведь еще Дидро, беседуя с Екатериной II, между прочим,

Поклонение Верховному существу.

заметил, что рабство крестьян в той форме, как это сохранилось в ее империи, во Франции отменил еще король Людовик Толстый в начале XII века. Положим, Дидро преувеличивал, жесткие феодальные отношения сохранялись и позже, но, в общем, философ прав: уже два века русский сеньор может купить, продать, заложить не только свою землю, но и своих крестьян; во Франции же ничего подобного нет,— устройство этой страны лишь внешне совпадает с некоторыми российскими чертами: и там и там абсолютизм, но в России куда более тиранический; и там и там крестьяне зависят от владельцев, но в очень разной степени. Зато в России совсем нет такой большой промышленности с вольнонаемными рабочими, как во Франции, и почти нет третьего сословия.

Очень разные страны: даже в одно время они существуют как бы в разных эпохах...

И тем не менее французский посол в России Сегюр хорошо помнил: «Хотя Бастилия не угрожала ни одному из жителей Петербурга, трудно выразить тот энтузиазм, который вызвало падение этой государственной тюрьмы и эта первая победа бурной свободы среди торговцев, купцов, мещан и некоторых молодых людей более высокого социального уровня».

В ту же пору Семен Воронцов, русский посол в Англии, написал императрице, что Пугачев, не читая французских книг, осуществлял ту же программу, что и французские бунтовщики...

Несходство — и сходство.

Дело в том, что сегодня, двести лет спустя, мы, пожалуй, при всем желании не способны почувствовать, что значила для Европы, для России, для всего мира революция во Франции.

Нам возразят — разве после 1789 года не было революций, по масштабу еще больших? В 1848 году запылала вся Европа; Октябрьская революция в 1917 году потрясла мир. Все так! Но в XIX и XX веках люди как бы привыкли к революциям; на жизнь одного поколения их приходилось иногда по нескольку...

Иное дело Франция: нидерландская и английская революции за сто и двести лет до того были замечены куда меньше, ибо иной масштаб, да и Европа еще не созрела, чтобы оценить новизну тех переворотов; правда, американская революция за несколько лет до французской прозвучала внушительно, но все же за океаном; все же борьба с иноземными захватчиками.

14 июля 1789 года прогремело тысячекратным эхом, потому что взрыв состоялся в Париже, средоточии культуры и мысли, «столице мира».

Худо-бедно, после падения Римской империи 1300 лет в Европе существовал один и тот же строй: времена менялись, рыцарские латы уступали место камзолу, примитивные суденышки — многопарусным кораблям, но все же второе тысячелетие в любой европейской стране существовали короли, сеньоры, зависимый народ...

Так было всегда, и Франция была одним из самых красочных образцов «тысячелетнего царства». И вдруг — французская революция; и мир ахнул: оказывается, можно и так!

Разница цивилизаций, даже такая, как между Россией и Францией, мало теперь значила по сравнению с общим ожиданием перемен: они, разумеется, будут неодинаковыми, в зависимости от обстоятельств,— но будут! 70 лет спустя Александр Герцен запишет: «Никогда человеческая грудь не была полнее надеждами, как в великую весну 90-х годов: все ждали с бьющимся сердцем чего-то необычайного; святое нетерпение тревожило умы и заставляло самых строгих мыслителей быть мечтателями».

Что же будет дальше, как пойдут события во Франции и других краях?

Перелистывая сотни газетных листов, книги, письма, читая стихи Гете, Шиллера, внимательно наблюдающих за каждым изгибом революции, мы видим и слышим: многие умнейшие люди надеются, очень надеются, что, если на земле уже век просвещения, а революция началась в стране просвещеннейшей, то скоро, очень скоро все на свете устроится!

Иначе говоря, прольется немного крови — как в Париже 1789—1790 годов,— и короли уступят, разумные люди получат доступ к власти, расцветут наука, промышленность, торговля: человечество, как предсказывали мудрецы, приблизится к идеальному миру.

Революции с одними положительными результатами, без отрицательных, темных сторон!

Для многих мыслящих людей Германии, Италии, Польши, Испании и России вопрос о том, что будет дальше во Франции,— вопрос отнюдь не французский, а их собственный. Если все случится, как они хотят, как они предсказывали,— значит, живут правильно, смысл жизни понятен. Если же нет...

И, конечно, не случайно в это самое время один русский мыслитель отправляется за границу, в Париж, за главным ответом; а другой русский, которому казалось, что ответ уже ясен, приносит себя в жертву...

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Странная судьба у книг Николая Михайловича Карамзина.

«Письма русского путешественника» в 1980-х годах переиздавались несколько раз, общий тираж превысил один миллион экземпляров, и тем не менее этой книги нельзя достать ни в одном магазине.

В чем дело? Почему столь свежими, актуальными кажутся наблюдения и рассуждения Карамзина, 23-летнего молодого человека, отправившегося два века назад в несколько европейских стран наблюдать, учиться, думать?

Дело, по-видимому, не в фактах, но в авторской личности, и мы можем гордиться, что в роковые месяцы великой революции Париж посетил столь оригинальный, талантливый русский наблюдатель.

Черновых рукописей, первоначальных дневниковых записей того путешествия не сохранилось: Карамзин предпочитал уничтожать свои бумаги, не раз опасаясь обыска, ареста в России. Лишь недавно Ю. М. Лотман и другие исследователи установили, что о многих своих встречах и симпатиях писатель умолчал; при всей умеренности своих прогрессивно-просветительских взглядов — доверял сердцу, и тот, кто представлялся ему добрым, хорошим, мог занять там свое место даже вопреки острым политическим разногласиям. Только узкому кругу друзей Карамзин, например, рассказал нечто, опубликованное через полвека (и то за границей). Оказывается, **«Робеспьер внушал ему благоговение. Друзья Карамзина рассказывали, что, получив известие о смерти грозного трибуна, он пролил слезы; под старость он продолжал говорить о нем с почтением, удивляясь его бескорыстию, серьезности и твердости его характера, и даже его скромному домашнему обиходу, составляющему, по словам Карамзина, контраст с укладом жизни людей той эпохи».**

Составляя список вероятных французских знакомых Карамзина, Лотман называет вереницу революционеров — Кондорсе, Рабо де Сен-Этьена, Жильбера Ромма, Лавуазье, Неккера, Сийеса, Талейрана, госпожу де Сталь, Шамфора, Фоше, Бонвиля, наконец, Робеспьера. Все это, однако, потаенная, невидимая часть книги. На страницах «Писем русского путешественника» революционная Франция представлена четырьмя месяцами 1790 года. Сначала Лион, Макон, Фонтенбло.

И вот Париж, веселый Париж 1790 года: миллион сто тридцать тысяч 450 жителей, в том числе 150 тысяч иностранцев.

Бастилия уже взята — войны, террора еще нет.

События еще сохраняют ироническую сторону: «В одной деревеньке близ Парижа крестьяне остановили молодого, хорошо одетого человека и требовали, чтобы он кричал с ними: Vive la nation! [1] Молодой человек исполнил их волю; махал шляпою и кричал.

— Хорошо, хорошо! — сказали они.— Мы довольны. Ты добрый француз; ступай куда хочешь. Нет, постой, изъясни нам прежде, что такое... нация?

В городе открыты 600 кофейных домов, но уже пустеют салоны, удаляются в эмиграцию аристократы.

В церкви толпа наблюдает короля и королеву: **«Иные вздыхали, утирали глаза своими белыми платками; другие смотрели без всякого чувства и смеялись над бедными монахами, которые пели вечерню.— На короле был фиолетовый кафтан; на королеве, Елисавете [2] и принцессе — черные платья с простым головным убором».**

Комментаторы поясняют, что и фиолетовый, и черный цвет — знак траура... Наследник престола, дофин, **«в темном своем камзольчике, с голубою лентою через плечо, прыгал и веселился на свежем воздухе! Со всех сторон бежали люди смотреть его, и все без шляп; все с радостью окружали любезного младенца, который ласкал и взором и усмешками своими. Народ любит еще кровь царскую!»**

«Любит кровь» — фраза неожиданно двусмысленная...

Нереволюционер Карамзин в революционной Франции. Но он достаточно тонок и умен, чтобы понять, сколь многое из любезной ему французской культуры явилось увертюрой, предысторией революции.

Карамзин возвращается домой, в Россию, другим человеком: добрый, мягкий, чувствительный, он в то же время прошел целый огромный курс истории, стоивший многолетних спокойных размышлений; позже Тютчев скажет

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые,
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.

Друзья, не видевшиеся с Карамзиным всего полтора года, изумлялись происшедшим в нем переменам.

«Видно, что путешествие его произвело в нем великую перемену в рассуждении прежних друзей его. Может быть, и в нем произошла французская революция?»

Последние строки, принадлежащие известному мыслителю и масону Алексею Михайловичу Кутузову, конечно, замечательны. Во многих людях разных народов происходила в ту пору французская революция — со всеми ее подъемами и спадами, надеждами и разочарованиями, с ее добром и кровью.

Летом 1790 года, когда Карамзин возвращался по морю в Петербург, число жертв французской революции было еще не очень велико: несколько убитых защитников Бастилии, отрубленные головы королевских охранников. Французская революция, происходившая в немалом числе российских людей, также не могла обойтись без жертв. Первой из них, по удивительному совпадению, сделался ближайший приятель Алексея Кутузова, которого мы только что цитировали; расправа с ним произойдет именно за книгу, посвященную этому самому А.М.К. Случится же это печальное событие как раз в те дни, когда Карамзин снова вступит на русскую землю.

«МНОГИХ ВИСЕЛИЦ ДОСТОИН...»

«Путешествие из Петербурга в Москву» — 700 верст, разделяющих две русские столицы, путешественник в ту пору преодолевал примерно за трое суток, по дороге он проезжал мимо 25 почтовых станций. И книга Радищева как раз была разделена на 25 глав. 25 глав, 25 историй, отрицающих оба столпа, на которых держится российский строй,— крепостное право и самодержавие. Пророчество, что революция у ворот и некто (сам Радищев или другие) вот-вот ускорит «мах времени» — и тогда рухнет российская Бастилия..

Высказывалась гипотеза, будто Радищев, публикуя столь смелые страницы, надеялся на «просвещенную мягкость» Екатерины, прежде разрешавшей печатать довольно острые вещи, особенно переведенные с французского. Однако свой труд писатель-смертник завершает как раз в ту пору, когда царица перестает быть добродушной.

Книга была в основном написана еще в начале 1789 года, за несколько месяцев до штурма Бастилии. Радищеву удалось подсунуть экземпляр петербургским властям, не привыкшим разбираться в подобного рода литературе: бегло перелистав книгу и не придав значения какому-то «путешествию», полицмейстер выставил на ней цензурное разрешение; Радищев же и после того еще вставил несколько отрывков, которые, мы угадываем, родились уже под гром парижских событий; одновременно в 1789—1790-м, будто чувствуя, что недолго осталось жить на воле, он сочиняет еще несколько трудов.

В одном из них читаем: «Нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своей власти, сидя на престоле»; к этим словам Радищев добавил примечание: «Если бы сие было писано в 1790 году, то пример Людовика XVI дал бы сочинителю другие мысли».

Автор как бы подмигивает русскому читателю, хорошо понимающему, отчего столь уступчив Людовик XVI; рядом воздается куда более искренняя хвала другим людям.

«Человек, рожденный с нежными чувствами, одаренный сильным воображением, побуждаемый любочестием, исторгается из среды народной. Восходит на лобное место. Все взоры на него стремятся, все ожидают с нетерпением его произречения. Его же ожидает плескание рук или посмеяние горше самой смерти. Как можно быть ему посредственным? Таков был Демосфен, таков был Цицерон; таков был Питт; таковы ныне Бурк, Фокс, Мирабо и другие».

Рядом с древними свободолюбцами (Цицерон, Демосфен) и несколькими знаменитыми английскими политиками прямо прославлен первый трибун революции, ненавистный царице Габриэль Мирабо; но, понятно, Радищев говорит и о себе: это ему предстоит сейчас выйти на «лобное место» — и как можно быть посредственным?

Более того, даже Мирабо и Национальное собрание он критикует «слева», за то, что они не допускают ряда мятежных сочинений и, например, вынудили Марата уйти в подполье: «Народное собрание поступает столь же самодержавно, как прежде их государь... О, Франция, ты еще ходишь близ бастильских пропастей!»

Июньским днем 1790 года в книжной лавке петербургского купца Зотова выставлены на продажу 26 экземпляров «Путешествия из Петербурга в Москву»; имени автора на титульном листе не было. Еще несколько экземпляров Радищев разослал друзьям, немногим просвещенным вельможам; всего же в домашней типографии было напечатано примерно 600 экземпляров.

Несколько дней спустя по городу пошел слух о странной, необыкновенно смелой книге. Полиция не успела спохватиться, как полицмейстера уже вызвали к царице. Книга лежала на столе Екатерины II, услужливо доставленная кем-то из вельмож. Начав читать, царица сразу поняла, в чем дело, и потребовала разыскать автора...

30 июня 1790 года Радищева арестовывают и доставляют в крепость.

Не было даже статьи, по которой можно было его осудить: ведь то был первый в русской истории революционер (не считая, конечно, «революционера на троне», царя Петра, но то случай особый).

Несколько недель писатель ждал смерти, пока наконец не узнал, что по случаю мира со Швецией его «прощают» и ссылают в Восточную Сибирь сроком на десять лет. К «смертной казни» путем сожжения была приговорена радищевская книга.

Сопровождаемый громом новых известий, идущих из революционной Франции, Радищев в цепях едет на восток, и дорога продлится около года.

Меньше пятнадцати экземпляров его книги чудом сохранится в библиотеках России и Запада; зато по стране пойдут списки, десятки и сотни копий «Путешествия». Любопытно, что к некоторым рукописям переписчики добавляли сверх того тексты, пришедшие из революционной Франции: так и переходили из рук в руки эти причудливые гибриды российского и французского вольнодумства...

Революции едва год от роду; первые жертвы принесены. Очень многое впереди.

ПОСЛЕДНИЕ ДОНЕСЕНИЯ

Иван Симолин отправил всего около тысячи донесений из Парижа в Петербург; но чем дальше, тем яснее, что уж слишком «интересные» подробности он обязан сообщать

[1] Да здравствует нация! (фр.)
[2] Елизавета — сестра Людовика XVI.

Символическое изображение французской конституции, попирающей феодальные дворянские привилегии и титулы.

Екатерине II, и скоро она не вытерпит, прекратит, отзовет...

Симолин из Парижа, 15 июля 1791 года: **«В понедельник состоялось перенесение праха Вольтера. Процессия отправилась в 4 часа с площади Бастилии, и был устввновлен следующий порядок шествия.**

Впереди отряд национальной кавалерии, депутвция от якобинского клуба, школ, секций, братских обществ и т. д. и т. д.

Далее несли один из камней Бастилии с высеченным на нем профилем Мирабо. Затем — нв носилках золоченую статую Вольтера, окруженную триумфальными знаменами наподобие того, как у римлян. Зв статуей — собрание сочинений Вольтера в ларце, имеющем форму ковчега.

Наконец, двигалась колесница с прахом Вольтера, запряженная двенадцатью конями белой масти по четыре в ряд; на колеснице был установлен саркофаг с нввевающими скорбь изображениями старости и смерти.

Национальное собрание, департамент Парижа, муниципалитет, Академия, писатели сопровождвли колесницу, окруженную почетным эскортом лиц, одетых в подражание грекам, музам и жрецам Аполлона...»

История перенесения праха Вольтера в Пантеон известна по многим воспоминаниям; однако каждый рассказ, даже самый пристрастный, имеет свою ценность, неповторимость. В частности, любопытно наблюдать (и здесь, и в других донесениях), как старик Симолин, с юности привыкший почитать Вольтера и помнящий, что Екатерина называла того своим учителем, не всегда может найти должный тон между почтением, уважением — и необходимым по нынешним временам возмущением из-за французских дел: тем, чего ждут от него в Петербурге.

Революция продолжается, продолжаются и донесения.

Париж, 18 июля 1791 года: **«В пятницу 15-го, когда кончилось заседание и депутаты хотели покинуть зал, они были окружены огромной толпой, теснившейся к дверям. Наиболее достойных членов встретили оскорблениями и угрозвми. Многие вынуждены были вернуться в зал, другие прошли боковыми выходвми. Фонарь! Отрубленные головы! Пики! — казалось, все ужасы, на которые способна разгоряченная чернь, готовы были возобновиться.**

В это самое время Марсово поле заполнилось гражданами, возбужденными против самого духа Национального собравия и выставлявшими лишь два требования: обновление состава законодательного собрания и обновление исполнительной власти. Эта скромная петиция сопровождалась очень явно выраженным желанием возвести Робеспьера на трон Генриха IV. Г-н Робеспьер — король французов!»

Париж, 16 сентября 1791 года. Открывается Законодательное собрание: **«Речь, с которой г-н Туре, руанский вдвокат, занимавший кресло председателя, обратился к королю, была в высшей степени неуместна и заслужила всеобщее неодобрение... Незадолго до прибытия короля он предупредил Собрание, что достоинство законодательного корпуса требует, чтобы каждый депутат сел и надел шляпу, когда король начнет произносить свою присягу. Преувеличенная поспешность, с которой сам он сел, твк удивила монарха, который этого совершенно не ожидал, что он с некоторым жестом презрения тотчас также сел; это твк поразило Собрание, что в ту же минуту раздался гром аплодисментов, и все, хотя и продолжая сидеть, остались с непокрытой головой...**

Общественное настроение в этот первый момент довольно благоприятно. Если их величества воспользуются этим — не упустят случая появляться на спектаклях и тотчас же используют предоставленную им свободу выезжать, по желанию, в свои загородные дворцы, то народ легко убедится в искренности их намерений, и они с успехом используют всеобщий энтузиазм.

Принцесса Елизавета, высокомерная ханжа, не может себя заставить признать новое положение вещей и не проявлять своего недовольства, которое достигло такой степени, что королева вынуждена была третьего дня запретить своей маленькой дочери беседы с ней наедине».

Однако события слишком стремительны. Все чаще Симолин прибегает к шифровке своих депеш; в частности, пересылая в Петербург 30 ноября 1791 года записку сторонника королевской власти и очень известного мореплавателя адмирала Бугенвиля (того, чьи рассказы о «райской жизни» на островах Тихого океана вдохновляли мечты Руссо и других утопических просветителей).

Адмирал предсказывает успех той партии, чье название вскоре распространится по миру и войдет в русский язык навсегда, как будто оно в нем изначально было: якобинцы!

Последние недели и месяцы проводит императорский посол в столице революции.

2 января 1792 года: **«Вчера, в день нового года, был обычвый прием представления у короля, прием у королевы и у принцессы Елизаветы, звтем парадный обед. Герцог Орлеанский появился в Тюильрийском дворце, когда их величества были у обедни. Все сторонились от него, как от зловонного животного; публика встретила его чуть ли не свистом и оскорблениями, когда он вошел в галерею, где был сервирован обед у короля.**

Люди, которых называют оборванцами, бывшие его приверженцы, теперь относятся к нему с крайяим презрением».

Герцога, родственника короля (и между прочим, отца одного из будущих королей Франции, Луи-Филиппа), во дворце презирают за то, что он примкнул к революционерам, даже к якобинцам, и называет себя теперь гражданин Филипп Эгалите (то есть «Равенство»).

Королю, королеве и гражданину Филиппу Эгалите еще удастся прожить только что встреченный 1792 год, но никому не пережить 1793-го.

Разумеется, русский посол имел ясные инструкции — всячески помогать монархии, и мы не станем утверждать, что он не старался. Другое дело, что для удачи его стараний не хватило...

Депеши Симолина, изданные 50 лет назад советскими историками, открывают, что еще весной 1790 года он сумел завербовать тайного агента прямо в недрах Министерства иностранных дел, тот доставил шифр, который употребляло французское посольство в Петербурге при переписке со своим начальством, а также особый шифр, которым министр пользовался для переписки с Петербургом. Мало того, расторопный чиновник вскоре прислал вообще все тайные шифры, связывавшие Париж с посольствами в других странах. Предатель просит 10 тысяч ливров, и Симолин торопится послать своего чиновника Машкова как бы в отпуск в Петербург, чтобы поскорее и надежнее доставить туда эту сенсационную информацию...

А несколько дней спустя — другая радостная для царицы новость. «Посредством денег,— извещает посол,— можно получить все от депутатов, управляющих Францией»; согласен брать русские деньги популярный депутат епископ Отенский, господин Талейран; более того, «господин де Мирабо не недоступен для этой приманки».

На полях сохранившейся депеши Симолина против этих слов собственноручная помета Екатерины II: «Проявить щедрость, если он не умер».

Мирабо успел получить «тайные деньги» только от французского короля, смерть помешала послужить Екатерине, мечтавшей (на полях книги Радищева) о множестве виселиц для этого человека.

Продавались отдельные революционеры, не продавалась революция.

Зато в Петербурге благодаря обретенным секретным шифрам стали еще быстрее накапливаться тайно прочитанные французские дипломатические депеши — сначала графа Сегюра, затем Эдмона Женэ — из русской столицы в Париж.

Вскоре Екатерина узнает из отчетов Женэ подробности, которых не могли ей сообщить собственные полицейские; например, о нежелании многих воевать с Францией: «Люди говорили с энтузиазмом, что, если их сыновья, братья или родственники будут взяты на войну против французов, они будут заклинать их всем, что им дорого, чтобы они стреляли в воздух». Женэ, которого не пускают ко двору, сообщает, между прочим, что любимый внук Екатерины, 15-летний Александр, одобряет парижские преобразования (и что бабушка сама разъяснила будущему Александру I достоинства конституции, но «велела молчать»!). Более того, Женэ толкует о трех возможных видах грядущей «русской революции»: во-первых, если к власти придет мрачный, гонимый сын Екатерины, Павел I (в его печальной судьбе Женэ не сомневается); во-вторых, «революция аристократическая», при которой самодержавие будет ограничено и возникнет анархия, как в Польше; третья возможность — «крестьяне, среди которых Екатерина необдуманно распространила идеи свободы в то время, когда она так же афишировала принципы современной философии, как теперь принципы деспотизма,— крестьяне более готовы, чем думают, сбросить иго своих господ-тиранов».

Оставим в стороне некоторые горячие преувеличения, например, насчет влияния на крестьян французских философских идей, но легко вычислим понятное беспокойство Екатерины, которая уже готова перейти от слов к делу.

ПАСПОРТ ГОСПОЖИ КОРФ

Летом 1791 года королевское семейство пыталось сбежать из Парижа, но в Варенне, близ границы, беглецов перехватывают и возвращают. Париж встречает «своего» монарха приказами — казнить «тех, кто оскорбит короля, и тех, кто осмелится его приветствовать».

Предоставим, однако, слово Ивану Симолину, который тщательно шифрует свое донесение (и, между прочим, прилагает брошюру почтаря Друэ, опознавшего короля,— редчайшее издание, о котором полтора века не упоминали даже французские библиографические справочники): **«Взрыв, который я предчувствовал, разразился скорее, чем я предполвгвл. План содействия выезду короля из дворца со всей королевской семьей был задуман и выполнен очень умно и в большой тайне, но не увенчался успехом. Монарх был арестован в двух милях от границы и препровожден в Мец; можно только содрогаться при мысли о несчастиях, которые грозят королевской семье, особенно королеве, рискующей стать жертвой жестокого и кровожадного народа».**

Затем раскрывается любопытная история, смысл которой, впрочем, до конца неясен и сегодня; выяснилось, что королевская семья имела документы баронессы Корф (самой баронессы, роль которой играла воспитательница детей короля, горничной, то есть самой королевы, лакея — короля, а также троих слуг и двоих детей). Когда это стало известно, Симолину пришлось объясняться с Министерством иностранных дел Французской революции. Посол признал, что «баронесса Корф — русская, уроженка Петербурга, вдова барона Корфа, полковника, состоявшего на службе императрицы, убитого при штурме Бендер в 1770 году»; получив паспорт, баронесса Корф написала затем послу, что она в ужасе, так как нечаянно сожгла полученный документ. Симолин признался, что выдал ей второй паспорт, принес французским властям извинения и назвал свой поступок «необдуманным».

Многие специалисты считают, что все это маскировка: посол хорошо знал, что делал, приготовив два паспорта для «Корфов». Однако как знать? — возможно, интрига шла помимо посольства, ибо там стены имели много ушей. Так или иначе, но Симолин подробно написал в Петербург об истории с паспортами и о своих извинениях. И в ответ получил крепкий выговор: «Ее Императорское Величество не одобряет своего рода оправданий, с которыми вы сочли нужным обратиться по поводу выданного по вашей просьбе паспорта, назвав употребление, которое ему было дано, когда его передали в руки короля, необдуманным.

Этот эпитет весьма малоприложим к обстоятельству, о котором шла речь, и если бы вы даже предоставили такой паспорт с действительным намерением оказать содействие христианнейшему королю и тем способствовали бы его безопасности, то такой поступок был бы во всех отношениях приятен Ее Императорскому Величеству».

72-летний посол не привык получать выговоры из дворца и в оправдание шифрованно извещал Петербург, что министр иностранных дел Франции граф Монморен и он сам, Симолин, **«едвв не стали жертвами народной ярости и что только усиленная охрана спасла графа Монморена от фонаря, а его дом от рвзграбления. Что касвется меня, то на собрании в Пале-Рояле была вынесена резолюция, подтвержденная на другой день собравшимися в Елисейских полях,— схватить меня и расправиться со мной, как с сообщником по организации бегствв короля. Молодой граф Мусин-Пушкин и его друг по путешествию, услыхав это поствновление, требующее крови, прибежали ко мне, чтобы предупредить меня об угрожающей мне опасности. Один разумный человек из толпы восстал против жестокости такого намерения и против нарушения междунвродного права, которому был бы, таким образом, нанесен ущерб в моем лице. Ему ответили: «Что его императрица может нам сделать?»**

Вполне вероятно, что удавшееся бегство королевской семьи ускорило бы победу левых во Французской революции, усилило бы ярость и сплочение парижских низов, которые не сомневаются, что ни русская императрица, ни другие монархи ничего им не смогут сделать...

Получив головомойку, Симолин понимает, что любое его действие в пользу Людовика XVI и Марии-Антуанетты будет встречено в Зимнем дворце с одобрением. Однако он никак не может побеседовать с глазу на глаз с королевскими особами.

Меж тем 14 сентября 1791 года король подписывает конституцию, и посол буквально «разрывается» на части: должен ли он приветствовать этот королевский акт, принятый явно против королевской воли?

В глазах Екатерины II король Людовик XVI еще раз «теряет лицо», когда 14 декабря в Собрании будто бы искренне угрожает европейским державам, если они будут продолжать свой натиск против революционной Франции...

Еще несколько слов о после Симолине.

В апреле 1792 года он наконец добрался до Петербурга и сделал Екатерине II подробный устный доклад о французских делах. Статс-секретарь царицы записал 17 апреля: «Сего утра с Симолиным, из Парижа приехавшим, [Ее Величество] разговаривали более часу... Шутили насчет Франции и, показав мне в окно на идущих солдат, сказали: «У них нет патриотических пик». Я промолвил: «Так же, как красных колпаков». Речь идет, понятно, о пиках Национальной гвардии и фригийских колпаках — одном из революционных символов.

Хорошо и спокойно — без патриотических пик и красных колпаков, при «счастливом характере народов, находящихся под скипетром».

Хорошо, спокойно и страшно.

Тут настала пора завершить этот рассказ.

Мораль первая. Четверть века спустя, когда Александр I, внук Екатерины, восстановит Бурбонов на троне Франции, он неодобрительно заметит о них: «Ничего не забыли и ничему не научились». Как видно, царственный внук полагал, что существуют серьезные, глубокие исторические уроки революции.

Однако для того, чтобы русский монарх заговорил таким образом, понадобились долгие кровавые годы...

Мораль вторая — из Плутарха: «Победители угодны богам, побежденные любезны Катону». Конечно, Людовик и Мария-Антуанетта не были древними римлянами, они одни ускорили революцию, наверное, больше, чем десяток злонамеренных философов. Они виноваты, их гибель закономерна; и столь же закономерны вздох, грусть мыслящего человека. Грусть о цене прогресса, которая всегда кажется чрезмерной; вздох о том, что в расправах таились как успех, так и гибель революции: начав казнить, не могли остановиться...

Эта грусть входит в число многообразных уроков великой революции.

Жаль угнетенных французов, доведенных до крови; жаль тех, кто довел и поплатился. История же идет вперед...

(Окончание в следующем номере.)

ГРАЖДАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА

КОМУ ЖИТЬ В КИТАЙ-ГОРОДЕ?

Евгения КАШТАНОВА

Древние московские улицы привораживают. Как бы ни были они сегодня грязны, запущены, обезображены, сколько бы ни толпились на них одержимые погоней за дефицитом посетители центральных магазинов, как бы ни громыхали грузовики возле многочисленных складов, еще живет в этом суматошном районе красота старого города.

Китай-город — не просто 70 гектаров территории, прилегающей к Кремлю, старинные здания да сохранившиеся кое-где куски крепостной стены (она охватывала с XVI века торговый посад). Китай-город — зто Москва, ее история. Первое поселение возникло в южной части будущего Китай-города в XI веке. Постепенно здесь вырос ремесленный и торговый посад. Он много раз выгорал дотла, но упрямо отстраивался на прежнем месте. В XVI веке в зтом районе был уже не только торговый, но и культурный центр. В 1563 году на Никольской улице был построен Печатный двор, и именно здесь появилась первая русская точно датированная печатная книга — «Апостол» Ивана Федорова и Петра Мстиславца. А следующий век стал временем открытия в Заиконоспасском монастыре Славяно-греколатинской академии. Китай-город XVIII столетия — это деревянное здание «Комедийной хоромины» — общедоступного театра, зто публичная библиотека, разместившаяся в здании книжной лавки около Спасского моста, зто трактир-клуб, пристроенный к Главной аптеке,— место, где посетителям предлагали первую русскую газету «Ведомости»...

Представляю себе на минуту фантастическую картину — большой плакат при выходе из метро «Площадь Свердлова» или «Площадь Ногина»: «Внимание! Вы входите в плотные спои исторической памяти!» Однако даже про себя мы слишком редко говорим «внимание!», прикасаясь к овеществленной в московском центре истории. И год за годом теряем ее частицы.

Китай-город... Запущенность и обветшание, бесприютность и грязь. Почему стены домов во дворах пестрят надписями на иностранных языках? Объяснение просто. Кинематографисты любят снимать здесь трущобы — «язву» капиталистических городов.

Сейчас обсуждается предстоящая реконструкция Китай-города. Появился проект его переустройства, выполненный архитектурной мастерской № 7 «Моспроекта-2». Прошло два заседания «круглого стола», посвященных судьбе Китай-города. Организатор этих обсуждений — Московский фонд культуры. В разговоре участвовали ученые, архитекторы, писатели.

Оказалось, что проект устраивает далеко не всех.

Сегодня мы предоставляем слово трем участникам дискуссии.

ДЕЛО БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНОЕ

Всеволод КУЗЬМИН,
начальник мастерской № 7 «Моспроекта-2»

Одиннадцать лет осталось до начала следующего века. Именно такой срок — до 2000 года — установлен правительством для полной реконструкции Китай-города. А к концу этого года наша мастерская закончит эскизный проект застройки района. Важнейшая наша идея — как можно больше **возрождать** (а не строить и не придумывать заново). Везде, где можно, ограничиваться реставрацией без реконструкции.

Давайте вместе пройдем по Китай-городу. Начнем прогулку с Красной площади, с ГУМа. Его товарооборот — свыше 2 миллиардов рублей в год, и мы не такие богатые, чтобы зтим жертвовать. Поэтому ГУМ будет меняться постепенно. Сначала производится его инженерное переоборудование — магазин превращвется в центр современной салонной торговли. В более далекой перспективе — полное перепрофилирование. Министерство культуры предлагает использовать первый корпус как своего рода продолжение экспозиции Исторического музея. Второй и третий корпуса можно отдать творческим союзам — пусть проводят встречи и концерты. Четвертый остается торговым, но продаваться там будут произведения искусства, народных промыслов. В общем, мы хотим, чтобы в ГУМе, где сегодня так бойко идет торговля, происходил в будущем столь же интенсивный обмен идеями, так же эффективно распространялись достижения в области культуры. Но пока перспективы развития ГУМа — предмет для дискуссии.

А рядом уже началвсь реконструкция Музея В. И. Ленина, который станет музеем нового типа — крупным общественно-политическим центром. За счет применения новых технических средств его экспозиция сделается более динамичной и выразительной.

Неподалеку находится Шевалдышевское подворье. Это грязные, запущенные дворы. Когда-то здесь был известный в Москве ресторан. А мы поместим тут крупный комплекс общепита — от экспресс-кафе до баров и ресторанов. Рядом, в Пантелееевском подворье, расположится туристическое агентство, а в Казанском можно будет получить исчерпывающую информацию о культурной жизни города, купить билеты в театр или на концерт. Мещаниновское подворье отдаем салону мод и дизайна.

Пойдем дальше. Нет лучшего места для рассказа об истории столицы, чем улица 25 Октября, где находятся Печатный двор, Славяно-греко-лвтинская вкадемия. Надо предоставить зту территорию Музею Москвы. Особенно важно, что мы откроем и подземную улицу, очистив ее огромные подвалы. Можно будет, спустившись туда, попасть в XVII век.

Правда, в Печатном дворе располагаются два факультета Историко-архивного института, и он ни за что не хочет выезжать. Но такое использование памятника архитектуры, по-моему, нерационально. Мы предлагаем институту перебраться напротив, в Чижевское подворье. Там хватит места и для учебного корпуса, и для общежития, и для музея или архива.

А вот Министерстео энергетики обязательно надо выселить из дома между Печатным двором и «Славянским базаром». В прежние времена здесь была гостиница, и зту функцию стоит вернуть зданию. Остальные гостиницы разместятся в пятом квартале Китай-города (между Никольской и Большим Черкасским переулком) — возникнет первоклассный гостиничный комплекс. Пусть гость столицы живет в самом ее центре.

В Третьяковском проезде намечено сделать «уголок книголюба» — собрать несколько книжных магазинов, открыть кафе, где будут собираться любители книги.

Вернемся на Красную площадь. Средние торговые ряды мы надеемся со временем предоставить музеям Кремля (наконец-то мы увидим их уникальные богатства!) и Всесоюзному фонду культуры.

И еще один важнейший объект — Гостиный двор. Есть два варианта. Первый — создать здесь Дом дружбы народов СССР, где можно будет посмотреть фильм о каждой республике, познакомиться с ее историей и культурой, отведать блюда национальной кухни. Но существует и второй вариант — культурный Центр России. Инициативная группа — организаторы фонда «Россия» — готовв этим заниматься. В любом случае в Гостином дворе найдется место для праздников и фестивалей, а это означает взаимообогащение разных народов.

Нас, бывает, упрекают в излишней поспешности, говорят, что не все из задуманного выполнимо. Хочу на это возразить. Вот вы ждете гостей. Все прибрать не успеваете. Ну, на кухне-то вы, может быть, и оставите что-то недоделанным. Но уж гостиную точно приведете в порядок. Так и с Китай-городом. Это лицо Москвы, витрина того, как мы живем. И привести его в порядок — дело безотлагательное.

Проект реконструкции Печатного двора.

КОНТОРЫ, БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ...

Олег ГРОССЕ,
член Союза художников СССР

Думаю, что будущим поколениям еще предстоит удивиться тому, с какой поразительной точностью архитектура воплотила две идеи, увы, порожденные нашим обществом. Первая — идея всеобщего «равенства», а на самом деле великой уравниловки. Рввенство судеб, квартир, кварталов. Всеобщая безликость. А вторая идея — незыблемости, вечности административной власти. Посмотрите на современные здания, выстроенные для учреждений, большей частью сумрачные, приземленные, тяжелые. Ведомства как будто говорят: «Мы консервативны! Мы стоим прочно — и стоять будем!» Когда же такие конторы захватывают прекрасные старые дома, то подгоняют их под себя, под свой вкус, по возможности: одевают в одну и ту же серую униформу.

Важно понять: ситуация в московском центре — не результат чьего-то злого умысла. Это показатель нашего общего головотяпства, невежества. Плох не Китай-город, из рук вон плоха жизнь, которая в нем идет, она недостойна центра столицы. Конторы, большие и маленькие, пробрались сюда и прекрвсно себя чувствуют. В одном только Гостином дворе, бывшем некогда основным центром российской торговли, более 130 контор и складов. Тем, кто здесь работает, это удобно: метро, ГУМ — все рядом. А ночью Китай-город пустеет. Там ведь почти никто не живет. Вообще так называемый период застоя — это «эпоха великого выселения» людей из центра.

Много лет выкорчевывалось у нас чувство истории — вместе с уничтожением и обезображиванием древней архитектуры. В Китай-городе были три основные улицы: Никольская (ныне улица 25 Октября), Ильинка (улица Куйбышева), Варварка (улица Степана Разина), и у каждой из них — начало, врхитектурные доминанты, завершение. Все это складывалось в ансамбль. Например, Никольская начиналась на Красной площади Казанским собором, построенным в 1620—1636 годах, в основном на деньги Дмитрия Пожарского, в память о погибших при освобождении столицы от польских завоевателей. В 30-х годах нашего века собор снесли. На его месте сейчас не просто пустырь, а пустырь с общественным туалетом. Пострадал и въезд на Никольскую с противоположной стороны — от нынешней площади Дзержинского: сломаны Никольская бвшня, Пантелеймоновская часовня, церковь Владимирской богоматери. Прямо через двор Заиконоспасского монастыря проведен переход от метро «Площадь Свердлова» нв Никольскую. Казалось бы, его можно было выстроить так, чтобы открыть прекрасную панораму здания собора. Так нет же, архитекторы спроектировали переход таким образом, что через его узкие окна-амбразуры только при очень высоком росте, да еще подпрыгнув, можно полюбоваться старинными зданиями.

На Ильинке сломана церковь Николы Большой Крест — шедевр нарышкинского барокко, архитектурная доминанта улицы. Изящная некогда церковка Косьмы и Дамиана лишена глав, превращена в изуродованный кубик, который выглядит зажатым среди многоэтажных зданий. Здесь разместилось КБ завода, а сам он, кстати, находится очень далеко. Спрашивается: по какому праву и по какой логике ему отдано зто помещение?

Правда, немало памятников архитектуры уцелело на Варварке: Дом боярина, церкви Максима Блаженного и Георгия (они появились в XVII столетии), церковь Варвары — XVIII века. Но они совершенно подавлены громадной гостиницей «Россия» и кажутся бутафорией для развлечения иностранцев.

Центр Москвы пока не то место, где хочется размышлять о движении времени. У меня возникает впечатление, что мы собираемся побивать рекорды дискомфортности и специально создаем массу непонятных, бессмысленных неудобств. Например, почта во дворе Заиконоспасского монастыря — прямо внутри памятника архитектуры XVIII века. Тесно, неудобно, да и место ли? Или очередь за мороженым — одна дверь, в которую стоит «хвост» в половину длины улицы. Какое-то бесконечное наслоение глупостей. В результате человек чувствует себя в центре города униженным, угнетенным.

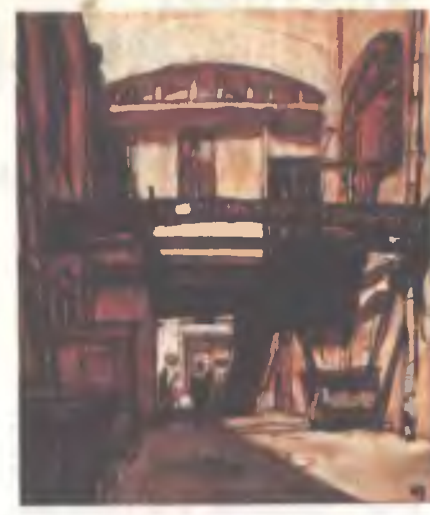
Китай-город надо спасать — это не вызывает сомнений. Но я не сторонник существующего ныне проекта мастерской № 7. С точки зрения архитектурной слабость его, по-моему, в том, что предусмотрено восстановление далеко не всех памятников, без которых попросту нет Китай-города. Например, я думаю, необходимо вернуть прежнюю красоту обезглавленной церкви Косьмы и Дамиана, церкви Климента папы Римского. Не могу согласиться и со многими моментами предложенной социальной программы. Намечено выселить из Печатного двора Историко-архивный институт и передать здание Музею Москвы. Действительно, музей ютится в неудобном помещении — церкви Иона Богослова под Вязом. Но разве правильно из одного тесного здания переводить его в другое, чуть менее тесное? Думаю, что для музея, точнее, конгломерата музеев, посвященных истории и культуре Москвы, как нельзя лучше подходит Гостиный двор. Площадь его — 40 тысяч метров, там множество разнообразных помещений, которые годятся и для экспозиций, и для научных и административных служб. Здесь могли бы разместиться музеи городского транспорта, аптечного дела, городского костюма, освещения... Да мало ли чего еще! А внутренний двор — прекрасное место для выставки скульптуры или для макета исторического центра Москвы, утраченных строений, планов реконструкции. А вот идея Дома дружбы народов кажется мне сомнительной. В Москве уже существуют центры некоторых союзных республик в местах, исторически связанных с судьбами этих народов (например, культурный центр Армянской ССР в Армянском переулке). Зачем же их переселять? Гигантизм, показуха есть и в других предложениях архитекторов. Колоссальный комплекс общепита в Шевалдышевском подворье. Оно представляет собой систему узких дворов и тесных строений. Естественней было бы думать о том, как рассредоточить толпу. Идея грандиозного центра общей совместной еды напоминает «застойные» праздники: не возьмем содержанием, так возьмем размахом и помпезностью. Мне кажется, было бы лучше соединить три подворья: Шевалдышевское, Казанское и Мещаниновское — и Теплые торговые ряды, разместить там множество небольших магазинчиков, да и кафе тоже, только не все кучно. Систему дворов я назвал бы «Лабиринтом». Может быть, появится со временем акционерное общество «Лабиринт», его членами станут государственные и кооперативные предприятия. Это, конечно, только одна из бесконечного числа возможностей. Так давайте искать их все вместе. Пока не поздно, надо увидеть чудом сохранившуюся красоту древнего города. Увидеть и спасти.

Рисунки
Олега ГРОССЕ

ГОРОД ИЗ КУБИКОВ?

**Юрий АФАНАСЬЕВ,
ректор Московского
государственного
историко-архивного
института,
народный депутат СССР**

Вопрос о судьбе Китай-города — это вопрос о духовности общества. В Москве, пожалуй, нет другого подобного района. Он сохранился с далекого прошлого в относительной целостности. Что-то осталось от XVI, XVII веков, в XVIII—XIX представлены зримо, наглядно, мощно, красиво. Если взяться за реконструкцию кое-как, толком не подумав, возникнет в нашей духовной жизни, и без того во многом достойной сожаления, новая огромная рана. Мне кажется, именно на примере Китай-города следовало бы разработать нечто вроде образца — как подходить к реконструкции старых городов. А для начала надо понять, что эта часть Москвы — наше национальное достояние. То, как мы к нему отнесемся, будет характеризовать нас в глазах потомков.

Из каких принципов исходить прежде всего? Убежден, что необходимы предварительные исследовательские работы — археологические и историко-культурные. Пока ни того ни другого не сделано. Археологические раскопки только-только начаты, а ведь это район, откуда пошла Москва. Он должен быть исследован улица за улицей, метр за метром. Историко-культурные изыскания позволят ответить на самый главный вопрос: какие исторические традиции сохранить и продолжить. То есть каким образом не свести все к восстановлению материальных памятников, как выполнить основную задачу — сохранение национального достояния. Иногда у архитекторов возникают такого рода затруднения: реконструировать облик города — с какого времени? С какой даты? Но подобным образом к делу подходить вообще нельзя. Надо определить наиболее устойчивые, тянущиеся через всю историю района традиции, возродить и развить их.

Таких нитей, идущих из века в век, в Китай-городе несколько. Во-первых, просветительство. Эта линия особенно четко прослеживается на Никольской. Вторая устойчивая, примыкающая к первой традиция — книжное дело: типографии, книжные лавки, переплетные мастерские. Третья — торговая традиция, у нее тоже очень глубокие корни. Эти линии всегда сосуществовали, не ущемляя друг друга. А вот четвертая — административно-бюрократическая — оказалась агрессивной. Это то, что, по существу, угробило Китай-город. Мне пришлось видеть в одной архитектурной мастерской очень наглядную карту. На ней с помощью цвета было отражено, какие сферы деятельности преобладали в Китай-городе в разное время начиная с XIV века. Постепенно район «менял окраску». Все связанное с культурой было обозначено розовым цветом, а бюрократические здания представляли собой серые островки. Но с конца XVIII, в особенно с начала XIX века серое пятно расползалось по карте. И теперь оно поглотило Китай-город, оставив всему остальному жалкие вспомогательные функции.

И вот архитекторы (конкретно мастерская № 7 «Моспроекта-2») берутся выполнить проект реконструкции, в котором нв первый взгляд все прекрасно: и выселение бюрократии предусмотрено, и история «учтена», и культура. Так примерно и говорят: «Здесь будет история, а здесь — культура». Сохранение традиций понимается чисто технократически. И Китай-город превращается из живого организма в нечто блочное: блок, где можно поспать (гостиницы), блок, где можно поесть (общепит), и блок, где можно на что-то посмотреть (музеи). Возможно, так гораздо удобнее с инженерно-строительной точки зрения: легче спроектировать трассы, водопровод, энергоснабжение, но в результате получается не центр города, а какое-то мертвое образование.

Почему мы возражаем против задуманного архитекторами выселения нашего института с Никольской? Отнюдь не только потому, что «нам здесь нравится». Просто нет смысла всю улицу, как запланировано, превращать в музей. (Именно так: вся улица — музей.) Логика авторов проекта нехитрая. «Что тут было? Культура. Раз культура, значит, музей». Отреставрировали, покрасили, наставили указателей... Но ведь было бы абсурдно, если бы кто-нибудь предложил Варшавский, или Краковский, или другой европейский университет закрыть и превратить в музейное здание. Город остается городом, пока он живет. Культура — это не одни экспозиции, это и работа букиниста, и издание каких-то буклетов, и обязательно библиотека. Музей тоже может быть, но зачем противопоставлять его институту? Одно из наших зданий — «Теремок» (памятник XVII века) вполне может соединять в себе лабораторию факультета музееведения и музей истории редкой книги, рукописей, документов. Это будет живой организм, и традиция не прервется.

Проект мастерской № 7 очень ясно отразил нашу общую трагедию, у которой глубокие истоки. Многие годы строительства социализма мы действовали под лозунгами: «Все решительно поломать», «Расчистить площадку», а потом начать возводить новое. И тем самым соскребли с очеловеченной земли тот гумус, который наращивался многими столетиями. Избавились практически от всех достижений российской цивилизации. Совершенно ошибочно помыслили себе возможность строить на голом месте. От этого проистекают, в сущности, все беды. Экономикв стала неспособной к саморазвитию, социальная структура нежизненной, все общество оказалось огосударствленным...

Вопрос о корнях, об истоках, о питательной почве сейчас наиболее актуальный. Так неужели опять, в конце XX века, резать по живому? Архитекторы удивляются: все же продумано — ряд ресторанов, ряд музеев, что еще надо? Не чувствуют, значит, что болит. Не понимают, что какая-нибудь незаметная букинистическая лавчонка району необходима, а много таких незаметных живых частиц города — это то, что греет душу.

Ситуация с нынешним проектом оказалась тупиковой. Думаю, что выход один: соревнование нескольких вариантов.

Любое предложение ущербно, пока оно единственное. Пора Моссовету объявить конкурс нв лучшую **идею**, на лучший **принцип** реконструкции Китай-города. Все, что будет представлено, сделать достоянием общественности, обсудить в печати, по телевидению. И только остановившись на каком-то принципиальном решении, брвться за реконструкцию. А пока дело идет к окончательной гибели Китвй-города.

Три мнения высказаны. Может быть, и вам захотелось принять участие в этом рвзговоре? Вопрос «Что будет с Китай-городом?» обрвщен к каждому из нас.

СТИЛЬ ЖИЗНИ — ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Определить амплуа этого человекв трудно. Писатель, журналист, альпинист, педагог, пилот, капитан дальнего плавания. Одним словом, путешественник, который умеет все: водить самолет и океанский лайнер, спускаться с аквалангом на глубину до ста метров, долгое время обходиться в пустыне без воды. Яцек Палкевич — основатель первой европейской школы выживания.

За последние 25 лет он объездил весь мир, возглавлял много трудных и опасных экспедиций. Последняя из них была в Якутию, на полюс холода. Вместе со своими тремя соотечественниками — Р. Лоренцани, Г. Пиччинини, Н. Черфольо, а также с советскими журналистами В. Бочковским и И. Михалевым Я. Палкевич на оленях (из Якутска до Оймякона) преодолел 1200 километров. Маршрут проходил через хребты Верхоянский и Черский, через необитаемые горные цепи Сетте-Дабан и Сунтар-Хаята, места труднодоступные. Температура для итальянцев непривычная — минус 55 градусов. Но Палкевич давно научился легко перескакивать из жаркой пустыни в ледяную тайгу, из буйных зарослей джунглей на голые пики Гималаев, адаптируется в самых сложных климатических условиях.

Для него не существует проблем: все предусмотрено заранее, ничего не оставлено на волю случая. Да, приключения, но запланированные, где даже риск, всегда рассчитанный, кажется частью контракта, заключенного Палкевичем с жизнью. Он даже признается в отличие от многих, что ему тоже иногда бывает страшно, и этот страх позволяет ему лучше оценивать опасность, чтобы немедленно принять все необходимые меры.

Его репортажи о путешествиях с удовольствием печатают крупнейшие газеты и журналы. Он говорит, что еще ни разу не пожалел о пройденном пути, несмотря на все вынесенные им тяготы. Единственное, о чем жалеет,— о тех путешествиях, от которых пришлось пока отказаться. Он много повидал и стремится испытать все — ни голод, ни жажда, ни жара не смогли остановить его. Несколько лет назад он пересек Атлантику на пятиметровой спасательной шлюпке, без радио и секстанта. От Дакара до Джорджтауна, 44 дня на скорлупке среди океана.

У него тысяча идей и миллион фантазий. И все их он хочет осуществить. Так, однажды ему приходит в голову мысль пересечь Африку пешком, и единственное, что почти остановило его,— бюрократические препоны. Но в конце концов упрямец победил и отправился в путь.

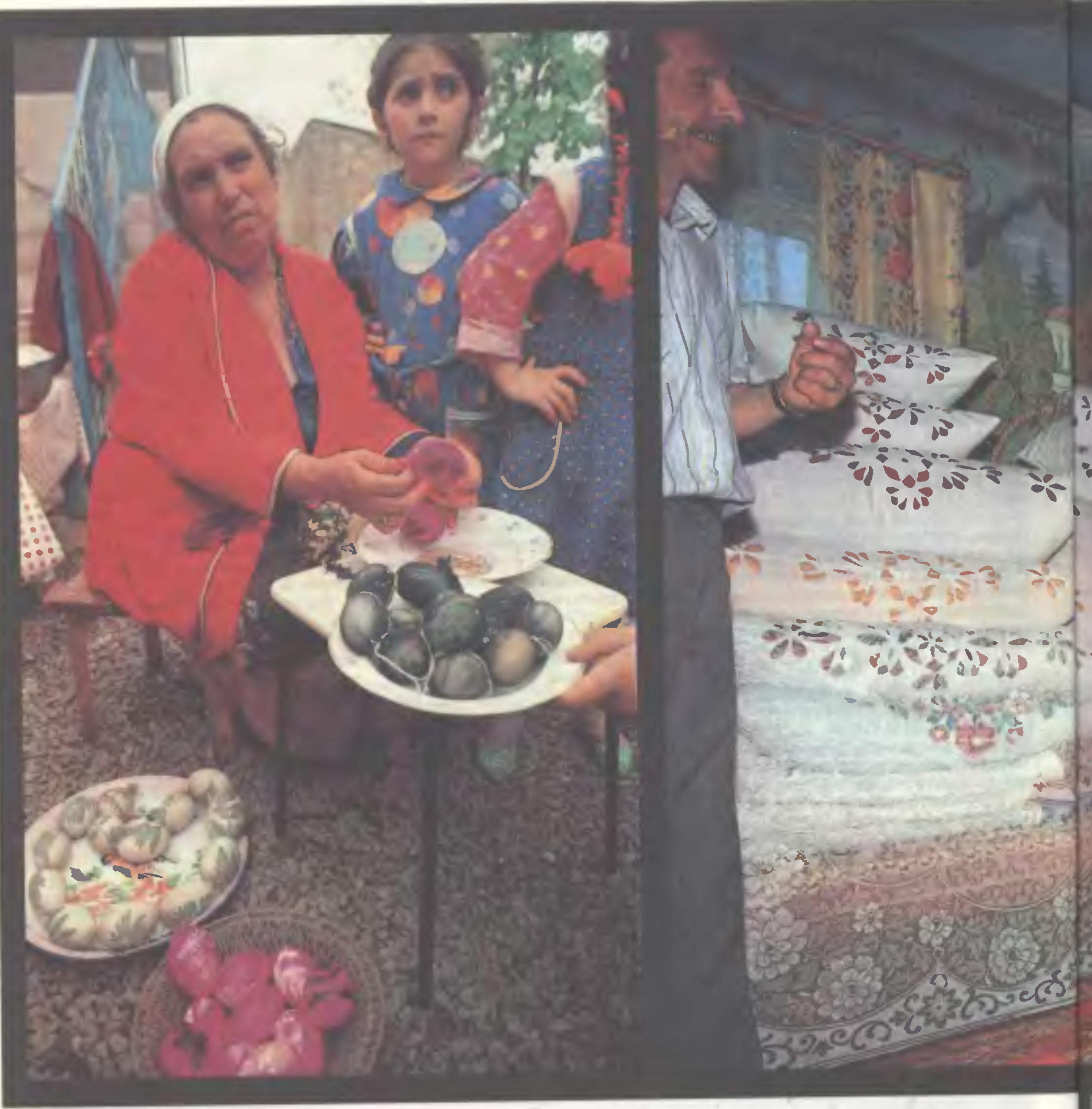
Его зовет загадочный Восток, но денег мало, и вот он сдает экзамен по судовождению и становится наконец дипломированным мореходом, хотя знал матросское ремесло еще с мальчишеских лет. Нанимается помощником капитана, и — в путь, к далеким берегам!

Когда ему говорят, что он слишком рискует, он смеется и отвечает, что надо смотреть в оба, держать ситуацию под контролем, и тогда вернешься домой цел и невредим. Все просто!

Палкевич — представитель редкой в наше время породы журналистов. Такой системы работы почти никто уже не придерживается. Его интересуют не политические или экономические события, а очень простые вещи, факты обыденной жизни, сам человек, его образ жизни, среда его обитания.

Как все люди действия, он говорит мало, но всегда конкретно. Вернувшись из последней экспедиции, на вопрос жены Линды, доволен ли, он ответил: «Да, но ты знаешь, я снова собираюсь в Якутию, полюс холода притягивает...»

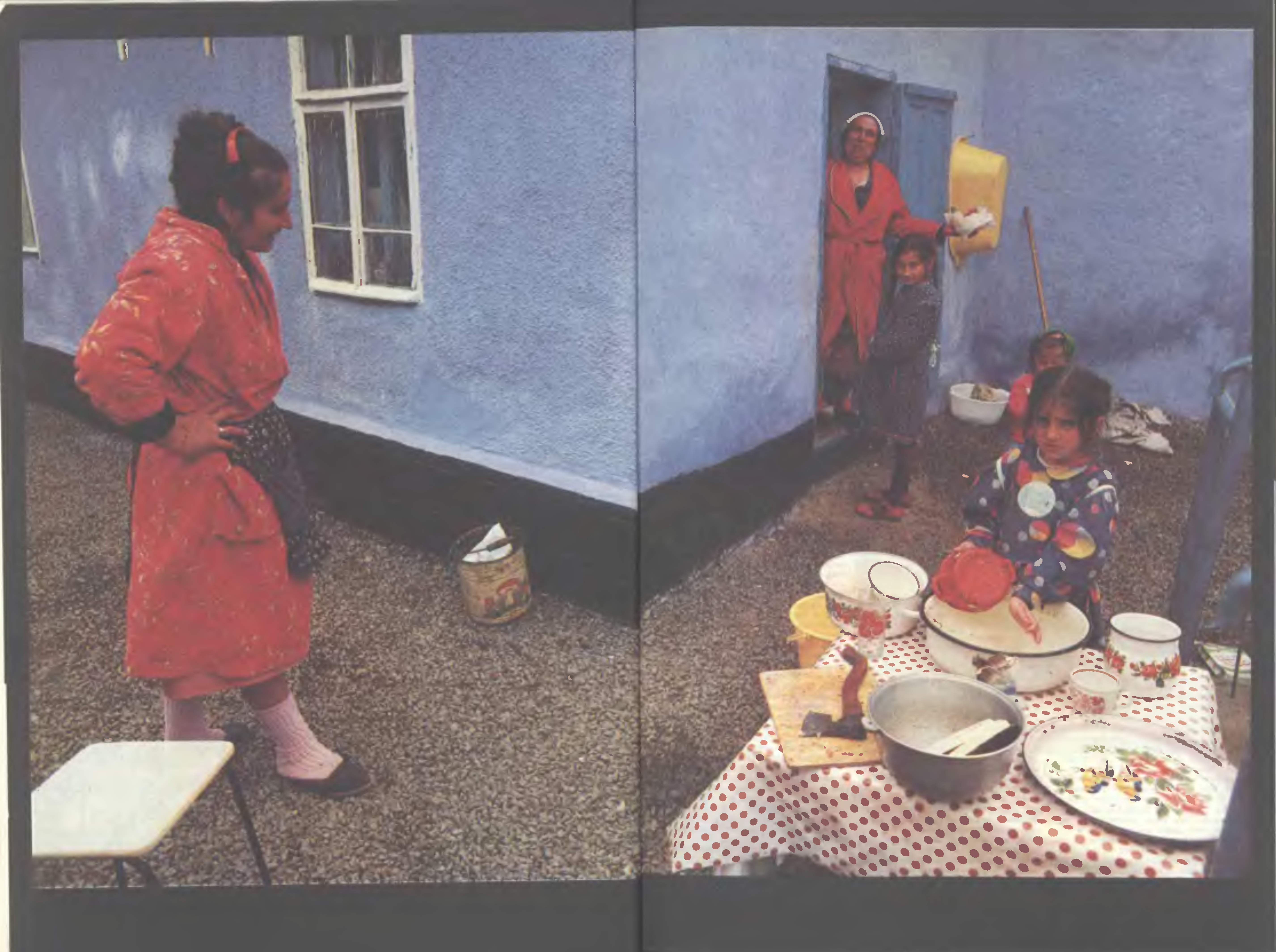
**Р. АЛЕКСАНДРОВ
Фото Эдуарда ЖИГАЙЛОВА**

ПОГАДАЙ СЕБЕ ЦЫГАНКА

Городок Сороки в Молдавии неспроста называют цыганской столицей. Здесь располагается одно из крупнейших поселений цыган в стране. Согласно красивой цыганской легенде, именно в этом месте лошадь-великан ступила копытом в русло Днестра, и с тех пор изогнулось оно — точь-в-точь подкова, а меж высоких холмов-осыпей прилепились дома-дворцы в стиле индийских храмов, как память о далекой родине бродячего племени.

Старый кузнец Тимофти Стоян, которому в июле исполняется 103 года, утверждает, что волшебной была та лошадь. По следам этой четвероногой великанши разбредаются они, вечные кочевники, по грешной земле, где с Вавилонского столпотворения все устоялось и негде приткнуться бедному цыгану. Стоян полагает, что не будет им счастья и не перестанут они кочевать, пока лошадь не вернется обратно. И вот, пожалуйста, Тимофти с малых лет ковальское мастерство совершенствует, нет ему равных в округе, только беда — не брал справок в колхозах, где работал, и теперь они со старухой без пенсии перебиваются...

Жизнь в ладу с соседями-цыганами, игры с их детишками навсегда оставили во мне представление о людях мирных, дружелюбных и скрупулезно честных в личных взаимоотношениях. Помню, сколько раз мой приятель Конкой возвращал нам в дом забытые мною игрушки.

Многих может ввести в заблуждение цыганская манера говорить — шумно, горячо, как будто собеседники все время ссорятся. На самом деле на людях они нарочито играют роль смутьянов, неунывающих сорвиголов. Эта роль повторялась так часто, что давно превратилась в маску. Почему цыганам приходилось носить ее? Может быть, это способ самозащиты нации, которая издавна была презираемой и гонимой?

И наше общество за десятилетия не сумело пробить стену отчужденности. Ни строгий так называемый «цыганский указ», ни административные запреты не смогли привести цыган к оседлости. И кому легче от того, что в партийных решениях признается «наличие серьезных просчетов в работе с гражданами цыганской народности»?

В Сороках значительная часть цыган до сих пор не приобщена к общественно полезному труду, живет на нетрудовые доходы. Многие уклоняются от военного учета и призыва в армию, абсолютное большинство никак не участвует в общественно-политической жизни. В цыганских семьях ходят в школу менее 30 процентов детей. Высока степень заболеваемости, в особенности туберкулезом. Растет преступность, среди молодежи все больше распространяется наркомания. Положение весьма серьезное, дальше закрывать глаза на него уже нельзя. Но что же предпринять? В теории все ясно, можно привести целый список необходимых мер: создание атмосферы доброжелательности, улучшение условий жизни и труда, медицинское обслуживание и т. д. Но одних призывов маловато. Нужно конкретное дело, которое заинтересовало бы цыган.

И оно нашлось. В последние два года в городе открылось несколько десятков цыганских кооперативов. Все они, надо подчеркнуть, занимаются не перепродажей, а производством самых различных товаров — швейных и трикотажных изделий, обуви, бижутерии, хозяйственной утвари. В горисполкоме отбоя нет от желающих приобщиться к кооперативному движению. Один мечтает открыть гостиницу, другой желает оборудовать кафе в цыганском стиле.

Первый и один из лучших кооперативов — «Черари». Он насчитывает уже свыше 400 работников и только с мая 1987 года по май нынешнего выпустил и реализовал особо модных изделий на сумму около 11 миллионов рублей. Доход кооператива составил свыше пяти миллионов, а в бюджет государства отчислено полтора миллиона — примерно четверть того, что отчисляют аналогичные сорокские предприятия. Кооперативы выделили около ста тысяч рублей на благотворительные цели: в фонд пострадавших от стихийного бедствия в Армении, на реставрацию памятников старины и архитектуры, на нужды больницы, на строительство фонтана в центре города, в помощь заводу технологического оборудования, фабрикам, клубу воинов-интернационалистов, школе на оборудование спортзала.

Кстати, коллектив «Черари» многонациональный, в нем трудятся цыгане, молдаване, русские, украинцы, евреи.

Казалось, только радоваться бы успехам кооперации, тому, что за последнее время резко уменьшилось число неработающих цыган и выезжающих на заработки за пределы республики (даже преступность пошла на убыль).

Но существует в любом городе мнение, сгоряча называемое общественным. В Сороках привыкли считать, что заработки цыган добыты обязательно нечестным путем. Наверное, именно поэтому недавно назначенный межрайонный прокурор Б. Ф. Главан организовал одну за другой три финансовые проверки кооператива «Черари». Подозрения не оправдались. Специалисты из Министерства финансов республики официально подтверждают: все законно, нет никаких злоупотреблений. Борис Федорович на этом не успокоился и написал статью в районную газету — против кооператива. В результате по инициативе райкома партии организуется еще одна проверка. Вновь оторваны от дел специалисты Министерства финансов, МВД, народного контроля республики, чтобы недоумевающе повертеть в руках результаты прошлых проверок: «Мы же совсем недавно их проводили...»

Вновь неспокойно цыганам. Видя столь явное противодействие «Черари», стали задумываться и другие: стоит ли начинать, если тебя ожидают такие мытарства?

— Было нас 16 человек,— рассказывает один из цыган,— просили дать разрешение на открытие кооператива. Всем — добро, а цыганам отказали. У вас, говорят, нет специального образования. А где это написано, что для того, чтобы вести дела, нужно специальное образование? Он что, учился на председателя исполкома?

Такие вот дела творятся в Сороках, и прогнозы пока не радостные. Но что-то делать надо, не волшебной же лошади дожидаться!

Владимир ЛУПАШКУ

Фото Юрия КОЗЫРЕВА

ЛЕТОПИСЕЦЪ ГОСУДАРСТВА РОССIЙСКАГО

«История государства Российского» Карамзина — это целый мир мыслей, образов, характеров, чувств, поступков людей прошлого, мир, в котором национальное удивительно переплетается с общечеловеческим. И вместе с тем — это мир самого Карамзина с его размышлениями о человеческой истории, о прошлом, настоящем и будущем Отечества.

Николая Михайловича Карамзина (1766—1826) невозможно представить внв культурной, общественной мысли и политической жизни России конца XVIII — первой четверти XIX века. Писатель, едва ли не первый познакомивший соотечественников с европейской культурой, издатель популярного, первого в России общественно-политического журнала «Вестник Европы», один из ближайших советников Александра I и в то же еремя бескомпромиссный критик многих замыслов и начинаний русского императора, человек, с жизнью которого оказались тесно переплетенными судьба, творчество целой плеяды замечательных людей его времени. Вместе с тем он принадлежит истории как создатель двенадцатитомного труда — «Истории государства Российского». **«Дреаняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Амарика Колумбом»,**— писал Пушкин.

В первой четверти XIX в., пожалуй, не было другого сочинения, которое породило бы столь многочисленные и разноречивые суждения: тут и злое тургеневское стихотворение «Решившись хамом стать пред самовластья урной...», и определение Карамзина как «Тацита нашвго аремени» (так писали о нем Рылеев и Батюшков).

Современный же историк оценил бы его как создателя историко-художественного образа России. Повествование Карамзина обаолакивает, усыпляет, заставляет верить, как а хорошем романе, что было именно так, как написано им.

Александр I, сделавший Карамзина историографом, ждал от него истории Российской империи. Получил же иное — историю Российского государства.

Цельность его труду придала концепция — идея самодержавия как главного фактора русского исторического процесса. В осноае ее лежал тезис Монтескье о том, что огромное по своим пределам государстао может иметь только монархическую форму правления. Карамзин уточняет: не только монархия, но и самодержавие. Власть не обязательно наследственная, правитель может быть даже избран. Глааное, чтобы это было «истинное самодержавие»: облеченный аысокими полномочиями человек строго и неукоснительно соблюдает проверенные аременем или тщательно продуманные новые законы, придерживвется нравственных правил и заботится о «благе подданных». Русский исторический процвсс, по Карамзину,— это медленное, порой зигзагообразное, но неуклонное движение к «истинному» самодержавию.

Творцом такого порядка Карамзин рисует Ивана III, который заставил «благоговеть пред собою вельмож и народ». Поступательный процесс развития русской государственности в сторону «истинного самодержавия» сдерживался и осложнялся негативными личными качествами правителей — безнравственностью Василия Темного, жестокостью Ивана Грозного, слабоволием Федора Ивановича и т. д. В русской истории ему не удалось найти не только идеального, но даже приближающегося к идеалу самодержца. Особенно это бросается в глаза при чтении страниц, посвященных Ивану Грозному. На примере Ивана IV Карамзин стремился показать, каким не должен быть правитель. Если бы в русской истории не было Грозного, Карамзин обязательно постарался бы найти фигуру, похожую на него. Рисуя образ царя-тирана, он старался провести политическую идею: самодержавие как форма правления не может быть плохой, особенно для России; беды, свалившиеся на страну в прошлом или ожидающие ее в будущем, были и могут быть только от отсутствия у самодержца положительных государственных и личных «добродетелей».

Какова была роль монарха и вообще центральной власти в присоединении Сибири, как оценить действия Ермака и его дружины, доставившей немало хлопот правительству до похода в Сибирь,— ответы на эти вопросы для Карамзина имели принципиальное значение. Восславить Грозного означало реабилитировать царя за все ужасы опричнины, за которые тот, согласно Карамзину, уже расплачивался поражениями в Ливонской войне. В то же время восторги в адрес Ермака и его дружины могли быть расценены как демонстрация возможностей «казацкой вольности», а по сути, народной силы.

В этой ситуации историка выручила Строгановская летопись. Объявиа ее наиболее достоверной, он принял ее концепцию присоединения Сибири: «Три купца (т. е. братья Строгановы.— **В. К.**) и беглый атаман волжских разбойников дерзнули без царского повеления, именем Иоанна завоевать Сибирь» и «Шайка бродяг, движимых и грубою алчностию к корысти и благородною любовию к славе, приобрела новое Царство для России».

Карамзин не предпринимает даже попыток установить объективные предпосылки присоединения Сибири, например, рассказать о давнем освоении сибирских земель трудовым русским населением,— ведь в таком случае пришлось бы объяснять, что зто была своего рода форма социального протеста против притеснения в центральных районах. Поэтому Ермак под пером историографа превращается в российского Пизарро, а его дружина — в испанских конкистадоров — такой взгляд освобождал от необходимости искать причины появления «волжских разбойников» во все болвв усиливавшемся угнетении народа и росте числа беглых крестьян на окраине стрвны. Инициаторами похода Ермака он делает Строгановых — энергичных, деловых людей, сумевших по-государственному оценить «сибирскую землицу». Только спустя некоторое время, когда успехи Ермака стали очевидными, они, по Карамзину, получили поддержку Ивана Грозного, который всего-навсего был вынужден поддержать государственные интересы.

Таким образом, Карамзин не смог да и не пытался показать объективный характер присоединения Сибири. Однако Ермак, выполнивший, с точки зрения историка, величайшей важности государственное дело, все-таки воплощал силы народной вольницы, уже не совместимые с интересами государства.

Сегодня эрудированный читатель вправе с изрядной долей скепсиса отнестись к «Истории» Карамзина. И все же не спешите с критикой. Да, автор зтого труда подчас ошибался в деталях и обобщениях. Обуреваемый идеей самодержавия как «палладиума России», он совершил трагическую ошибку, подчинив ей весь свой рассказ. Но нельзя забывать и о другом. Крупный отечественный мыслитель и историк впервые широко, остро и публично поставил целый ряд принципиальных вопросов отечественного прошлого, прямо перекликавшихся с проблемами современной ему жизни. Нет его вины в том, что найденные ответы были пронизаны идеологией просвещенного абсолютизма, идеями эволюционного, а не революционного пути развития, верой в «идеального» самодержца.

В нраственных оценках прошлого, считал Карамзин, заключается одна из живительных, самоочищающих и движущих сил истории. Он воспевал величие духа, созидания, искал и находил истоки патриотизма, который помог сбросить иго ордынского завоевания и продемонстрировал силу перед угрозой потери национальной независимости а 1812 году. Карамзин верил, что все это еще послужит его соотечественникам — современникам и потомкам.

Он бичевал жестокость, варварстао, национальную замкнутость и чванство, несправедливость, пороки и низменные страсти. Он был убежден, что честь, добро, правда, справедливые законы, общественное благо восторжествуют в его Отечестве. Именно поэтому в его труде осужден на проклятие Иван Грозный, превративший власть в деспотизм, а Борис Годунов, запятнавший свой путь кровью, а конце концов оказывается перед лицом справедливого возмездия.

В жизни не должно быть места злу, подлости, несправедливости, иначе она не пойдет по пути, предначертанному провидением. Эту мысль Карамзин в равной мере относил и к человеку, и к государстау. Ну а если все же случится иначе, виновных ожидает неизбежное наказание: неумолимая кара при жизни и проклятие потомства после смерти.

Владимир КОЗЛОВ

Николай КАРАМЗИН

.. Россия нам отечество: ее судьба и в славе и в уничижении равно для нас достопамятна. Мы хотим обозреть весь путь Государства Российского от начала до нынешней степени оного. Увидим толпу Князей недостойных и слабых, но среди их увидим и героев добродетели, сильных мышцею и душою. В темной картине междоусобия, неустройств, бедствий являются также яркие черты ума народного, свойства, нравы, драгоценные своею древностию. Одним словом, история предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь отечество.

* * *

История не терпит оптимизма и не должна в происшествиях искать доказательств, что все делается к лучшему, ибо сие мудрствование несвойственно обыкновенному здравому смыслу человеческому, для коего она пишется. Нашествие Батыева, кучи пепла и трупов, неволя, рабство, столь долговременное, составляют конечно одно из величайших бедствий, известных нам по летописям государства, однакож и благотворные следствия оного несомнительны. Лучше, если бы кто-нибудь из потомков Ярославовых отвратил сие несчастие восстановлением единовластия в России и правилами Самодержавия, ей свойственного, оградил ее внешнюю безопасность и внутреннюю тишину, но в два века не случилось того. Могло пройти еще сто лет и более в княжеских междоусобиях, чем заключились бы оные? Вероятно погибелию нашего отечества. (...) Москва же обязана своим величием ханам.

* * *

Два государя Иоанн и Василий умели навеки решить судьбу нашего правления и сделать Самодержавие как бы необходимою принадлежностию России, единственным уставом государственным, единственною основою целости ее, силы благоденствия. Сия неограниченная власть монархов казалась иноземцам тиранием, они в легкомысленном суждении своем забывали, что тирания есть злоупотребление Самодержавия, являясь и в республиках, когда сильные граждане или сановники утесняют общество. Самодержавие не есть отсутствие законов, ибо где обязанность, там и закон. никто же и никогда не сомневался в обязанности монархов блюсти счастие народное.

* * *

Только в одних самодержавных государствах видим сии легкие, быстрые переходы от зла к добру, ибо все зависит от воли самодержца, который подобно искусному механику, движением перста дает ход громадам, вращает махину неизмеримую, и влещет ею миллионы ко благу или бедствию.

* * *

Жестокие царедворцы поздно узнали, что милость тирана столь же опасна, как и ненависть его, что он не может долго верить людям, коих гнусность ему известна, что малейшее подозрение, одно слово, одна мысль достаточны для их падения, что губитель, карая своих услужников, наслаждается чувством правосудия — удовольствие, редкое для кровожадного сердца, закоснелого во зле, но все еще угрызаемого совестию в злодеяниях.

* * *

Таков был царь, таковы были подданные. Ему ли, им ли должны мы

наиболее удивляться? Если он не всех превзошел в мучительстве, то они превзошли всех в терпении, ибо считали власть государеву властию божественною и всякое сопротивление беззаконием, приписывали тиранство Иоанново гневу небесному и каялись в грехах своих, с верою, надеждою ждали умилостивления, но не боялись в смерти, утешаясь мыслию, что есть другое бытие для счастия добродетели и что земное служит ей только искушением, гибли, но спасли для нас могущество России, ибо сила народного повиновения есть сила государственная.

«Карамзин был воспитан в понятиях, господствовавших между лучшими людьми второй половины XVIII века, и потому неудивительно, что подле ума он постоянно дает место сердцу, чувствительности, и мало того, что дает им место, он дает им первое место; неудивительно, что, в противоположность Татищеву, Карамзин оценнет поступки исторических деятелей преимущественно с нравственной, так сказать, сердечной точки зрения, требует от них прежде всего чувствительности. Для нас, для которых Карамзин и его великая деятельность есть уже явление из мира прошедшего, эта его характеристическая черта очень важна...»

С. М. Соловьев.

* * *

Россияне славились тем, что иноземцы укоряли их: слепою неограниченною преданностию к монаршей воле в самых ее безрассудных уклонениях от государственных и человеческих законов.

* * *

(...) малодушие свойственно тирану, ибо бедствия для него казнь, а не искушение, и доверенность к Провидению столь же чужда его сердцу боязливому, сколь и доверенность к народному усердию.

* * *

Изверги вне законов, вне правил и вероятностей рассудка: сии ужасные метеоры, сии блудящие огни страстей необузданных озаряют для нас в пространстве веков бездну возможного человеческого разврата, да видя, содрогаемся. Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его История всегда полезна для государей и народов: вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели, и слава времени, когда вооруженный истиною Дееписатель может в правлении самодержавном выставить на позор такого властителя, да не будет уже впредь ему подобных! Могилы бесчувственны; но живые страшатся вечного проклятия в Истории, которая, не исправляя злодеев, предупреждает иногда злодейства, всегда возможные, ибо страсти дикие свирепствуют и в веки гражданского образования, веля уму безмолвствовать или рабским гласом оправдывать свои исступления.

* * *

Престол казался Годунову не только святым, лучезарным местом истинной, самобытной власти, но и райским местом успокоения, до коего стрелы вражды и зависти не досягают и где смертный пользуется как бы божественными правами.

* * *

Упрекая Россиян суеверием, иноземцы хвалили однакож их терпимость, которой мы не изменяли от времен Олеговых до Федоровых, и которая в наших летописях остается явлением достопамятным, даже удивительным, ибо чем изъяснить ее? Просвещением ли, которого мы не имели? Истинным ли понятием о существе веры, о коем спорили и философы, и богословы? Равнодушием ли к ее догматам, в государстве искренне набожном? Или естественным умом наших древних князей воинственных, которые хотели тем облегчить для себя завоевания, не тревожа совести побеждаемых и служили образцом для своих преемников, оставив им в наследие и земли разноверные и мир в землях? То есть назовем ли сию терпимость единственно политическою добродетелию? Во всяком случае, она была выгодою для России, облегчив для нас и завоевания и самые успехи в гражданском образовании.

* * *

Достигнув цели, возникнув из ничтожности рабской до высоты Самодержца, усилиями неутомимыми, хитростию неусыпною, коварством, происками, злодейством, наслаждался ли Годунов в полной мере своим величием, коего алкала душа его, величием, купленным столь дорогою ценою? Наслаждался ли и чистейшим удовольствием души, благотворя подданным и тем заслуживая любовь отечества? По крайней мере не долго.

* * *

..Устраняя будущие мнимые опасности для юного Феодора, робкий губитель трепетал настоящим: волнуемый подозрениями, непрестанно боясь тайных злодеев и равно боясь заслужить народную ненависть мучительством, гнал и миловал.

* * *

Но великодушие действовало в Россиянах (оно пережило Иоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалели о невинных страдальцах и мерзили постыдными милостями венценосца к доносителям, другие боялись за себя, за ближних — и скоро неудовольствие сделалось общим. (...) Глас отечества уже не слышался в хвале частной, корыстолюбивой, и молчание народа, служа для царя явною укоризною, возвестило важную перемену в сердцах Россиян: они уже не любили Бориса. (...) Народы всегда благодарны: оставляя небу судить тайну Борисова сердца, Россияне искренно славили царя, когда он под личиною добродетели казался им отцом народа, но, признав в нем тирана, естественно, возненавидели его и за настоящее и за минувшее (...) и кровь Димитриева явнее означилась для них на порфире губителя невинных, вспомнили судьбу Углича и других жертв мстительного властолюбия Годунова, безмолвствовали, но тем сильнее чувствовали в присутствии известников — и тем сильнее говорили в святилищах недоступных для услужников тиранства, коего время бывает... царством ненарушимой скромности: там в тихих беседах дружества неумолимая истина обнажала, а ненависть чернила Бориса, упрекая его не только душегубством, гонением людей знаменитых, грабежом их достояния, алчностию к прибытку беззаконному, корыстолюбивым введением откупов, размножением казенных домов питейных, порчею нравов, но и пристрастием к иноземным, новым обычаям. (...) Как любовь, так и ненависть редко бывают довольны истиною: первая в хвале, последняя в осуждении. Годунову ставили в вину и саму ревность его к просвещению!

* * *

Настало время явной казни для того, кто не верил правосудию божественному в земном мире, надеясь, может быть, смиренным покаянием спасти свою душу от ада (как надеялся Иоанн) и делами достохвальными загладить для людей память своих беззаконий. Не там, где Борис стерегся опасности, внезапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не князья и вельможи, им гонимые, не дети и друзья их, вооруженные местию, умыслили свергнуть его с царства: сие дело умыслил и совершил презренный бродяга, именем младенца, давно лежавшего в могиле. Как бы действием сверхъестественным тень Димитриева вышла из гроба, чтобы ужасом поразить, обезумить убийцу и привести в смятение всю Россию.

* * *

Но имя Годунова, одного из разумнейших властителей в мире, в течение столетий было и будет произносимо с омерзением во славу нравственного неуклонного правосудия. Потомство видит Лобное место, обагренное кровию невинных (...) видит систему коварства, обманов, лицемерия пред людьми и богом (...) везде личину добродетели, и где добродетель? В правде ли судов Борисовых, в щедрости, в любви к гражданскому образованию, в ревности к величию России, в политике мирной и здравой? Но сей яркий для ума блеск хладен для сердца, удостоверенного, что Борис не усомнился бы ни в каком случае действовать вопреки своим мудрым государственным правилам, если бы властолюбие потребовало от него такой перемены. Он *не был*, но *бывал* тираном, не безумствовал, но злодействовал подобно Иоанну, устраняя совместников или казня недоброжелателей. Если Годунов на время благоустроил державу, на время возвысил ее во мнении Европы, то не он ли и ввергнул Россию в бездну злополучия, почти неслыханного — предал в добычу ляхам и бродягам, вызвал на феатр сонм мстителей и самозванцев истреблением древнего племени царского? Не он ли, наконец, более всех содействовал уничижению престола, воссев на нем святоубийцею?

* * *

Если всякого венценосца *избранного* судят с большею строгостию, нежели венценосца наследственного; если от первого требуют обыкновенно качеств редких, чтобы повиноваться ему охотно, с усердием и без зависти: то какие достоинства для царствования мирного и непрекословного, надлежало иметь новому самодержцу России, возведенному на трон более сонмом клевретов, нежели отечеством единодушным, в следствии измен, злодейств, буйности и разврата? Василий, льстивый царедворец Иоаннов, сперва явный неприятель, а после бессовестный угодник и все еще тайный зложелатель Борисов, достигнув венца успехом кова, мог быть только вторым Годуновым: лицемером, а не Героем добродетели, которая бывает главною силою и властителей и народов в опасностях чрезвычайных.

* * *

Где нет защиты от правительства, там нет к нему и повиновения.

* * *

В то время, когда Иоанн, имея триста тысяч добрых воинов, терял наши западные владения, уступая их двадцати шести тысячам полумертвых Ляхов и Немцев,— в то самое время малочисленная шайка бродяг, движимых и грубою алчностию к корысти и благородною любовию ко славе, приобрела новое Царство для России, открыла **второй новый мир** для Европы, безлюдный и хладный, но привольный для жизни человеческой ознаменованный разнообразием, величием, богатством. Естества, где в недрах земли лежат металлы и камни драгоценные, в глуши дремучих лесов витают пушистые звери, и сама Природа усевает обширные степи диким хлебом; где судоходные реки, большие рыбные озера и плодоносные цветущие долины, осененные высокими тополями, в безмолвии пустынь ждут трудолюбивых обитателей, чтобы в течение веков представить новые успехи гражданской деятельности, дать простор стесненным в Европе народам и гостеприимно облагодетельствовать излишек их многолюдства.— Три купца и беглый Атаман Волжских разбойников дерзнули, без Царского повеления, именем Иоанна завоевать Сибирь...

Призывая Донских Атаманов, Строгановы имели в виду не одну защиту городов своих: испытав бодрость, мужество и верность Козаков; узнав разум, великую отвагу, решительность их главного Вождя, Ермака Тимофеева, **родом неизвестного, душею знаменитого**, как сказано в летописи; составив еще особенную дружину из Русских, Татар, Литвы, Немцев, искупленных ими из неволи у Ногаев (которые, служа в войнах Иоанну, возвращались обыкновенно в Улусы свои с пленниками; добыв оружия, изготовив все

нужные запасы, Строгановы объявили поход, Ермака Воеводою и Сибирь целию. Ратников было 840, одушевленных ревностию и веселием: кто хотел чести, кто добычи; Донцы надеялись заслужить милость Государеву, а Немецкие и Литовские пленники свободу: Сибирь казалась им путем в любезное отечество! Воевода устроил войско; сверх Атаманов, избрали Есаулов, Сотников, Пятидесятников: главным под ним был неустрашимый Иван Кольцо. Нагрузив ладии запасами и снарядами, легкими пушками, семипядными пищалями; взяв вожатых, толмачей, Иереев; отпев молебен; выслушав последний наказ Строгановых: «иди с миром, очистить землю Сибирскую и выгнать безбожного Салтана Кучюма», Ермак с *обетом доблести и целомудрия*, при звуке труб воинских, 1 Сентября 1581 года отплыл рекою Чусовою к горам Уральским, на подвиг славы, без всякого содействия, даже без ведома Государева: ибо Строгановы, имея Иоаннову жалованную грамоту на места за Каменным Поясом, думали, что им уже нет надобности требовать нового Царского указа для их великого предприятия...

Завоевание Сибири во многих отношениях сходствует с завоеванием Мексики и Перу: также горсть людей, стреляя огнем, побеждала тысячи, вооруженные стрелами и копьями; ибо северные Моголы и Татары не умели воспользоваться изобретением пороха, и в конце XVI века действовали единственно оружием времен Чингисовых. Каждый богатырь Ермаков шел на толпу неприятелей, смертоносною пулею убивал одного, а страшным звуком пищали своей разгонял двадцать и тридцать. Так, в первой битве на берегу Тобола, в урочище Бабасане, Ермак, стоя в окопе, несколькими залпами остановил стремление десяти или более тысяч всадников Маметкуловых, которые неслися во весь дух, потоптать его: он сам ударил на них, и довершив победу, открыл себе путь к устью Тобола, хотя и не совсем безопасный: ибо жители, заняв крутый берег сей реки, называемый *Долгим Яром*, стрелами осыпали ладии Козаков...

26 Октября Ермак, уже знаменитый для Истории, отпев молебен, торжественно вступил в Искер или в город Сибирь, который стоял на высоком берегу Иртыша, укрепленный с одной стороны крутизною, глубоким оврагом, а с другой тройным валом и рвом...

Оставив в Искере часть дружины, Ермак с Козаками поплыл Иртышем к Северу. Уже ближайшие Улусы признавали власть его: он шел мирно до устья Аримдзянки, где Татары, еще независимые, засели в крепости и не хотели сдаться: взяв ее приступом, Атаманы велели расстрелять или повесить главных виновников сего опасного упорства. Все иные жители, смиренные ужасом, клялися быть подданными России, целуя омоченную кровию саблю... Далее, в Цынгальской волости, где Иртыш, стесняемый горами, имеет узкое и быстрое течение, собралося множество вооруженных людей: один выстрел рассеял их, и Козаки овладели городком Нарымским, где были только жены с детьми, в страхе, в ожидании смерти; но Ермак обошелся с ними столь ласково, что отцы и мужья не замедлили прийти к нему с данию...

Тогда единственно, по сказанию Летописца, сей витязь счастливый дал знать Строгановым, что Бог помог ему одолеть Салтана, взять его столицу, землю и царевича, а с народов присягу в верности; написал и к Иоанну, что его бедные, опальные Козаки, угрызаемые совестию, исполненные раскаяния, шли на смерть

и присоединили знаменитую Державу к России, во имя Христа и Великого Государя, на *веки веков, доколе Всевышний благоволит стоять миру*; что они ждут указа и Воевод его: сдадут им Царство Сибирское, и без всяких условий, готовые умереть или в новых подвигах чести или на плахе, как будет угодно ему и Богу...

Между тем завоеватели Сибирские не праздно ждали добрых вестей из России: ходили рекою Тавдою в землю Вогуличей... Умножив число данников, расширив свои владения в древней земле Югорской до реки Сосвы и включив в их пределы страну Кондинскую, дотоле мало известную, хотя уже и давно именуемую в титуле Московских Самодержцев, Ермак возвратился в Сибирскую столицу принять за славные труды отличную награду... Сие счастие Ермаково и сподвижников его не продолжилось: начинаются их бедствия...

Лишась, может быть, половины воинов от заразы и голода, Ермак претерпел еще знатную убыль в силах от легковерия и неосторожности...

Около двух лет господствуя в Сибири, Козаки успели завести торговлю с самыми отдаленными Азиатскими странами, издревле славными богатством и купечеством. Уже караваны Бухарские ходили к ним мимо Арала, сквозь степи Киргиз-Кайсаков, путем без сомнения давно проложенным (может быть, еще во времена Чингисовы или его наследников), оживляя пустынную Сибирскую столицу зрелищем деятельной ярмонки и доставляя там Россиянам, в обмен на мягкую рухлядь плоды Восточного ремесла, нужные или приятные для воинов, которые не берегли жизни, но любили наслаждаться ею. Ожидая тогда купцов Бухарских и сведав, что изгнанник Кучум не дает им дороги в степи Вагайской, где он снова дерзнул явиться, пылкий Ермак с пятидесятью Козаками спешил их встретить: искал целый день, не видал ни каравана, ни следов неприятеля, и на возвратном пути расположился ночевать в шатрах, оставив лодки свои у берега, близ Вагайского устья, где Иртыш, делясь на двое, течет весьма кривою излучиною к Востоку и прямым искусственным каналом, называемым Ермаковою перекопью, но вырытым, как надобно думать, в древнейшие времена, ибо гладкие берега его не представляют уже ни малейших следов копания. Там же, к Югу от реки, среди низкого луга, возвышается холм, насыпанный, по общему преданию, руками девичьими для жилища Царского. Между сими памятниками какого-то забытого века надлежало погибнуть новому завоевателю Сибири, с коего начинается ее несомнительная История — погибнуть от своей оплошности, изъясняемой единственно неодолимым действием Рока. Ермак знал о близости врага и, как бы утомленный жизнию, погрузился в глубокий сон с своими удалыми витязями, без наблюдения, без стражи. Лил сильный дождь; река и ветер шумели, тем более усыпляя Козаков; а неприятель бодрствовал на другой стороне реки: его лазутчики сыскали брод, тихо приблизились к стану Ермакову, видели сонных, взяли у них три пищали с лядунками и представили своему Царю в удостоверение, что можно наконец истребить непобедимых. Заиграло Кучюмово сердце, как сказано в летописи: он напал на Россиян полумертвых (в ночи 5 Августа) и всех перерезал, кроме двух: один бежал в Искер; другой, сам Ермак, пробужденный звуком мечей и стоном издыхающих, воспрянул... увидел гибель, махом сабли еще отразил убийц, кинулся в бурный глубокий Иртыш и, не доплыв до своих лодок, утонул отягченный железною бронею, данною ему Иоанном... Конец горький для завоевателя: ибо, лишась жизни, он мог думать, что лишается и славы!.. Нет, волны Иртыша не поглотили ее: Россия, История и Церковь гласят Ермаку вечную память!

БИБЛИОГРАФИЯ

Карамзин Н. М. Сочинения, тт. I—IX. М., 1820, издание третье, исправленное и умноженное.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Спб. 1842—1843.

Карамзин Н. М. История государстаа Российского. М., «Книга», 1988—1989. Репринтное воспроизведение текста издания 1842—1843.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПОРТРЕТ В КОЛЮЧЕЙ РАМЕ

Георгий ФЕДОРОВ, доктор исторических наук

Ни у кого не вызывает сомнения, что мы только приступаем к формированию правового государства. Казалось бы, начинать приходится не на пустом месте: в течение десятилетий у нас декларировалось существование самого гуманного, самого демократического порядка вещей. Декларировалось, но ничем не было обеспечено.

В развернувшихся сейчас процессах обновления и перестройки необходимо не только исследовать механизм массового террора, приемы, стратегию и тактику его исполнителей, но и с благодарностью вспомнить тех, кто находил в себе силы сопротивляться этому террору. Среди них были поэты, писатели, художники, музыканты...

В Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции, которой я руководил начиная с 1950 года на протяжении четверти века, многие из них не раз находили хотя бы временную работу и убежище. Упомяну Наума Коржавина, Илью Габая, Александра Тихомирова, Юлия Дунского, Валерия Фрида, ученого и поэта Копылова. Здесь мне хочется рассказать о рано ушедшем из жизни замечательном поэте Вадиме Делоне, человеке с яркой и трагической судьбой, с которым мы несколько сезонов провели вместе на раскопках.

Вадим родился в 1947 году в Москве, в интеллигентной, по нашим меркам очень хорошо обеспеченной семье. По отцу он был потомком последнего коменданта Бастилии маркиза де Лонэ (когда Бастилию взяли штурмом, маркизу отрубили голову). Племянник коменданта был врачом в армии Наполеона, после ранения и плена он остался в России, женившись на небогатой дворянке Тухачевской (из этого рода произошел знаменитый советский маршал).

Я познакомился с Вадимом в 1967 году в Институте этнографии АН СССР на вечере поэта и драматурга Юлия Кима, уже тогда известного и многими любимого барда. Именно Юлий (петь которому оставалось совсем недолго — вскоре ему заткнули рот, запретив публичные выступления) и свел меня с Делоне.

21 июня 1968 года я повез Вадима в Красную Пахру на дачу к Твардовскому, где многолюдно отмечался день рождения Александра Трифоновича, в то время еще возглавлявшего «Новый мир». После застолья, когда гости разбрелись по участку, немногословный Твардовский кивнул Вадиму и сказал: «Читай стихи». Вадик, запинаясь от волнения, прочел несколько своих стихотворений. Александр Трифонович произнес: «Поэт»,— и величественно удалился. Зная, как он скуп на похвалы, я поздравил Вадика и потащил его на другую дачу — к хорошо знакомой мне писательнице Наталье Иосифовне Ильиной. На террасе ее маленького домика Вадим снова читал свои стихи, и Наталья Иосифовна отзывалась о них с большой теплотой. Это был один из самых счастливых дней не только в его, но и в моей жизни...

Я уехал в экспедицию, а 25 августа услышал вечером по западному радио, что семеро отважных вышли на Лобное место, протестуя против вторжения в Чехословакию. Сердце сжалось, когда до меня дошло, что среди них был и Вадим Делоне. «За вашу и нашу свободу» — такие слова были начертаны на плакате, который он держал в руках. Увы, больше никаких подробностей, кроме того, что участники демонстрации арестованы, узнать не удалось. Что ждет их всех? Что ждет Вадима? Что чувствовал он, идя на площадь? Эти мысли не давали покоя.

На первый вопрос последовал ответ неправедного суда — три года уголовных лагерей. На второй Вадим Делоне ответил сам в своем последнем слове на этом суде: «Принимая решение по дороге на Красную площадь, я знал, что не совершу незаконных действий, но понимал, что против меня будет возбуждено уголовное дело... Я понимал, что за пять минут свободы на Красной площади я могу расплатиться годами лишения свободы».

Снова тюрьма, этап с его смрадными пересылками и долгое заключение вместе с уголовниками в одном из лагерей под Тюменью (это в двадцать-то один год!). Книга Делоне «Портреты в колючей раме», вышедшая в Лондоне в 1984 году, уже после смерти автора, удостоена международной премии имени Даля. Мы располагаем поистине великой лагерной литературой: Солженицын, Шаламов, Гинзбург, Разгон, Марченко, Жигулин... Но даже на этом фоне книга Вадима Делоне не теряется.

Этот высокий, сильный, но, казалось бы, ничем не защищенный, деликатный паренек вел себя с чувством собственного достоинства и умел пробуждать его в других...

В 1971 году, когда Вадим был выпущен на свободу, карательные органы столкнулись со сложной проблемой: как заставить замолчать этого несдавшегося молодого человека, личное обаяние и бескорыстие которого делало его, с их точки зрения, особенно опасным. Решено было «посоветовать» ему эмигрировать. Вадим, всей душой привязанный к Москве, к друзьям, наотрез отказался. Новое предложение, на этот раз с угрозами. Потом — какое совпадение! — зверское избиение прямо на улице. Была арестована его жена, и Вадиму прямо сказали, что, если он не согласится на эмиграцию, Ирина из тюрьмы не выйдет. Этого он выдержать не смог.

Перед отъездом Вадим заходил к нам с женой прощаться. Он метался по комнате, плакал, читал последние свои стихотворения. Вот одно из них, сгусток безнадежности и муки:

Ветер красный играет листвой,
Словно карты крапленые мечет,
И березы стоят над душой,
Как стоят над покойником свечи.

Звон протяжный не молкнет в висках.
Может, праведна кровь — я не знаю.
Так к отбою звонят в лагерях,
Ржавой рельсой над зоной бряцая.

Только это не крик и не страх,
На словах и стихах не клянутся.
Просто я в подмосковных лесах,
Мне сюда никогда не вернуться.

Как все истинные поэты, он был пророком.

Зимой 1975-го он уже в Париже, на родине своих предков. И что же? Родина осталась для него в Москве, в заснеженной России вместе с ее лагерями и тюрьмами, и ничто ее, оказывается, не заменит. Об этом — стихи и проза Делоне, написанные в ту пору. 13 июня 1983 года он не проснулся в своей квартире в пригороде Парижа, едва дожив до 35 лет.

Говоря о нашей с вами свободе, я не мог не вспомнить о поэте.

В октябре Китайская Народная Республика отметит свое 40-летие. Этот период истории страны относительно хорошо известен советским людям. Меньше знаем мы о предшествовавшем периоде и особенно о человеке, имя которого было у всех на слуху и который доминировал в политической жизни Китая почти четверть века до провозглашения КНР.

КИТАЙСКИЙ БОНАПАРТ, или жизненные вехи ЧАН КАЙШИ

Владилен ВОРОНЦОВ,
доктор исторических наук, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока»

ПРЕТЕНДЕНТ

Лидер партии Гоминьдан *, восставшей против маньчжурского ига, Сунь Ятсен ушел из жизни 13 марта 1925 года. Наследство Сунь Ятсена оказалось в центре острых политических и идеологических столкновений.

Среди наследников Сунь Ятсена был и Чан Кайши (Цзян Цзеши) — выходец из благополучной провинции Чжэцзян и благополучнейшей для Китая среды: отец его был преуспевающим торговцем. К середине 20-х годов за его плечами учеба, сначала в родной провинции, затем и в военной школе в Японии.

В Японии молодого Чан Кайши поражало, казалось, все. Он с восторгом наблюдал, как японские военнослужащие безропотно, словно бессловесные механизмы, исполняли приказы командиров. Солдат-фанатик, готовый в любую минуту пожертвовать своей жизнью во имя императора («свершить возложенную на него историческую миссию»), становился примером для подражания не только в среде японской учащейся молодежи, но и обучавшихся в Японии иностранцев. С затаенной завистью посматривал Чан Кайши на японских офицеров и генералов, с гордостью восседавших на почетных местах во время различных воинских праздненств, когда воздавалась хвала победам японского оружия.

Весной 1911 года — это был год начала Синьхайской революции, сокрушившей иго маньчжурской Цинской династии, но одновременно вызвавшей политическое дробление республики на районы, оказавшиеся под контролем военных клик,— Чан Кайши прибыл из Японии в Шанхай. Город бурлил: здесь расцветала подпольная деятельность — как деловая, так и политическая. Шанхайский делец Чэнь Цзимэй, опекавший молодого Чан Кайши, учредил тайное общество содействия революции в провинциях Цзянсу и Чжэцзян. В рядах противников маньчжурской династии действовало множество предателей и провокаторов, и их жертвой чуть было не стал наставник Чан Кайши. Чэню удалось ускользнуть, но его друзья были схвачены. Чан Кайши счел за лучшее спокойно вернуться в Японию. Второе расставание с родиной оказалось не таким уж длительным. Вскоре вести о восстании в Учани — в самом центре Китая — достигли Чэня, и он сразу же отправил телеграмму своему ученику в Японию. Чан Кайши в ту пору было 25 лет. Впоследствии, обращаясь к прошлому, Чан так писал о первых шагах своей карьеры: «Я чувствовал, что пришло время для нас, военных людей, послужить на благо отечества. Я поэтому немедленно возвратился в Китай для участия в революции. Это было действительно начало моей революционной карьеры».

Чан Кайши готовил себя и к военной учебе в Германии. Он изучает немецкий язык, занимается и издательской деятельностью. В журнале «Голос Армии» пытается обсуждать международно-политические и военные проблемы Китая, вопросы границ и т. д. Начинающий автор рассуждает о будущей «республике мира», где все расы будут жить в гармонии и достатке. Войны уйдут в прошлое, необходимость в армии отпадет, и только полиция будет лишь наблюдать за порядком. Но пока он размышляет о китайской армии. Какой она должна быть? Он призывает довести численность армии до 600 000. Увеличить расходы на военные нужды, основное внимание сконцентрировать на сухопутных войсках. Вся военная власть, подчеркивал Чан Кайши, должна быть сосредоточена в руках центрального правительства.

Смерть Сунь Ятсена стимулировала внутриполитическую борьбу внутри Гоминьдана, схватки за лидерство в партии. Искренние патриоты связывали свои надежды с видным соратником Сунь Ятсена — Ляо Чжункаем. Правые называли Ляо Чжункая «скрытым коммунистом», угрожали расправой, и в конце концов нанятые ими убийцы привели угрозы в исполнение.

Среди наследников, способных претендовать на наивысший пост в партии, называли Ван Цзинвэя и главкома гуанчжоуской армии Сюй Чунчжи. К 1925 году Чан Кайши после командования военной офицерской школой Гоминьдана на Вампу занимал в звании генерала влиятельные посты в правительстве Сунь Ятсена. В частности, он входил в Военный совет при ЦИК Гоминьдана, созданный для объединения командования войсками по настоянию В. К. Блюхера, руководившего группой советских военных советников. Чан Кайши, взвешивая свои шансы, понимал, что уступает главному сопернику в ораторском искусстве, в литературных способностях (Ван был известен как лучший публицист в партии), да и в артистизме. Ван Цзинвэй публично выступал за развитие связей с Советской Россией, считался даже левым, но проигрывал в главном: у него не было четких политических принципов.

---

* Гоминьдан (Национальная партия) — политическая партия в Китае, созданная в 1912 г. До 1927 г. играла прогрессивную роль.

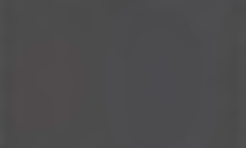
Книга В. Воронцова о «китайском Бонапарте» вскоре выходит в Политиздате.

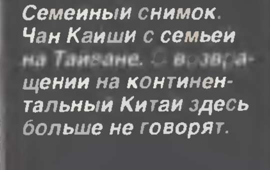

Чан Кайши в форме офицера китайской армии. Пока очень немногие в стране слышали его имя.

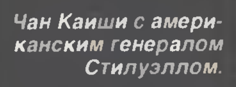

Молодой Чан Кайши с матерью. Будущий генералиссимус ей обязан первыми ростками честолюбия.

Семейный снимок. Чан Кайши с семьей на Тайване. О возвращении на континентальный Китай здесь больше не говорят.

Чан Кайши с американским генералом Стилуэллом.

Как же среди многих политических фигур выглядел Чан Кайши?

Он демонстрировал партии свои способности политического перевоплощения. То показывался перед аудиторией в гневе, то являл образ милосердия. А за словами следовали дела и тайные интриги. Под арест по сфабрикованным обвинениям попали 17 военачальников, в которых Чан Кайши усмотрел своих потенциальных соперников.

Травля левых деятелей в собственной партии означала скрытый отход от политики единого фронта с коммунистами. Еще совсем недавно, в 1923 году, Чан Кайши был гостеприимно принят в Москве, и казалось, что с его визитом в Советскую Россию начался новый этап в развитии отношений РКП(б) с Гоминьданом, установленных Сунь Ятсеном. Но прошло всего четыре года, и в деятельности Чан Кайши осталось мало общего с программой сотрудничества, намеченной в Москве.

Месяц от месяца крепла власть Чан Кайши. Он становился фактически полновластным главой Гоминьдана. Армия, полиция, все государственные и партийные учреждения находились практически в его непосредственном подчинении как главнокомандующего Национальной армией. Он контролировал финансы, арсенал, политический департамент, военную школу Вампу...

Но претендент в кресло диктатора не бросался в политические схватки сломя голову, а предпочитал продвигаться по ступенькам карьеры бесшумно, кошачьей походкой, тщательно высматривая добычу. Он не разделял взглядов коммунистов, ему были больше по душе великодержавные амбиции идвголога Гоминьдана Дай Цзитао. Ведь именно Дай проповедовал исключительность китайской нации, взывал к возрождению былого ее величия. Такого рода идеи полностью соответствовали властолюбивым замыслам Чана. Реальным средством как объединения страны, так и упрочения своей власти могла быть лишь армия, в организации которой принимали участие советские специалисты и китайские коммунисты. Чан Кайши вынужденно мирился с «полевением» Гоминьдана, что позволяло поддерживать в окружающих представление о нем как об искреннем стороннике концепции единого национально-революционного фронта. В едином антиимпериалистическом фронте, как предполагалось, должны были объединиться крестьяне, рабочие, радикальная интеллигенция, представители тор-

гово-промышленных кругов, не связанных с иностранным капиталом.

30 мая 1925 года в Шанхае произошли события, положившие начало национальной революции 1925—1927 гг. Английская полиция расстреляла демонстрацию, требовавшую возвращения Китаю «экстерриториального сеттльмента», где распоряжались англичане, опиравшиеся на местные милитаристские клики. После успеха Северного похода Национальная армия начала наступление на юг: прежде всего на Нанкин и Шанхай. В конце марта 1927 года части НРА вплотную подошли к Шанхаю. В городе вспыхнуло восстание под руководством коммунистов. Части Чан Кайши вошли в уже освобожденный город.

Чан Кайши продолжал тщательно маскироваться. Он охотно выступал на «приветственных» митингах, которые в конце концов заканчивались избиением левых. В то время как Главнокомандующий, расточая революционные лозунги, двигался с армией к Шанхаю, его ставленники обрушились на профсоюзных активистов, на всех, кто как-то симпатизировал левому крылу Гоминьдана. Жертв террора часто водили по улицам городов, подвергали издевательствам, а сопровождающие визгливо проклинали «красных». Чан словословил усилия рабочих в борьбе за свои права, а сам сразу же по прибытии в Шанхай стал опираться на подпольный мир города для подготовки решающего удара по противникам. 8 апреля Чан Кайши встретился со своими старыми друзьями — главарями тайных обществ, вожаками люмпенов Шанхая. Среди них были Хуан Цзинжун, Чжао Сяолинь, известный король наркоманов, главарь гангстерского общества «Зеленых» Ду Юэшэн. Речь шла, помимо прочего, о создании специальных отрядов «защитников Цзяна (Чан Кайши)». Головорезам из этих отрядов вменялось выявлять и ликвидировать вожаков левого движения, коммунистов.

Чан Кайши давал обещания защитить рабочие отряды и профсоюзы и даже преподнес командованию дружин вымпел с надписью «В честь совместной борьбы». А в это время хорошо вооруженные отряды тайных обществ стали нападать на рабочие пикеты. Началась охота на людей. Стрельба не останавливалась в течение трех недель. Бай Чунси, начальник штаба Чан Кайши, издал прокламацию: виновные в организации забастовок в Шанхае подлежат строгому наказанию. Появление войск Чана сопровождалось еще большим кровопролитием. Погибло несколько тысяч рабочих, большинство из них встретили мученическую смерть в застенках. Чжоу Эньлай — один из активных деятелей ЦИК — сумел скрыться. Несколько минут промедления стоили бы ему жизни.

Шанхайские банкиры и промышленники не сумели, однако, удовлетворить возросшие аппетиты Чан Кайши. Гоминьдановские генералы, развращенные финансовыми подачками шанхайских бизнесменов, полагали, что роль палачей заслуживает большей платы. Когда попытки Чан Кайши миром заполучить от шанхайских капиталистов нужную ему финансовую помощь закончились безрезультатно, гоминьдановский лидер обратился за содействием к шанхайскому подпольному миру. Как нельзя кстати пригодились услуги гангстеров из общества «Зеленых», объединявшего до 100 000 преступников. Люди из уголовного братства предпочитали действие уговорам: острие террора направлялось теперь не только против профсоюзов, но и против капиталистов. Похищали родственников воротил шанхайского бизнеса, за них взимались в виде выкупа огромные суммы денег. Прямое уголовное насилие позволило Чан Кайши заполучить около 50 миллионов долларов.

Во власти насилия, необузданного террора разъяренной военщины оказались провинции Гуандун, Гуанси, Фуцзянь, Чжэцзян, Аньхой. В Чанша, где в своей речи Чан Кайши, казалось, еще совсем недавно восславлял лозунг «мировой революции» и где была довольно активна организация КПК, начались аресты и облавы. Местный армейский командующий приказал схватить 100 агитаторов и расстрелять их. Некоторым случайно удалось спастись. Среди них был Лю Шаоци.

Политическое движение, нацеленное против сепаратизма местных милитаристов, иностранного вмешательства во внутренние дела страны, объективно служило силой, которая вела Чан Кайши к вершинам власти в партии и государстве. Он приспосабливался, проявляя самые изощренные лисьи повадки, к потребностям современной ему политической жизни, взывал, когда чувствовал необходимым, к идеям мировой революции, столь полюбившимся радикалам из ВКП(б) и их сторонникам в революционном движении Китая. Но во время Шанхайского переворота сбросил маску, обрушившись на представителей левого движения.

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

Не менее сложной проблемой, нежели политические, стала для Чан Кайши женитьба на дочери Чарльза Суна — одного из просвещенных деловых людей того времени — и свояченице Сунь Ятсена. Женитьба открывала для Чан Кайши заветные двери в салоны заправил финансового и промышленного мира Запада.

Сун Мэйлин блистала в высшем свете Шанхая. Она отличалась подвижностью, одухотворенностью, привлекательностью, ее расположения добивалась толпа нетерпеливых и настойчивых поклонников.

Впервые Чан Кайши встретил Мэйлин в доме жены Сунь Ятсена — Цинлин. Чан Кайши завязал с Мэй переписку, а вскоре и поделился с Сунь Ятсеном своими планами на женитьбу. Совет старшего соратника не внушал особого оптимизма — Сунь Ятсен просил не форсировать события. Сун Цинлин, услышав от супруга новость о намерении Чан Кайши просить руки ее сестры, реагировала довольно жестко. «Я предпочту увидеть Мэйлин мертвой,— заявила она,— нежели замужем за Чан Кайши».

Мать Сун Мэйлин, находясь во власти слухов о личной жизни жениха, колебалась довольно долго. Много было толков о последней женитьбе претендента на руку ее двадцатишестилетней дочери. Предшественницы Сун Мэйлин принадлежали к различным слоям общества. В первый брак Чан Кайши вступил в 15 лет, подчинившись родительской воле, привел в дом провинциальную девушку. От этого союза, который вскоре распался, остался сын — Цзян Цзинго. Вторую жену Чан нашел среди шанхайских красавиц, известных своей стойкой приверженностью к самой древней в мире профессии. Природа наделила его избранницу — Чэнь Цзиюй и красотой, и умом, но и этот союз оказался недолговечным. Суровый и голый прагматизм определил новую веху в жизни Чан Кайши. Он действовал в полном взаимопонимании со своим давнишним покровителем, предводителем гангстерского «общества Зеленых» Ду Юэшэном. «Общество Зеленых» довольно элегантным способом освободило Чан Кайши от его второй жены, отправив ее в США. Изгнанница получила степень доктора при Колумбийском университете, приобрела дом недалеко от Сан-Франциско.

Чан Кайши выложил в доме Сунов на стол документальные доказательства развода. Однако у родителей невесты оставались сомнения: готов ли Чан Кайши стать христианином? Сумеет ли он побороть влияние сатаны? Ведь все его прежние увлечения — женщины легкого поведения! Чан Кайши отвечал, не колеблясь: «Да! Да! Он готов сделать все, готов изучать Библию, быть прилежным христианином». Мадам Сун сдалась. 26 ноября в шанхайских газетах появилось уведомление о предстоящей женитьбе Чан Кайши.

«С настоящего времени,— провозгласил Чан,— мы оба полны решимости отдать все, что в наших силах, делу Китайской революции». Обещание ко многому обязывало.

Во время бракосочетания своей сестры вдова Сунь Ятсена Цинлин, как и сын Чан Кайши — Цзян Цзинго, находилась в Советском Союзе. Сестра жены Чан Кайши и его родной сын осудили переворот в Шанхае, жестокое отношение гоминьдановцев к представителям КПК, профсоюзного движения.

Чета Чан Кайши переехала в Нанкин, где глава новой семьи стал лидером нового гоминьдановского правительства. Мэйлин, выступая в роли первой леди, посылает сестре депешу с просьбой возвратиться из Москвы, содействовать росту авторитета гоминьдановского режима... Но Цинлин отвечает отказом.

Нанкин не отличался благоприятными климатическими условиями — слишком холодно было зимой и весьма влажно весной, летом. Окутанный туманом, переполненный город, где люди трудились в невероятно тяжелых условиях, предполагалось утвердить в качестве столицы чанкайшистского Китая. Правительственные чиновники перебивались в непривычном для них жилье, ожидая улучшения условий жизни, жены офицеров отказывались покидать насиженные места ради неясной перспективы в карьере их мужей в Нанкине. Они предпочитали апартаменты в современных районах Шанхая.

ИДЕОЛОГ

В сентябре 1933 года Чан Кайши говорил о милитаризме как об одном из основных элементов фашизма. А уже через год на вопрос, в чем нуждается Китай, он заявит: «это милитаризация жизни народа всей страны».

Особое значение придавалось другому элементу — беспрекословной вере в лидера. Если конфуцианская книга «Цзя-юй» сравнивает отношения правителя с народом с отношением между всадником и лошадью, то Чан Кайши уподобляет Китай «пространству зыбкого песка», т. е. безмолвной пустыне.

19 февраля 1934 года на массовом митинге в Нанчане Чан Кайши призывает соотечественников начать «движение за новую жизнь». Выступая перед 50-тысячной толпой, он обращается к опыту Германии и Японии, к традиционным конфуцианским постулатам, к христианству. Гоминьдановцы стремились восстановить утерянный энтузиазм своих легионов, возродить дух преданности власти объединенного вокруг единых целей народа. Примеров для подражания можно было найти немало: опыт «великого дуче» в Италии, пробуждение сознания народа времен Ататюрка в Турции, когда антиимпериализм в этой стране становился основой борьбы против иностранной интервенции. Все эти примеры способствовали зарождению в умах у Чан Кайши и его советников амбициозных нововведений по преобразованию общества, морального усовершенствования нации.

Милитаризм в Китае, как и в любой другой стране, нуждался в националистическом, шовинистическом покрывале. Успехи в военной области в Германии, которая, казалось, еще совсем недавно испытывала горечь поражения, не могли не привлечь внимания гоминьдановского лидера. Да и в условиях развития японской агрессии опираться на японских советников и на японский военный опыт стало отнюдь не безопасно.

Чан Кайши, обращаясь к своим соотечественникам, вновь и вновь приводил пример возрождения ослабленной первой мировой войной Германии. Он отмечал энергию руководителей этой страны, их способность в короткие сроки ослабить бремя репараций, возложенное на них победителями.

«Но только ли Германия с ее спартанской дисциплиной является примером для Китая?» — следовал вопрос. Да, и Япония! Чан приводил в качестве эталона для Китая и эту страну, когда китайская земля стонала от японской агрессии. За внешними проявлениями милитаризации общественной жизни — чистота, простота, скромность и т. п.— скрывалось твердое желание привести к единообразию и поведение, и мышление людей.

Родоначальник движения пропагандировал идеал поведения гражданина его государства, который регулярно чистит зубы, моет тело, содержит в чистоте одежду, воздерживается от алкоголя, употребления опиума, табака, занимается физическими упражнениями. Если в «старой жизни,— рассуждал Чан Кайши, обращаясь к слушателям,— вы могли где попало харкать, мочиться, разводить невероятную грязь и никогда не мести под кроватями, то в новой жизни с такими варварскими привычками следует покончить». Чан обращался к примерам из собственной жизни: «Каждый из вас должен понимать, что невозможно от рождения быть революционным вождем. Надо упорно трудиться, и каждый сможет быть таким, как я, жить такой жизнью, как я».

ХОЛОДНЫЙ И ЖЕСТОКИЙ ЧЕЛОВЕК

Внедряемые сверху «движение за новую жизнь», «движение за спасение нации» не могли компенсировать отсутствия объективных, цементирующих общество факторов гражданской жизни. Чан Кайши, спекулируя на интересах различных социальных сил в китайском обществе, пытался, как это нередко делали и другие лидеры на Востоке, решить политическими и идеологическими методами проблемы объединения страны. Военно-политические и идеологические методы могли вести к упрочению диктатуры, но в то же время и обостряли существующие в обществе противоречия.

В это время Чан Кайши все больше опирался на советскую помощь. Постепенно увеличивались ряды легиона советских добровольцев; советские пилоты прибывали из различных районов своей страны; в трудных условиях, сталкиваясь порой с непреодолимыми препятствиями, они перегоняли самолеты и необходимую технику через безлюдные монгольские степи. Для многих советских людей — советников в китайской авиации — подвиги в схватках с воздушным агрессором стали логическим продолжением их суровой борьбы с фашизмом и милитаризмом, которую они начали в Испании.

Чан Кайши, хотя и говорил публично о большой роли советских советников, на деле ограничивал их деятельность. Генералы, окружавшие генералиссимуса, были обеспокоены прежде всего своей личной судьбой, их заботили привилегии, которые они стремились во что бы то ни стало сохранить. Влияние же людей, приехавших из Советского Союза и воспитанных в духе иных человеческих ценностей, вызывало в их среде лишь подозрительность и недоверие. Но среди советских советников нашелся и такой, кому бонапартизм Чан Кайши пришелся по вкусу. Полковник Власов благословил издание плаката, на котором были запечатлены его собственное изображение и образ милитариста Ян Сишаня — вожди вели за собой войска в сражениях с японцами. Претендент в полководцы был отозван. Да, это тот Власов, который, будучи уже генералом, перешел на службу к фашистскому рейху.

К 40-летию разгрома милитаристской Японии политическая академия ВМС Китая опубликовала материалы о советской помощи Китаю во время антияпонской войны. Согласно этим материалам, СССР с 1938 года по 1940 год предоставил Китаю кредиты на сумму 450 млн. долларов в виде оружия; с октября 1937 года по сентябрь 1939 года из СССР было поставлено в Китай 980 самолетов, более 80 танков и 1300 орудий. В Китай для подготовки китайских офицеров прибыло 3600 советских военных специалистов.

У генералиссимуса складывалась своя собственная система управления в партии и государстве. Он пользовался неограниченным правом диктовать свою волю. В верхах процветала братская порука, виднейшие представители режима не тонули, а оставались на поверхности, какие бы преступления ни числились за ними.

Американский генерал Стилуэлл, находившийся в Китае в годы войны на Тихом океане, признавал невозможность состязаться со сворой паразитов и подхалимов из окружения Чан Кайши. Генералиссимус не имел представления о том, что происходит. Он подписывал тысячи приказов, в ответ слышал лишь «есть», «есть» и никогда не ведал, что все же сделано.

В мрачных тонах описывал генерал политику гоминьдановцев, ведь это «банда головорезов» с одной лишь идеей обеспечить себя и своих приближенных вечной рентой. Деньги, влияние, накопление чинов, должностей — единственная забота лидеров, интриги, двойная игра, отчаянное желание урвать от других то, что плывет к ним в руки, главное желание — позволить другим сражаться на фронтах. В то же время повсюду фальшивая пропаганда их «героической борьбы», индифферентность «лидеров» к своему народу. Генералы проявляли, казалось, не превзойденные никем способности, когда исполняли перед начальством трусливую стойку на задних лапах, важно надувались перед подчиненными. Стоящие на вершине правительственной пирамиды вожаки говорили о долге, но своими практическими действиями демонстрировали примеры изощренного мошенничества, способствовали процветанию шарлатанов, скользких приспособленцев. И в низшем звене в партии и в администрации — молодая поросль — считали для себя более привлекательным следовать примерам, а не абстрактным призывам к долгу и справедливости. И все это имело место в условиях торжества колоссального невежества, неприкрытой глупости кадрового состава, полной неспособности сверху контролировать фракции и клики, обирающие народ.

Чан Кайши никогда не одобрял право на существование оппозиции, хотя бы в рамках, определяемых законом. Если он встречал сопротивление со стороны провинциальных правителей —

будь то Ли Цзунжэнь, Фэн Юйсян, Ян Сишань или кто-либо другой,— то сразу же объявлял своих противников милитаристами, мыслящими феодальными категориями. Генералиссимус доверял лишь своим родственникам и находящимся в большой зависимости от них высокопоставленным коррумпированным бюрократам. На парламент он смотрел как на инструмент в своих руках, годный для манипуляций во внутренней и внешней политике. Правительство становилось «личным» органом, конституция служила прежде всего обеспечению его, Чан Кайши, личной власти.

КРАХ

Со смешанным чувством встречал Чан Кайши приближающийся финал войны на Тихом океане, конец многолетней оккупации Японией значительной части территории Китая. Присутствовать в роли победителя в величайшей в истории битве с японским милитаризмом казалось весьма соблазнительным. Но как поведет себя Сталин после Ялтинской конференции, где были обозначены условия вступления Советского Союза в войну против Японии? Не будет ли это угрожать и без того ослабевшим за годы изнурительных схваток с внутренними и внешними врагами устоям гоминьдановской диктатуры? Настораживали рост авторитета КПК и, главное, сотрудничество между Сталиным и Мао Цзэдуном.

Генералиссимус спешил. Летом 1945 года он включает своего сына — Цзян Цзинго — в состав правительственной делегации, направлявшейся во главе с министром иностранных дел гоминьдановского правительства Сун Цзывэнем в Москву. Цзян Цзинго, казалось, недавно вернулся из Советской России, куда его отправил еще в 20-х годах на учебу отец с надеждой использовать имя сына в своих политических играх. В прошлом комсомолец, член РКП(б) Цзян Цзинго, или Николай Владимирович Елизаров — псевдоним сына Чан Кайши в Советском Союзе, — заново проходил курс политической учебы, вспоминал азы этико-политического учения Конфуция, лежавшего в основе его воспитания в раннем детстве. Цзян Цзинго побывал в роли лидера молодежных организаций Гоминьдана, попробовал свои силы в административном аппарате на провинциальном уровне.

Делегация с полномочиями от Чан Кайши прибыла 30 июня 1945 года в Москву. А вскоре Цзян Цзинго получил от отца телеграмму. Чан Кайши просил сына повидать Сталина и попытаться лично поведать ему о позиции китайского правительства. Сталина не убедили рассуждения о нежелательности для Китая потери «куска территории». Камнем преткновения оказались и вопросы о КВЖД и ЮМЖД, Порт-Артуре и Дальнем и др. Чан Кайши пытался давить на американцев, надеясь, что Вашингтон сумеет заставить Москву отказаться от ялтинских договоренностей.

Американское командование советами и практическими действиями оказывало помощь Чан Кайши в осуществлении плана развязывания внутренней войны. Американские вооруженные силы активизировались в Китае, захватывая важные порты и коммуникации, втягивались в развернувшуюся гражданскую войну между Гоминьданом и Коммунистической партией. Чан Кайши упорно отстаивал необходимость контроля над Северным Китаем. Только таким путем, настаивал он перед американцами, КПК будет вынуждена обратиться к политическим средствам решения проблемы. Генералиссимус дает задание сыну обратиться к Сталину с «просьбой» оказать гоминьдановским войскам помощь в установлении контроля в Маньчжурии. Но это был как раз тот случай, о котором довольно точно подмечено мудрыми соотечественниками Чан Кайши: слепой зажигает фонарь — зря переводит свечи. Усилия отца и сына оказались напрасными.

Паникующие министры устремились в резиденцию главы Гоминьдана — дворец Дай Пинь, что в центре Нанкина. Хозяин, невзирая на разваливающийся режим, стремился предстать перед подданными в роли национального лидера, который в конце концов приведет свой народ к «национальному спасению», гордо шагая по трупам своих «коммунистических врагов». Подобная решимость могла подействовать теперь лишь на слишком уж легковерных. Осенью 1948 года Чан Кайши вынужден заговорить об отставке, о наследнике в качестве президента — Ли Цзунжэне. Как глава Гоминьдана он сохранит за собой партийные рычаги. Позиция КПК влияла на обстановку в гоминьдановском лагере. Разве мог он, лидер Гоминьдана, спокойно слушать радио КПК? Диктор, выступавший от имени коммунистов, называл его «преступником номер один», «главарем гоминьдановской бандитской шайки, который продал национальные интересы правительству США».

Январь 1949 года стал для Чан Кайши, пожалуй, тем месяцем, когда даже верные его соратники вынуждены были признать крах своей политики. Обращения генералиссимуса к великим державам с просьбой повлиять на развитие событий в Китае, ограничить действия КПК успеха не приносили. Правительство доказывало свою недееспособность, политическая мысль в гоминьдановском Китае дышала на ладан. Несмотря на разжигание чанкайшистами ненависти к КПК, в рядах милитаристов появились генералы, решившие порвать с Чан Кайши.

Генералиссимус готовился к переезду на Тайвань — туда перебрасывались авиация, соединения ВМС, часть дивизий, возглавляемых верными диктатору генералами, также двигалась к Тайваню. На остров перебазировались войска численностью до 300 000 человек. Туда же направлялись приходившие из США суда, американская военная помощь.

В ночь с 20 на 21 апреля НОАК после артиллерийской подготовки приступила к форсированию Янцзы. Надежды на переговоры исчезли, когда десятки тысяч лодок и джонок с солдатами НОАК устремились к южному берегу Янцзы. Гоминьдановская оборона дрогнула. 23 апреля 1949 года гоминьдановцы оставили Нанкин.

С удивлением смотрели жители города, как, соблюдая дисциплину и порядок, проходили по улицам отряды НОАК. В городе еще кровоточили раны от безумных оргий времен японской оккупации, горожане еще не оправились от слишком тяжкого «освобождения» гоминьдановской армией, оставившей за собой след насилий, грабежей. Население Нанкина, которое за военное лихолетье испытало, казалось, все муки ада, вздохнуло свободно. Поддерживать порядок на улицах бывшей столицы оказалось не так-то просто. Командующий фронтом маршал Лю Бочэн, встретившись вскоре после взятия Нанкина с советскими дипломатами, рассказывал об одной из наиболее трудных для него задач — удержать солдат НОАК от расправы над находившимися здесь американцами.

Драма приближалась к развязке.

1 октября 1949 года Мао Цзэдун объявляет о создании Китайской Народной Республики. Правительство заявило, что оно является единственно законным правительством, представляющим весь народ Китая.

Чан Кайши теряет связи с материком. 10 октября в своем послании изгнанник клеймит «советскую агрессию» в Китае и объявляет о решимости бороться до конца. Цзян Цзинго получил от отца теперь более ответственное, нежели это было ранее, дело: контролировать гоминьдановских либералов, которые могли помышлять о Тайване как о «втором» Китае, либо подопечной территории, или независимом статусе. Шаг за шагом по мере реорганизации армии, партии и администрации на Тайване укреплялись позиции генерала Цзян Цзинго. Он становился ведущей фигурой во всех сферах деятельности. Генералиссимус оставлял за собой верховную власть в армии. Чан Кайши в качестве партийного лидера стремился представить армию как контролирующую администрацию силу, как президент он обладал диктаторскими полномочиями, особенно во время кризиса и войны.

Чан Кайши ушел из жизни в 1975 году, передав бразды правления на Тайване своему сыну. К этому времени у Цзян Цзинго был накоплен уже довольно солидный опыт: он побывал в роли главы политического департамента в армии и члена ЦИК, министра обороны.

Со смертью Цзян Цзинго в 1988 году наступил конец правления династии Чан Кайши на Тайване. Вместе с уходом с арены политической жизни семьи Чан Кайши начали медленно отступать стереотипы, возросшие на почве горячей и холодной войны, долгие годы цементировавшие стену отчужденности между двумя сторонами Тайваньского пролива.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

МОЙ ДОМ — МОЯ КРЕПОСТЬ

Владимир КАНТОР, доктор философских наук

Это выражение, пришедшее к нам, кажется, из Англии, мы повторяем как шутку, не вдумываясь в его глубинный, культуросозидающий смысл. А между тем оно содержит едва ли не основной элемент правового сознания. Что значит: мой дом — моя крепость? Это значит, что общество гарантирует не просто неприкосновенность жилища, но — шире — неприкосновенность человеческой личности, уважение ее независимости.

В России такого отношения к личности исторически не сложилось. Как замечает современный историк Ф. Ф. Нестеров, Московская Русь сама была «огромной осажденной крепостью», равнинной страной, открытой со всех сторон набегам всевозможных врагов. Внутри этой крепости не могло быть и речи о правах отдельного человека. В результате в Московском государстве развился тягловый, неправовой характер внутреннего управления. Сословия различались не правами, а повинностями, меж ними распределенными.

Интересно, что в словаре у В. Даля слово «крепость» в значении укрепленного против врагов места (твердыни) стоит пятым по очереди, на первом же месте — «принадлежность, состояние». Иными словами, как основное значение выступает крепостное право, строившееся на принципе полного бесправия человека. Слово «крепость» в русской культуре получило значение не защиты, а порабощения. Закрепощение происходило стихийно, юридически не оформлялось. Когда в период великих реформ прошлого века стали искать юридический акт, в соответствии с которым значительная часть народа была бесправной, такого акта не нашли. Как, впрочем, не было и писаных законов, позволявших загонять миллионы людей в концлагеря. Сталинская тирания тоже утверждалась постепенно, стихийно, как результат «совместного творчества» масс и власти.

Ключевский как-то заметил, что русская история склонна к повторам. Я бы говорил не о повторах, а о рифмовке через столетия основных понятий, выработанных историей. Нынешние проблемы родились не сегодня, но у сегодняшних и вчерашних проблем один корень. Как известно, Сталин любил Ивана Грозного. Велико и сходство сталинских расправ с расправами Грозного. Напомню хотя бы эпизод новгородского погрома в изображении С. М. Соловьева. Иоанн велел по всему Новгороду грабить по торговым рядам и улицам товары; потом начал ездить по посадам, велел грабить все дома, всех жителей без исключения, дворы и хоромы ломать, окна и ворота высекать... Разгром продолжался шесть недель.

И еще удивляемся, почему мы так быстро привыкли к сталинским бессудным расправам, привыкли, что двери наших жилищ открываются вовнутрь, словно для удобства тех, кто ломится к нам снаружи! Причина новгородского погрома тоже многое может напомнить: донос, что новгородцы хотят «отложиться» к польскому королю.

Мы традиционно пренебрегаем договорами, условиями, определяющими наши отношения с государством, упрекаем Запад за формализацию общественной жизни. В основе этого пренебрежения — привычка к политическому бесправию. Существует точка зрения, что отсутствие правовых отношений народа и государя в Московской Руси объяснялось вотчинным типом отношений, напоминавшим отношение отца к своим детям в большом семействе. Но разве не больше это похоже на поведение завоевателя в покоренном стане?

Герцен полагал, что русское самодержавие сформировалось под сенью ханской власти татаро-монгольских завоевателей. И в этом есть резон, если мы вспомним о более чем двухвековом иге, о том, что ярлык на великое княжение московские князья получали в Золотой Орде. Можно сказать, что Московская Русь в борьбе с монгольскими завоевателями невольно усвоила принцип единодержавного, беспрекословного правления, характерного для войска, для военного лагеря. На каком экономическом принципе основывалось это единодержавие? Никто из живших и работавших на земле не мог считать, что земля принадлежит ему, а тем самым и дом на этой земле не был крепостью для его хозяина. Кстати, поместья, которые получали дворяне, тоже не были поначалу их собственностью. Они были жалованьем за службу. Дворянин владел поместьем, пока служил. Потом оно могло быть передано другому. Думается, и коллективизацию легко было провести именно потому, что земля не принадлежала обрабатывающему ее крестьянину. Налетали вооруженные «представители центра», как отряд монгольских баскаков, собиравших дань, и никто не мог им противиться.

Крепостное право, пережитки которого сохранялись и в XX веке, было как бы опровергнуто «революционным правом», правом мужицкого топора. «Тварь ли я дрожащая или право имею?» — спрашивал Раскольников. Право на что? На кровь.

В «окаянные дни» Бунин вспоминал, что А. К. Толстой сокрушался о прекрасной Киевской Руси (имевшей свой свод законов, «Русскую Правду»), погубленной монголами. В расстрельщиках из солдат и матросов Бунин увидел проснувшееся варварство, «воровское шатание», столь излюбленное Русью с «незапамятных времен», стихию всерастающего татаро-монгольского нашествия: «город чувствует себя завоеванным». Взгляд великого писателя точен, ибо правового сознания у народа за века рабства выработаться не могло. Вначале татары, затем бесправие, названное крепостным правом (где крепость не защита, а место заключения: из крепости не убежишь). Славянофил Ю. Ф. Самарин, один из умнейших людей прошлого века, замечал, что «народ покоряется помещичьей власти как тяжкой необходимости, как насилию, как некогда покорялась Россия владычеству Монголов, в чаянии будущего избавления».

Опора на неправовое сознание народа позволила придать бессудным расправам видимость законных действий. Сработала вековая привычка, что государство — полный хозяин твоей жизни и смерти. Привычка народа к тому, что его мучают, грабят, убивают все кому не лень, в том числе и «свои»...

Вольница — оборотная сторона бесправия. Не случайно у нее общий корень со словом «произвол». Свобода в отличие от вольницы имеет ограничительный характер, меру, предел. Моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека. Ибо человек есть крепость, которую нельзя тронуть. Советы, рожденные творчеством масс, но не подкрепленные «буржуазным» правом — правом личности, подпали под власть тоталитарной структуры, стали ее элементом. Возрождение Советов возможно только в условиях правового государства, основа которого — права личности.

РАКУРС

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
Владимир НИКИТИН

ГРАДОНАЧАЛЬНИК С ФОТОАППАРАТОМ

Яков Иванович Леицингер был архангельским городским головой. В адрес-календаре за 1910 год список его официальных должностей занимает несколько строк. Но прославился Леицингер на поприще довольно неожиданном для столь важного лица. Он был самым известным фотографом Архангельска. В 1880 году переехал сюда из Вологды, и с тех пор никогда не пустело его ателье на Псковском проспекте.

Ничего экзотического Лейцингер вроде бы не снимал. Виды города, пеизажи, жанровые сценки. Но от каждой из его фотографий веет талантом. Лес корабельных мачт, купола церквей, шпили звонниц и колоколен, порт, рыбныи базар, знаменитыи смоляной рынок, многолюдная набережная... Неповторимыи поморский характер у здешнего народа. Как будто с фотографии Леицингера сошла героиня Бориса Шергина, знатока и певца Севера:

«У Архангельского города, у корабельного пристанища, у лодеиного прибежища в досельные годы торговала булками честная вдова Аграфена Ивановна. В летнюю пору судов у пристани — воды не видно, народу по берегам — что ягоды-морошки, торговок — пирожниц, бражниц, квасниц — будто звезд на небе. И что тут у баб разговору, что балоболу! А честну вдову Аграфену всех слышнеи. Она со всем рынком зараз говорит и ругается. Аграфена и по-аглицки умела любого мистера похвалить и облажить».

Снимал Леицингер и местные события, пусть не великие, но запомнившиеся всему Архангельску: пожар Смоляного скла-

Архангельскъ.—Archangel.
Пожаръ Смольнаго Буяна.
Smolny Bouyane L'incendie.

Рыбная ловля „Махни" на морѣ.
Angeln im Winter. № 31.

да, когда небо над городом несколько суток было иссине-черным от дыма; шторм на Двине; открытие памятника земляку М. В. Ломоносову.

В 1895 году, когда Яков Иванович не был еще городским головой, губернатор А. П. Энгельгардт пригласил его в качестве фотографа в поездку по отдаленным уездам Архангельской губернии. Участники экспедиции исходили вдоль и поперек Кольский полуостров, прошли побережьем Белого моря, поднялись в верховья Печоры, Мезени, Пинеги, совершили нелегкое путешествие на Новую Землю. Леицингер запечатлел быт жителей этих мест — рыбаков, крестьян, оленеводов; снимал поморов и коренных обитателей Севера — ненцев, саами и многих других. С этими фотографиями были опубликованы путевые заметки Энгельгардта. Часть снимков Леицингер впоследствии издал в Москве в виде открыток. Их раскупали так быстро, что некоторые зарубежные фирмы также взялись за издание открыток с фотографиями архангельского мастера.

Прошло больше пятнадцати лет со времени экспедиции Энгельгардта, и Леицингеру вновь довелось проехать по тем же местам. Только теперь он путешествовал не как фотограф, а как важная персона. Тем не менее дорожная фотокамера была у него, как и прежде, с собой. А результатом поездки стал великолепный альбом «Северный край». Несмотря на занятость, архангельский городской голова не хотел расставаться с фотографией. В ателье на Псковском проспекте посетители все чаще встречали дочери Якова Ивановича. Как ни странно, именно они, а не многочисленные сыновья, унаследовали его профессию.

Во время революции архив Леицингера затерялся — был то ли уничтожен давними недоброжелателями, то ли просто расхищен. До сих пор сохраняется надежда собрать то, что уцелело.

Григорий ХАНИН

КАК СКОНЧАЛСЯ НЭП

Перед зданием Академии художеств

Было время (оно длилось ни много ни мало 60 лет), когда почти все советские экономисты и историки рассматривали гибель нэпа как величайшую победу социализма. Сторонников противоположной точки зрения в литературе можно было пересчитать на пальцах. Они подняли голос в начале и середине 60-х годов, но скоро их заставили замолчать.

В последние 2—3 года положение кардинально изменилось. Теперь раздаются в основном гимны нэпу как самому успешному периоду развития нашего общества. Авторы восхищаются чудесным возрождением экономики России после гражданской войны, высокой эффективностью в тот период, созданием твердой валюты. К нэпу обращаются за уроками при решении наших нынешних экономических проблем. Отмена нэпа, датируемая концом 20-х годов, оплакивается как роковой поворотный пункт в истории СССР, ознаменовавший победу Административной Системы со всеми известными трагическими последствиями для жизни советского общества. Называются виновники этой гибели: Сталин и его окружение, зараженные военно-коммунистической идеологией аппаратчики да еще отдельные слои общества (бедное крестьянство, часть рабочего класса, молодежи). Именно под влиянием этих сил партия, еще недавно в борьбе со сторонниками Л. Троцкого, Г. Зиновьева и Л. Каменева решительно отвергавшая всякое серьезное ограничение нэпа, вдруг повернула на 180 градусов, чего не предлагал даже Троцкий.

Сомневающихся в достоинствах нэпа сегодня немного (я не имею в виду откровенных приверженцев Административной Системы). Из тех, чьи имена у каждого на слуху, отнесу к таковым Г. Попова, И. Клямкина, М. Гефтера, в какой-то степени Р. Медведева. Но в доводах этих критиков теории «заговора против нэпа» преобладают политические соображения. Гибель нэпа связывается чаще всего с глубокой противоположностью между существовавшей тогда авторитарной политической системой и рыночными методами экономики (заметным исключением является, пожалуй, только Г. Попов, который видит и экономические причины гибели нэпа).

Скажу сразу и без обиняков, чтобы больше уже к этому не возвращаться: многое в аргументах прославителей нэпа мне представляется правильным и неопровержимым. Да, в этот период нашего экономического развития ресурсы, скажем, использовались куда лучше, чем в другие периоды. О сравнении с «военным коммунизмом» и говорить нечего: здесь данные в пользу нэпа просто разительны. Но ведь и последующий этап оказался гораздо менее эффективным, чем нэп! Даже в лучший для Административной Системы период, в конце 50-х годов, материалоемкость продукции народного хозяйства по сравнению с 1928 годом возросла на 30—35%, а фондоотдача упала примерно на 15%. Очень медленно росла производительность труда. Словом, экономическое развитие носило сугубо экстенсивный характер. А если вспомнить о колоссальных человеческих жертвах в годы, последовавшие за нэпом, почти непрерывном товарном голоде, огромном росте цен (особенно перед войной), то достоинства нэпа кажутся совершенно бесспорными. Не вызывает сомнений и убийственная по отношению к нему роль авторитарной политической системы. Для такой системы больше всего подходит сверхцентрализация экономики, когда всем можно распоряжаться без ограничений.

О глубокой враждебности к рынку подавляющего большинства высших партийных и советских руководителей того периода ярко писал апологетически Н. Валентинов — фактический редактор «Торгово-промышленной газеты», органа ВСНХ. Почему же, несмотря на эту враждебность, они не поддержали сторонников Троцкого, призывавших к свертыванию нэпа? Да и в 1928 году долгое время борьба между Бухариным и Сталиным шла с переменным успехом: и в ЦК, и в Политбюро соотношение сил нередко оказывалось в пользу Бухарина, и Сталину приходилось отступать. Что же привязывало их к нэпу?

Думаю, причиной были еще не остывшие воспоминания о той войне, которую крестьянство вело против «военного коммунизма» и которую оно все-таки выиграло. Нужно было очень веское обстоятельство, чтобы отступил страх перед Тамбовом и Кронштадтом. Видимо, еще больший страх. Какой? Опасение потерять власть? Но ведь к этому времени всякая организованная оппозиция (монархисты, кадеты, эсеры, меньшевики) была почти полностью сломлена, а без организации антисоветские настроения серьезной угрозы не представляли. К тому же для тех, кто стремился любой ценой удержать бразды правления, опаснее всего мог бы стать как раз отказ от нэпа, способный толкнуть значительную часть населения, особенно зажиточных крестьян, на борьбу с властью.

Чтобы разобраться во всем этом, следует вспомнить о том, каким было экономическое положение СССР к концу 20-х годов. Может показаться, что такое напоминание излишне: в сотнях книг об этом говорится достаточно подробно. Боюсь, однако, что многие специалисты очень неточно оценивают тогдашнюю ситуацию. Дело в том, что экономическая информация уже в 20-е годы была не совсем верной. Конечно, столь грубых, больше того, наглых искажений, как в последующие годы, в ту пору не было. И в ЦСУ, и в других экономических органах, где велась статистика, работали чаще всего квалифицированные, честные люди. Но тенденция к приукрашиванию действительности наметилась уже тогда.

В 1926 году Ф. Дзержинский охарактеризовал отчетность промышленных трестов как «фантастику, квалифицированное вранье». «При этой системе выходит так, что ты можешь врать сколько угодно»,— замечал он. Наряду с работниками предприятий свой вклад в это «квалифицированное вранье» внесли на начальной стадии нэпа и работники ЦСУ. Они, например, умудрились без всяких объяснений за один год «исправить» свои прежние данные таким образом, что объем промышленной продукции в 1920 году составил по отношению к 1913 году 30, а не 20%, как получалось ранее (с тех пор новая цифра вошла во все статистические справочники). Как показали последующие расчеты, проводимые по общепринятым в мировой статистике методам в Конъюнктурном институте (КИ) Наркомфина СССР под руководством Я. Герчука,

Перед открытием водочного магазина «Госспирта»

первоначальная цифра была верной...

Только неудовлетворительным состоянием нашей статистики в то время можно объяснить то, что одну из важнейших задач, стоящих перед хозяйством, Н. Бухарин в 1928 году в статье «Заметки экономиста» сформулировал так: «Мы должны научно поставить дело нашего статистического учета».

* * *

Итак, начнем анализ экономического положения СССР в 1928 году. Национальный доход, судя по нашим справочникам, вырос по сравнению с дореволюционным временем на 19%. Учитывая, что в 1913 году Россия далеко (в 3—4 раза) отставала по уровню национального дохода от США, даже и этот рост нельзя было счесть обнадеживающим, тем более что национальные доходы развитых капиталистических стран выросли за эти годы значительно больше (например, США — в 1,3 раза). Но реальное положение по этому ключевому показателю было намного хуже. Расчеты крупнейшего русского экономиста С. Прокоповича, советского экономиста А. Никольского, Госплана СССР и расчеты, сделанные в 80-е годы американским экономистом Фэлкусом, дают один и тот же результат: национальный доход дореволюционной России составлял в ценах 1913 года 14,5—15 миллиардов рублей. В 1927—1928 годах индекс розничных цен вырос по сравнению с 1913 годом примерно в 2 раза, а строительный индекс, определяющий величину фонда накопления, еще больше — в 2,45 раза. С учетом долей фонда накопления и потребления в 1928 году получаем общий индекс цен для пересчета национального дохода — 2,07. Следовательно объем национального дохода дореволюционной России в ценах 1928 года составил 30 миллиардов рублей. Национальный же доход СССР в 1928 году в текущих ценах равнялся 26,4 миллиарда рублей. Таким образом, национальный доход оказался на 12% ниже уровня 1913 года. Душевое производство, с учетом роста населения на 5%, уменьшилось на 17% [1].

Экономическая ситуация в свете такой оценки выглядит намного хуже, чем это представлялось в конце 20-х годов нашими статистиками. Ясно, что уровень жизни трудящихся в 1928 году был гораздо ниже, чем в 1913 году, несмотря на некоторое перераспределение национального дохода в их пользу (ликвидация помещиков и крупной буржуазии во многом компенсировалась ростом бюрократического аппарата). Рабочие и крестьяне не разбирались в тонкостях статистики, но они хорошо помнили дореволюционный уровень жизни, и это сказывалось на общественном настроении. Ухудшилась обеспеченность жильем, так как при той же численности городского населения объем жилого фонда уменьшился примерно на 20%. Меньше, чем до революции, можно было выделить и на нужды накопления (и в 1913, и в 1928 годах в фонд накопления шло 15% созданного национального дохода). Следует иметь в виду и то, что в 1913 году к внутренним источникам накопления добавлялись немалые внешние, чего в 1928 году не было. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

Уточнение величины национального дохода позволяет по-новому определить и динамику производительности труда Можно полагать, что занятость в народном хозяйстве росла примерно пропорционально росту населения. В этом случае годовая производительность труда снизилась на 17% по сравнению с 1913 годом. Частично это связано с уменьшением продолжительности рабочего дня (но только в несельскохозяйственном секторе, занимавшем тогда небольшой удельный вес в общей численности занятых). Заметно выросла по сравнению с 1913 годом материалоемкость продукции. В то время как объем национального дохода, как мы уже знаем, снизился на 12%, потребление топлива сохранилось на уровне 1913 года, а потребление древесины превысило этот уровень примерно на 10% (топливо и лесоматериалы являлись основными продуктами добывающей промышленности).

[1] Впервые в советской литературе, насколько мне удалось установить, ошибку в расчетах ЦСУ отметил Альб. Вайнштейн в своей книге «Национальный доход России и СССР» (М., 1929), но его оценка (29 миллиардов рублей) несколько отличается от моей. Оценка Альб. Вайнштейна практически осталась незамеченной советскими экономистами.

Дом кооперации на проспекте 25 Октября (ныне Невский проспект, 3)

По официальным данным, основные производственные фонды выросли в 1928 году по сравнению с 1913 годом на 30%. Учитывая разрушения периода гражданской войны и почти полное прекращение капитального строительства в 1917—1925 годах, такой рост нельзя считать реальным. Экономист С. Г. Струмилин полагает, что стоимость промышленно-производственных фондов с учетом износа сократилась к началу 1924 года примерно на 10%. В 1924—1927 годах это имущество аыросло примерно на 20%, так что рост по сравнению с 1913 годом можно оценить в размере 10%. Примерно так же (по нашим подсчетам, на 13%) выросли и все основные производственные фонды. Фондоотдача в народном хозяйстве снизилась примерно на 25% — катастрофическое падение!

* * *

Тем, кто читал газеты или, скажем, художественные произведения того периода, особенно сатирические, вывод о низкой эффективности зкономики в конце 20-х годов не покажется неожиданным. В них приводится огромное количество примеров вопиющей бесхозяйстаенности во всех отраслях. На этом фоне стремительный темп экономического роста а 20-е годы не должен вызывать удивление. Ведь речь шла о восстаноаительном периоде. При наличии резерва производственных мощностей достаточно накормить город, чтобы на промышленные, транспортные, строительные предприятия потекли работающие. Именно это и произошло, когда была отменена продразверстка и у крестьян появилась заинтересованность в увеличении производства. Нет сомнения, что переход предприятий общественного сектора на хозрасчет также содействовал повышению эффективности производства, но и это неудивительно, если принять во внимание крайне низкий исходный уровень эффективности периода «военного коммунизма».

По мере приближения к дореволюционному уровню рост производительности труда замедлился. Его относительно высокие темпы в 1926—1928 годах были результатом далеко еще не оконченного восстановительного периода, чего не заметили многие наши экономисты и историки, введенные в заблуждение ложной статистикой. О том, сколь аелики были резервы восстановительного периода, говорит хотя бы пример из черной металлургии: в 1928 году выплавка чугуна составила лишь 75% дореволюционного уровня, который был превзойден только в 1930 году.

Причины относительно низкой эффективности советской экономики (прежде всего ее общественного сектора) в конце 20-х годов достаточно очевидны. Это прежде всего бюрократические препоны на пути развития производства. Безусловно, они были меньше, чем при «военном коммунизме» или в 30 — 80-х годах, но все же значительны. Предприятия не могли самостоятельно решать самые простые вопросы: например, списание лошади продолжалось 6 месяцев, для слома плохой уборной стоимостью 5 рублей нужен был декрет ВСНХ... Непомерно раздутые штаты, отчетность, словом, весь букет прелестей бюрократизма был налицо. Намного снизилось качество управленческих решений. Среди членов правления промышленных трестов велика была доля рабочих, основная часть которых (94,8%) имели лишь начальное образование. Присущий многим из них знтузиазм не мог возместить низкого профессионального и образовательного уровня. Многие опытные руководители производства погибли в гражданскую войну или эмигрировали.

Высшие государственные и хозяйственные органы были, конечно, пучше обеспечены кадрами. Но и там качество работы было очень далеко от иде-

Праздничный день на Масляном лугу (ныне ЦПКиО им. С. М. Кирова)

ального. Отсутствие последовательности, импровизация, а часто и просто неразбериха были характерными признаками их деятельности. Достаточно прочитать письмо, написанное Ф. Дзержинским незадолго до своей смерти В. Куйбышеву, где обо всем этом говорится с полной ясностью. Мы околеваем — вот вывод, к которому приходит Дзержинский. А ведь в то время положение продолжало ухудшаться. За один год умерли или были устранены с руководящих должностей такие сильные хозяйственные руководители, как Красин и Сокольников. Пришедшие вместо них (и Дзержинского) Куйбышев, Микоян и Брюханов стояли много ниже по деловым качествам.

В результате гражданской войны снизился уровень квалификации рабочих, место старых и опытных, которых уносили война, голод и болезни, заняли недавно пришедшие из деревни. В сельском хозяйстве ощутимо сказывалась ликвидация в период «военного коммунизма» многих высокоэффективных хозяйств, принадлежавших помещикам и зажиточным крестьянам. Созданные часто на их месте совхозы и колхозы оказались малоэффективными. Потери периода гражданской войны и эмиграции тяжело сказывались на научно-техническом прогрессе.

Из-за низкой эффективности экономики крайне ограниченными оказались финансовые ресурсы для расширения производства. С. Г. Струмилин в конце 20-х годов сравнил рентабельность советской экономики с дореволюционной. Результаты анализа оказались обескураживающими. По отношению к основным фондам в 1913 году рентабельность промышленности составила 19,7%, в 1928 году — 10,9%. В индивидуальном сельском хозяйстве учет прибылей и убытков не осуществлялся. Однако ясно, что бедняки и наименее состоятельные середняки не имели возможности для накопления в сколько-нибудь ощутимых размерах — в прошлом основные фонды накапливались главным образом у помещиков и зажиточных крестьян.

Имевшихся финансовых ресурсов было совершенно недостаточно для существенного прогресса в экономике после завершения восстановительного периода.

Ключевое значение для перспектив развития советской экономики в конце 20-х годов имело определение возможностей роста основных производственных фондов. При тогдашнем малоэффективном хозяйственном механизме трудно было надеяться на существенное повышение эффективности их использования, так что вся надежда была на крупный рост. Наши плановики, избавившиеся к этому времени от многих «нытиков и маловеров» из среды старых специалистов, были на сей счет настроены оптимистически (казенный оптимизм сопутствовал им и последующие 60 лет). Они обещали рост основных фондов в первой пятилетке на гигантскую величину: 66% по отправному и 82% по оптимальному варианту. Всего за пять лет планировалось построить почти столько, сколько дореволюционной России удалось сделать за многовековую свою историю. Такое чудо на бумаге достигалось прежде всего благодаря ничем не обоснованным надеждам на огромное повышение эффективности производства.

Реальные возможности роста основных фондов были несравненно скромнее. Довольно большой (хотя и значительно меньше проектировавшегося) рост, объявленный в конце восстановительного периода — 3—4%,— был во многом результатом статистических ошибок и носил иллюзорный характер. Не стану останавливаться на деталях и конкретных цифрах: они малоинтересны неспециалисту. Суть в том, что серьезно недооценивались как стоимость основных фондов, так и размеры их выбытия и износа. Поэтому данные о накоплении основных фондов (около 3,7 миллиарда рублей) преувеличивались как минимум на 1 миллиард (с учетом необобществленного фонда). Оставалось 2,7 миллиарда рублей, которые давали довольно скромный годовой рост основных фондов — 2,7%, или 10—12% за пятилетие. Это был максимум того, что могло дать наше народное хозяйство. Вряд ли больше мог расти и национальный доход. На душу населения, следовательно, вообще никакого роста не было, ибо среднегодовой рост населения в конце 20-х годов составлял те же два процента.

В формовочных мастерских

Отвлечемся от всегда спорных стоимостных показателей. Возьмем грубую натуру. Картина оказывается еще хуже. По многим видам промышленного оборудования (например, паросиловому, текстильному) текущего отечественного производства и импорта не хватало даже для возмещения их выбытия, не то что роста.

Таким образом объективно складывалась ситуация застоя. К концу пятилетки национальный доход СССР мог составить лишь 12—15% национального дохода США, в то время как в 1913 году доля России составляла 25%. Еще хуже складывалось положение в новейших отраслях промышленности: электроэнергетике, производстве химических продуктов, автомобиле- и тракторостроении. Здесь намечалось отставание в десятки раз.

Перед взором партийного и государственного руководства в конце 20-х годов вырисовывалась перспектива экономической стагнации и военного бессилия с неизбежными рано или поздно внутренним социальным взрывом или поражением в войне. Не знаю, имело ли тогдашнее руководство вполне правдивую информацию о положении в экономике страны. (Скорее всего, имело. Тогда еще было немало прекрасных экономистов и внутри страны, и в эмиграции.) Но оно знало цену нашей статистике и верило не благополучным цифрам в рублях, а грубой натуре. Длинные очереди в городах, «хлебные забастовки» в деревнях и аварии в промышленности недвусмысленно говорили о кризисном состоянии дел в экономике.

Работы, написанные Н. Бухариным в 1927—1928 годах, свидетельствуют о том, что он в полной мере видел сложность реконструктивного периода и низкую эффективность советской экономики. Много правильного говорилось им и о путях выхода из этих трудностей: повышение культурного уровня всего населения, расширение инициативы трудящихся и предприятий, большая роль статистики, науки и т. д. Однако «план Бухарина» скорее указывал на то, **что** надо делать, чем **как** делать. Бухарин не был готов к коренным изменениям сложившейся модели государственного и хозяйственного строительства, он скорее призывал к частичным (хотя и крупным) реформам, которые даже при условии своего осуществления (что в тех условиях было делом крайне сложным) не давали уверенности в резком и быстром повышении эффективности производства и решении проблемы накопления. Думаю, именно этим объясняется то, что большинство членов Политбюро и ЦК в конце концов приняло сторону Сталина.

• • •

Партийному и государственному руководству СССР в конце 20-х годов пришлось решать проблемы, оставленные ему в наследство предшествующим периодом. К экономической и культурной отсталости дореволюционной России добавились огромные материальные, людские и культурные потери периода гражданской войны, уход в эмиграцию значительной части русской интеллигенции. Принятый в конце 20-х годов курс был следствием отнюдь не только авторитарных наклонностей тогдашнего руководства. Он был еще и актом отчаяния людей, поставленных перед жестоким выбором: медленная агония или попытка вырваться из отсталости ценой небывалых жертв. После некоторых колебаний руководство выбрало второй вариант.

Напомню, что этот выбор вовсе не являлся неожиданностью. В общих чертах он был представлен еще в 1924 году Е. Преображенским, который видел, что самая сложная проблема возникнет в конце восстановительного периода при решении проблемы источников накопления. Не обольщаясь эффективностью общественного сектора и возможностью притока иностранного капитала (который он считал нежелательным из-за его влияния на на-

Коммерческий ресторан гостиницы «Европейская». В номерах

родные массы), Е. Преображенский рассчитывал в основном на перекачку средств из «несоциалистического» сектора — главным образом из сельского хозяйства.

Уже в год «великого перелома» (1929) стало ясно, что на путях отказа от нэпа гораздо легче решить проблему накопления. И. Сталин в статье «Год великого перелома» торжествующе приводил данные о росте объема капитальных вложений в крупную промышленность с 1,6 миллиарда рублей в 1928 году до 3,4 миллиарда в 1929 году, или более чем в 2 раза. Даже с учетом немалого (не менее 20%) скрытого роста цен результат казался поразительным. Легче стало решать проблему строительных рабочих. Часть из них составили репрессированные, другую часть — бежавшие от непосильных поборов крестьяне. В 1,5 раза за год выросла вывозка древесины. Это позволило обеспечить прирост строительных работ и почти в 2 раза увеличить экспорт, который имел ключевое значение для индустриализации. Кто добывал лес? Те же заключенные и подневольные крестьяне, которых насильно загоняли на лесозаготовки.

Выскажу предположение: раскаяние Бухарина и его сторонников в конце 1929 года явилось результатом не только давления партийного аппарата. Думаю, что на них действительно произвело огромное впечатление «благополучное» (пусть и с жертвами, какая же революция без жертв, зато без нового Кронштадта и Тамбова) решение проблемы финансирования накопления. Не так уж лукавил Бухарин и в своем предсмертном письме, заявляя, что 7 лет (то есть с 1929 года) у него не было никаких политических разногласий со Сталиным. Другое дело, что после первой пятилетки, когда основы тяжелой промышленности были созданы, Бухарин счел возможной «оттепель» в экономике и политике.

Выходит, предотвратить гибель нэпа и победу Административной Системы было невозможно? Думаю, для конца 20-х годов это так. Последний шанс для других решений был упущен, мне кажется, в начале 20-х годов. Верно, он уже и тогда был невелик, но все же... Крах «военного коммунизма» вызвал такое идеологическое потрясение в партии и обществе, что вполне вероятной становилась попытка коренного пересмотра понятия «социализм». Однако, как это часто повторялось впоследствии, до радикальных перемен дело не дошло. Сделав первые крупные шаги по изменению хозяйственного и общественного механизма (отмена продразверстки, введение свободной торговли, перевод части промышленности на хозрасчет, ограничение роли ВЧК и частичное восстановление законности и правопорядка), руководители партии и государства решили, что дальнейшее движение в этом направлении грозит гибелью созданной ими системе. И вот уже на XI съезде РКП(б) торжественно объявляется: отступление окончено. Да и зачем, скажите, еще отступать, когда непосредственная опасность устранена, крестьянские мятежи прекращены и сельское хозяйство начинает возрождаться?

Провозглашенный лозунг подкреплялся делами. На Генуэзской конференции вопреки позиции ряда делегатов от РСФСР (Красина, Чичерина, Литвинова) советская делегация отказывается от соглашения с западными державами по вопросу о долгах России. Соглашение являлось условием предоставления Советской России займов, которые были жизненно необходимы для возрождения ее экономики. В конце 1922 года отклоняется предложение даже о частичном ослаблении монополии внешней торговли, которая явилась серьезнейшим препятствием на пути расширения внешнеэкономических связей (Бухарин называл ее «главзапором»).

Наряду с экономическими решениями, идущими вразрез с самой идеей нэпа, можно отметить такие политические события 1922 года, как суд над руководителями партии правых эсеров и высылка за границу около 200 крупнейших представителей русской интеллигенции. Все это доказывало, что коренных изменений в системе однопар-

Раздача обеда в студенческой коммуне

тийной диктатуры в Советской России не предвидится.

В партии были тогда голоса, требующие более глубоких перемен. Накануне Генуи Г. Чичерин предлагал ввести дополнения в конституцию, дающие избирательные права тем, кто ранее был их лишен. Но его предложение даже не рассматривалось. В. Осинский на X партконференции летом 1921 года высказался в пользу создания крестьянской партии. А. Мясников тем же летом предлагал свободу печати от монархистов до анархистов. На XII съезде партии К. Радек и Л. Красин говорили о необходимости дополнить крестьянский нэп внешнеэкономическим нэпом. Все это категорически отвергалось.

Конечно, в этих предложениях был известный риск. Страсти, разожженные гражданской войной, были слишком сильны и свежи в памяти большевиков, чтобы они легко могли пойти на создание единого социалистического фронта с меньшевиками и эсерами, необходимого для демократической борьбы с антисоциалистическими силами. Казалось немыслимым и даже постыдным победителям в гражданской войне идти на поклон к побежденным. И, разумеется, это потребовало бы коренных реформ самой Коммунистической партии, которая родилась и жила в непрерывной борьбе с другими социалистическими течениями. Именно поэтому я назвал шанс 1922 года малым. Потребовалось много десятилетий, чтобы началось осознание того, о чем говорил еще в 1924 году Б. Пильняк: коммунисты для России, а не наоборот.

* * *

Советская экономика 20-х годов представляла собой причудливое сплетение рыночных и административных методов управления. Можно понять, когда наши экономисты в поисках примера для подражания обращаются к той эпохе и находят в ней столь милые их сердцу хозрасчетные формы хозяйствования. Но при этом упускается из виду, что Административная Система 30—50-х годов создавалась не на голом месте. Правда, роль административного управления в период нэпа не оставалась неизменной: она то падала (1921—1923), то росла (1924—1928).

Нэп отнюдь не представляет собой, как это можно понять по некоторым работам советских экономистов и историков последнего времени, периода гармоничного и бескризисного развития. Напротив, он характеризуется почти непрерывным чередованием кризисов. Финансовый кризис весной 1922 года, кризис сбыта осенью 1923 года, товарный голод 1924 года, рост инфляционных тенденций и товарный голод конца 1925 года... Уже здесь, в начальный период нэпа, кризисы все больше подтачивали его устои.

Если первый удар по нэпу был нанесен в 1922 году отказом признать долги и ограничить монополию внешней торговли, то второй пришелся на осень 1923 года, когда под влиянием кризиса сбыта начали устанавливаться директивные цены на ряд предметов потребления. Чуждое рыночной экономике решение привело к товарному голоду 1924 года, но так и не было отменено, став элементом управления экономикой.

Бесспорно, крупнейшим достижением первого этапа нэпа явилось создание твердой валюты — червонца, свободно обмениваемого населением и предприятиями на иностранную валюту. Создание твердой валюты стало одной из важнейших предпосылок возрождения советской экономики. Но редко кто вспоминает, что эта твердая валюта продержалась не больше двух лет. Слабыми местами червонца были малая величина золотого запаса, составлявшая лишь 1/7 дореволюционного, нереальный валютный курс и низкий уровень советского экспорта. Стоило только положительному сальдо торгового баланса под влиянием невыполнения нереальных плановых заданий на 1925 год смениться на отрицательное, как вся денежная система зашаталась. Теряя золотой запас и не будучи способным получить помощь извне, Госбанк уже в начале 1926 года отказался от обмена советских денег на иностранную валюту.

Не нужно долго доказывать, что монополия внешней торговли, твердые цены, неконвертируемая валюта никак не вписываются в рыночную экономику. Ликвидация последней, как видим, стала результатом не единовременного акта, а ряда последовательных мероприятий, оставлявших от нэпа все меньше и меньше.

Последнюю попытку реанимировать нэп предприняли в 1925 году. Тогда были сняты многие ограничения на развитие крестьянского хозяйства, расширены политические права крестьян. Но стоило уменьшиться числу голосов, поданных за коммунистов на выборах в сельские Советы, как уже в начале 1926 года от этих «уступок» отказались. В том же 1925 году Н. Бухарин был осужден за лозунг «обогащайтесь».

В 1926—1927 годы нажим на частный сектор усиливался. Ведя борьбу с троцкистско-зиновьевской оппозицией, партия фактически принимала многие ее лозунги и предложения, касавшиеся перекачки средств из частного сектора на нужды индустриализации. Не стану приводить конкретные факты — они имеются в любой книге по истории этого периода. Хочу обратить внимание лишь на один, значение которого, по-моему, недооценивается. В условиях нехватки финансовых ресурсов летом 1927 года Советское государство впервые пошло на выпуск принудительных займов. (Кстати, и это предложение выдвигалось оппозицией.) Принудительные займы до этого выпускались только в период войны, теперь же они становились для советского бюджета нормой. Собственно говоря, именно тогда, в 1927 году, стало ясно, что достигнут потолок в извлечении финансовых ресурсов обычными методами. Кроме принудительных займов, пришлось прибегнуть к излишней эмиссии денег и заниженным ценам на сельскохозяйственную продукцию — все эти рычаги также были чужды нэпу.

Теоретически и тогда можно было еще попытаться возродить умирающий нэп, проводя мероприятия, от которых отказались в 1922—1923 годах. Именно это предлагали Н. Кондратьев, В. Базаров, В. Громан и их сторонники (речь часто шла о неонэпе). Но в партии они уже не имели сколько-нибудь сильной поддержки. Даже Н. Бухарин в 1927—1928 годах выдвигал предложения по наступлению на частный сектор. Он не протестовал ни против чрезвычайных мер в период хлебозаготовок в начале 1928 года, ни против шахтинского процесса, ни против бессудного «расстрела двадцати» летом 1927 года, окончательно убивших нэп.

* * *

Доказывать, что сталинизм — величайшее зло, слишком теперь простое дело, чтобы видеть в этом научную задачу. Гораздо плодотворнее (и сложнее) выявить его истоки. Это нужно не только для понимания прошлого, но и для предупреждения возможного будущего. Сталинизм все еще, к глубокому сожалению, является у нас возможностью вполне реальной. Значит, надо выявить его корни и постараться их подрубить.

Административная Система сложилась уже в годы гражданской войны, и, хотя в период нэпа сфера влияния этой системы, бесспорно, сузилась, она продолжала господствовать и в политике, и в духовной жизни, и, хотя и в меньшей степени, в экономике. Главной причиной неудачи нэпа, причиной его гибели как раз и явилось то обстоятельство, что демонтаж Административной Системы не был поставлен в начале 20-х годов в качестве первоочередной задачи. Отягощенный давлением Административной Системы, нэп не смог реализовать свои большие потенциальные возможности в экономике. Противоречивость и непоследовательность проводившихся тогда мер, непрерывные шараханья из стороны в сторону дезорганизовали экономику и внесли сумятицу в общественное сознание, породив у многих апатию.

Нет нужды доказывать (об этом часто говорится в нашей печати, было сказано и на Съезде народных депутатов), что и в наше время, после апреля 1985 года, мы страдаем все теми же болезнями: страхом перед коренным обновлением политических, экономических институтов, шараханьем в политике и экономике, отсутствием решимости в демонтаже Административной Системы. Думаю, решимости у нас сейчас даже намного меньше, чем в период нэпа. Нэп по сравнению с нынешней экономической системой выглядит поэтому верхом совершенства.

Исход от трусливого поведения в деле неотложных и радикальных реформ, боюсь, может оказаться таким же, как и в конце 20-х годов. Общество, не видя реальных плодов перестройки, разочаруется в ней, и этим воспользуется все еще мощная Административная Система, чтобы восстановить свои позиции и навязать нам новый вариант сталинизма. Нет сегодня более важной задачи, чем не допустить этого трагического конца. Именно поэтому так важны уроки гибели нэпа.

ЯПОНЦЫ В МОСКВЕ

Сергей ВОЛОВЕЦ   Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Посол Муто: точное знание позиций страны и точное информирование собственного правительства — вот основная задача посла.

НЕСКОЛЬКО КАДРОВ ИЗ ЖИЗНИ ЯПОНСКИХ ДИПЛОМАТОВ, ИХ ЖЕН И ДЕТЕЙ

Есть известное мнение: настоящии привилегированный класс в СССР — иностранцы. Они живут в особых домах, им Управление по обслуживанию дипломатического корпуса достает билеты в Большой театр, они не сталкиваются лицом к лицу с продовольственной проблемой и нашим ненавязчивым автосервисом. Так это или нет, мы решили проверить на примере японской дипломатической колонии в Москве. Почему японской? Япония — наш сосед, посольство этой страны — одно из самых многочисленных, наконец, интересно, как акклиматизируются у нас люди другой, не похожей на нашу, культуры.

В культурном центре японского посольства москвички овладевают четырехсотлетним искусством икебаны. Занятия проводят жены японских дипломатов.

Каллиграфия — не просто японский вариант чистописания — это высокое искусство. Нерисованный кисточкой и тушью иероглиф означает название новой эры в японском календаре с воцарением нового императора.

Первая встреча — с Чрезвычайным и Полномочным Послом Японии в СССР господином Тосиаки Муто, около двух лет возглавляющим посольство.

— *Муто-сан, зачем вообще нужны послы и многочисленные посольства в век необыкновенно развитых средств связи, позволяющих лидерам стран в любое время говорить напрямую?*

— Главная задача заключается в том, чтобы с абсолютной точностью донести до нашей страны советские позиции по очень разнообразным проблемам и так же точно донести до японского правительства точку зрения советского руководства. Проблем много, и ничто не заменит здесь опытного дипломата. В нашем посольстве довольно много сотрудников, и моя обязанность — наиболее эффективно организовать их работу.

— *Самое сильное впечатление за время работы в Москве?*

— За это время произошло немало событий, оставивших след в памяти. Однако очень ярко запомнилась мне встреча летом прошлого года бывшего премьер-министра Накасонэ с Генеральным секретарем Горбачевым, на которой я присутствовал. Более двух часов шла обстоятельная беседа о глобальных вопросах международной обстановки, а также о советско-японских отношениях, в том числе об остающемся нерешенным территориальном вопросе. Очень серьезные вещи перемежались хорошими шутками. Думаю, это были самые интересные политические переговоры, на которых мне пришлось присутствовать.

— *Впечатления от общения с советскими людьми?*

— Откровенно говоря, раньше мне казалось, что советские люди, особенно правительственные чиновники, авторитарны и некоммуникабельны. Но, работая в Москве, я изменил это мнение. Думаю, что причиной этому ваша перестройка. Общение перестало быть просто служебной необходимостью, оно стало приятным, разговоры — спокойными, чего не было раньше.

Рабочий день посла может длиться и до глубокой ночи. Но смена деятельности — тоже отдых, и сейчас Муто-сан покидает рабочий кабинет.

Неожиданным для меня было и то, как много советских людей знают японский язык. В прошлом году я вручал японский орден госпоже Иоффе-Львовой, много лет преподававшей японский язык в Советском Союзе. Она говорит на таком изысканном языке, каким уже не владеют молодые японцы.

— Как вы проводите свободное время, если оно у вас есть?

— Я поклонник классической музыки, поэтому часто хожу на концерты, балет, в оперу. Считаю большим преимуществом своей службы в Москве, что при очень невысокой цене за билеты могу наслаждаться великолепным балетом и музыкой.

Иногда в хорошую погоду я провожу выходные дни на посольской даче под Москвой. Мой любимый вид спорта — гольф, и я рад, что в Москве недавно появилось поле для гольфа.

Я считаю первостепенно важным сегодня, чтобы японский и советский народы больше знали друг о друге. Советские средства массовой информации стали чаще непредубежденно освещать японскую действительность, и я надеюсь, что так будет и впредь. Я вижу возможность огромного увеличения числа японских туристов в Советский Союз, особенно если будет создана инфраструктура для комфортабельных путешествий и отдыха не только в Москве, но и в таких вызывающих интерес у японцев регионах, как Грузия и Средняя Азия.

Во время визита в Японию в декабре прошлого года министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе была согласована двухгодичная программа культурных обменов между нашими странами. В соответствии с этой программой нынешней осенью в Москве пройдет Неделя Японии, мероприятия которой познакомят советских людей с культурой моей страны. Надеюсь, то, что мы покажем осенью, вызовет у вас интерес.

Из резиденции посла в тихом Калашном переулке едем на Серпуховской вал, где стоит не на самом лучшем месте с точки зрения ландшафта и экологии 16-этажный бетонный Ноев ковчег с представленным в нем населением чуть ли не всех государств мира. Дом как дом, никакой печати избранничества.

Правда, живут в нем иностранцы несравненно просторнее, чем мы. Экономический советник посольства Готаро Огава, в общем, доволен своим жильем в Москве. Он, жена и трое детей занимают пятикомнатную квартиру с общей площадью около 130 кв. метров. Здесь есть возможность для каждого члена семьи заниматься своими делами, не мешая друг другу. В том числе есть место для мольберта хозяина дома, решившего в Москве заняться живописью. Во всяком случае, эта квартира больше, чем та, в которой семья жила в Токио. А вообще, согласно официальной статистике, средняя площадь жилища японской семьи — 80 кв. метров.

Вообще разговоры с японцами после наших собственных, чтения нашей прессы, после нашего телевидения приносят на короткое время утешение и стимулируют национальную гордость. Ничуть не хотим ставить под сомнение искренность сотрудников посольства, говоривших с нами, но все они с видимой легкостью обходили темы бытовых неудобств и трудностей, присущих сегодняшней жизни нашей столицы. Понятно, что они касаются дипломатов в гораздо меньшей мере, чем нас с вами, но не будем забывать, что и закалка у нас другая.

Конечно, «Березка» сильно амортизирует трудности с пищей телесной. И духовную в виде билетов в театр достать проще и даже починить «Тойоту» или «Хонду» в автосервисе проще, чем «Жигули», но все-таки они делят с нами общий уровень жизни и быта. Во всех разговорах японцы выделяли позитивные стороны нашего национального характера: общительность, открытость, прочность семейных связей (наше упоминание о возможной другой оценке прочности семьи в СССР их мнения не изменило). Они высоко ценят, как и посол Муто, возможности приобщения к русской культуре и природе страны.

Еще раз повторяем, что у нас нет сомнений в искренности наших собеседников, просто, видимо, стоицизм — это основа японского характера, как и высшая степень вежливости, которая для японца, похоже, является частью истины.

В отличие от наших профессиональных дипломатов сотрудники японского посольства не учились в специальном учебном заведении, вроде нашего МГИМО. Как правило, это выпускники университетов — экономисты, политологи, филологи. Получив диплом университета, они вновь сдают экзамены для поступления на службу в дипломатическое ведомство. Затем следует медленное и трудное продвижение по ступеням служебной иерархии.

Мы спрашивали у многих из них об условиях работы. Например, когда и какой длительности предоставляется отпуск. Каждый раз получали очень неопределенный ответ. Суммируя, можно сказать, что отпуск зависит от успехов и что хорошим тоном считается не использовать его до конца, а появляться на службе на несколько дней раньше. Так что знаменитая японская эффективность и производительность и здесь несет с собой минусовую социальную компенсацию, которая, вероятно, не понравилась бы любому из нас.

— Не скучают ли японские дипломаты в Москве?

— Во-первых, некогда,— говорит второй секретарь посольства Акира Имамура — Наши отношения развиваются, и работы много. Во-вторых, большинство из нас находит, чем заняться и как развлечься в свободное время. Плавание, лыжи, коньки, теннис. Есть развлечения, вероятно, мало знакомые советским людям. Японцы, очень любящие пение, могут исполнять свои любимые песни или оперные партии в сопровождении специально сделанной на пленке записи, где именно эта партия пропущена для певца-любителя.

На этих страницах вы видите несколько кадров из жизни деятельного и симпатичного японского сообщества, живущего среди нас.

Ус[illegible]гость. [illegible]08 мал[illegible]понцев учат[illegible] собственной школе на [illegible] проспекте [illegible] этом [illegible] школы пос[illegible] еще неско[illegible]

Компьютер и помощник в работе и партнер во время отдыха. Он может сыграть за трех недостающих партнеров партию в бридж.

Но вечером иногда удается сыграть по всем правилам.

Готаро Огава берет уроки живописи. Творческое направление — реализм.

Младший в семье экономического советника Г. Огава помогает маме на кухне.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

РАЗРЕШИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ЖИТЬ!

Сергей ЯКОВЛЕВ, публицист

Тип странника так характерен для России и так прекрасен.

Н. А. Бердяев.

Квалифицированный инженер работала несколько лет в НИИ под Москвой, имея прописку во Владимирской области. Администрация и профсоюз все обещали помочь с жильем. А тут нагрянула паспортная проверка. И те же самые начальники, что сулили квартиру, требуют уволиться в один день «по собственному», грозят вписать в трудовую книжку статью (какую — неведомо, но врожденный страх действует: подала заявление). Теперь вот ни работы, ни просвета впереди. Уехать? Но в Москве муж, у него комната (напополам с бывшей женой). Да и куда ехать человеку, промаявшемуся до сорока лет в общежитиях: родительского дома давно нет, а на новом месте не только жилья, но и прописки не получишь.

Так вот и бегают вдвоем с одной квартиры на другую, вздрагивая при каждом звонке в дверь. И не без оснований: ведь по существующим законам этой супружеской паре за «нарушение паспортного режима» грозит тюремный срок.

В молодости сгоряча ищешь конкретных виновников. Помню, лет десять назад приехал я с женой и ребенком в Новороссийск по распределению после аспирантуры. Был вроде бы со всех сторон защищен правами и не сомневался в своем завтрашнем дне. Это у них там, в «обществе без будущего», как сообщали наши газеты, молодежь не имеет ни работы, ни крыши над головой, а у нас... «У нас» крыши тоже не оказалось. И знаете, что больше всего меня тогда поразило? Что начальник, который должен был, по моим представлениям, не есть и не спать, пока не пристроит семью молодого специалиста, отправился вечером на концерт каких-то заезжих комиков. Мы тут под дождем на чемоданах, у него там улыбка до ушей...

С тех пор я, как любой гражданин, поседневно бываю в роли просителя, но такой отчетливой ярости, такого зримого образа врага уже не припоминаю. Со временем в душе укреплялся другой образ — бездушной машины, перемалывающей всех помимо чьей-то лично воли, без участия чьего-то злого умысла. Тут годятся разве что сравнения с фантазиями Ф. Кафки: есть в одном из его романов Канцелярия, от которой люди до самой смерти ждут ответов на свои прошения, и чудовищный Телефон, имитирующий доступность этой самой канцелярии и ее **заботу о людях**.

Считается, что такая забота нужна, полезна, что она, может быть, главное наше достижение. С последним спорить не буду. Но любопытно, что никто из наших прежних вождей на словах столько не пекся о народе, сколько Сталин,— чтобы убедиться в этом, достаточно перелистать томик его сочинений или старую газетную подшивку. Я не отношу это на счет его лицемерия. И парадокса тут нет: забота заведомо предполагает бесправную неимущую массу и немногочисленный клан избранных, владеющих всем общественным богатством и раздающих его по своему усмотрению. Чем глубже пропасть между властью и народом, тем, значит, крепче забота. Ее мера прямо пропорциональна мере произвола — вернее, она сама суть произвол.

Ни в одной цивилизованной стране люди не связывают с первым лицом в государстве («добрым царем») столько надежд, как у нас. В Западной Европе бесчисленные письменные прошения, жалобы, кляузы имели место разве что при абсолютизме. У нас их количество неизменно росло и теперь, видимо, достигло предела насыщения, но тем ужаснее призрак кафкинской Канцелярии, в которой все они исчезают без следа. Чувству правовой защищенности взяться пока неоткуда, а ощущение пресловутой заботы стремительно испаряется.

Мы все не можем выбрать, с чего начать: с исправления нравов насильственными средствами или со смягчения режима? Такая вот задача, по своей принципиальной неразрешимости (в рамках сложившейся системы) сравнимая разве что с нашими делами в экономике. Народ, видите ли, настолько неблагодарен и груб, что чуть дашь ему послабление — тут же надо вводить новые драконовские указы.

На самом деле решение, конечно, есть. Писатель Б. Травен в своем романе «Корабль мертвых» (написанном в 20-е годы) сопоставлял различные, как теперь говорят, модели управления и совсем не в шутку утверждал, что на пароходе, где капитан всего лишь по-человечески обходился с подчиненными, последние угольщики вели себя так, что их можно было пригласить на бал в любое посольство. А у меня в памяти совсем свежий пример из нашей действительности: многотысячный митинг в Таллинне весной этого года, праздничная манифестация прибалтийских народных фронтов — с флагами, факелами, песнями — и кого только там не было! Школьники и старики, мужчины и девушки; спокойные и тревожные, решительные и восторженные, но обязательно полные достоинства. И, представьте себе, ни одного милиционера на площади и прилегающих к ней улицах. Думаю, с достоинством это связано напрямую.

Пожалуй, от начала века, если не раньше, все революционное в России объединялось в ненависти к «обывателю». А ведь у «обывателя» в любые времена было одно бесценное свойство: он вопреки всем невозможностям изыскивал себе «экологические ниши», самим фактом своего существования утверждая приоритет личной жизни над бюрократической мечтой. Потому-то он был и остается главным врагом всех кузнецов организованного счастья. Стараясь закрепить личность в паспорте, родину — в прописке, они на деле лишают людей и того, и другого. Можно ли хранить верность очагу, которого нет, стране, которая от тебя отрекается? Ведь именно нищета, бесприютность, отсутствие быта выработали у нас ужасный тип не то дикого кочевника, не то наемника: человек не привязан душой ни к какому городу или клочку земли, ни к одному пейзажу, ему абсолютно безразлично, какую память о себе оставит он в том или ином равно чуждом ему месте. Последствия этого принудительного странничества — запущенные, обезображенные города, покинутые деревни, гибнущая природа и самое, конечно, страшное — обнищавшие материально и духовно, практически на все готовые люди.

...После того как страна осталась без мыла, после саперных лопаток в Тбилиси и появления на московских улицах дюжих молодцов с дубинками говорить о паспортах и прописке как-то даже неловко. Но речь, во-первых, не только об этом. А во-вторых, я почти готов согласиться с оратором, заявившим на одном специально кое-кем организованном митинге примерно следующее: «Не нужно нам никаких прав, кроме права любить и защищать свою Родину!» В самом деле, многим уже и любить-то нечего. Прежде всего каждому из нас нужно обрести родину, но не ту парадную, что пишется непременно с прописной буквы, а будничную — просто место, где можно начать хоть как-то жить.

ПО СЕРДЦУ МНЕ ОБЕ РОССИИ

Юрий АЗАРОВ, доктор педагогических наук

История Смольного института благородных девиц для меня интересна своими духовными преобразованиями — уж больно многое перекликается с сегодняшним днем. Тут и преодоление авторитарности, и, что крайне любопытно, «революция» сверху — при том же среднем звене, которое яростно сопротивляется, тормозит, мешает...

В конце пятидесятых годов прошлого века императрица Мария Александровна решила реорганизовать Смольный институт. Она подарила ему богатейшую коллекцию минералов, гербарии и физические инструменты, библиотеку. Было проведено обследование здоровья воспитанниц. В 1859 году лейб-медик Маркус представил отчет, в котором отмечал крайне неудовлетворительное состояние здоровья воспитанниц (искривление позвоночника, нарушение зрения, кишечно-желудочные заболевания). Ученицы страдают «оскудением крови», мало бывают на воздухе, много времени проводят за переписыванием тетрадей, вышиванием, зубрежкой.

Мария Александровна беседует с К. Д. Ушинским и в том же пятьдесят девятом году назначает его инспектором Смольного института.

Однако не по-доброму встретили здесь реформатора. Конфликт с первых дней, с первого часа.

Для примера два случая.

...Словесник Соболевский так учил русскому языку, что девицы делали ошибок в словах больше, чем было в них букв. А когда Соболевский еще и бросился подавать галоши инспектору, то Ушинский вырвал их у него со злостью и произнес:

— Лакей на кафедре — уже совсем неподходящее дело!

...Старов считался лучшим преподавателем литературы. Он вместо стихов Пушкина и Лермонтова декламировал девицам свои нелепые погребальные вирши.

— Кто из вас читал «Мертвые души»? Потрудитесь встать,— обратился Ушинский к воспитанницам.

Никто не двинулся с места.

— Это невозможно! Сударыня, вы читали? А вы? Но, может быть, что-нибудь другое читали из Гоголя? «Тараса Бульбу» знаете? Неужели и произведений Пушкина никто не читал? А Лермонтова? Грибоедова?

И Старов был уволен. А девицам, которые решили выступить в его защиту, Ушинский объяснил, что Старов совсем безграмотный человек, что одной доброты педагогу недостаточно, что настоящий учитель должен быть еще и прогрессивным, образованным, иметь специальные знания.

Я здесь ничего не придумал, я воспользовался воспоминаниями об Ушинском. Вдумайтесь, насколько точно воспроизведена обстановка 60-х годов, описанная в тургеневских романах, в сочинениях Писарева, Чернышевского.

Я далеко не случайно вышел на Чернышевского, на этого рыцаря духа, с которым так злобно расправился любимый нами Владимир Набоков. Вспомнил — и защемило в душе: вот они, несоединимые две великие России! Вот он, тот водораздел, который обратился в пропасть, куда рухнуло многое, в том числе и наши педагогические идеалы, выпестованные Царскосельским лицеем, Смольным, Тенишевским училищем! И как же, помню, порадовался, когда Бердяев в своем «Самопознании» отметил, что Чернышевский свято прав и человечен в своей проповеди свободы, что он оклеветан правыми кругами, что в нем есть столь необходимый сегодня аскетический момент и что он преподал нам урок высоких идеалов, преподал твердо, глубинно, чисто и высоконравственно. Вот эту духовную демократическую высоту, если можно так выразиться, привнес Ушинский в Смольный, и она не только жила в девичьих сердцах, она еще и как-то по-особенному светло повлияла на развитие русского Ренессанса, что еще никем, к сожалению, не исследовано. Нет, Смольный — не только прекрасные манеры, пелеринки, сентиментальные романы, мечты и слезы, хотя и это крайне важно для становления женской души. Смольный институт в пореформенный период — это рождение новой педагогики, когда мудро и целостно начинала формироваться человеческая душа, это напряженный труд, доскональное изучение иностранных языков, опыты в области естествознания, это большая работа по домоводству, музыке, искусству. Дня не хватало, воспитанницы занимались до поздней ночи, вставали рано утром, чтобы никто не заподозрил в лености. Они соревновались между собой в трудолюбии, в искусствах, в изяществе манер, лидерство было ценностным, и им дорожили. А путь к нему был сложен. «Если бы посторонний человек вошел ночью в дортуар,— пишет Водовозова,— когда над кроватями торчали головы воспитанниц, склоненные над книгами, когда здесь и там уныло мерцали огоньки огарков, он мог бы подумать, что попал в какую-нибудь капеллу, где богомолки молятся у гробов с мощами» (В. Н. Водовозова. На заре жизни. Т. 1, с. 531).

Помню, когда я, ссылаясь, в частности, на Царскосельский лицей (там учебные занятия длились десять часов: пять в первой половине дня, пять во второй, а затем уже всякие творческие самостоятельные занятия, то есть практически почти шестнадцать часов), предложил для нашей школы учебный план, где на общее образование отводил шесть-семь часов, а на художественное воспитание, спорт и труд еще три-четыре часа, хлынул поток писем: «Вы что же, каторгу для детей хотите организовать?!» Сейчас, знакомясь с практикой буржуазных школ, нахожу: нередко чем богаче семья, тем больше трудятся дети, тем шире и глубже их знания... Но крик наших чадолюбивых родителей был услышан и взят на вооружение фарисеями от педагогики. Фарисеями потому, что, ратуя на словах за гуманизм и социальную справедливость, на деле же игнорируют детей (чужих детей!) и утверждают неравенство в образовании, требуя селекции,— самим-то им крайне нужен сегодня и Царскосельский лицей, и Смольный институт, но лишь для собственных детей и детей номенклатуры.

Однако вернемся к Смольному. Против Ушинского все-таки восстали. Узнала об этом императрица. Она посетила институт и в присутствии всех долго беседовала с Ушинским, давая понять, что по-прежнему благосклонна к реформатору. Но это ему не помогло.

И в заключение один крохотный факт. Когда я проводил эксперимент по проблемам гармонического развития в семидесяти девяти рижских школах, мне рассказали об одной девочке, которая в сочинении написала о своей бабушке, бывшей фрейлине. Ирочка, так звали девочку, восхищалась бабушкой: после революции у той было конфисковано все имущество, она бедствовала и голодала, потом вступила в колхоз, трудилась разнорабочей, но сумела дать матери Иры высшее образование. Бабушка была самым светлым человеком в жизни рижской ученицы. Она была настоящей интеллигенткой. Так писала Ира лет десять тому назад. Не помню точно, была ли ее бабушка воспитанницей Смольного института благородных девиц. Кажется, была...

МЕМУАРЫ

Олег ВОЛКОВ

РАССАДНИК БЛАГОНРАВИЯ И ПОЛИТЕСОВ

Если смутно, как в тумане, помнится мне парадный вход, торжественный вестибюль с монументальным швейцаром, устланные ковром ступени величественной лестницы, то этот зал... Словно был в нем вчера! Вот только убрать ряды кресел да снять со стены портрет в красной раме — и все станет, как три четверти века назад.

Этот зал, предназначенный для разного рода торжеств и называвшийся актовым, по четвергам, воскресеньям и в праздничные дни служил приемной, где происходили свидания воспитанниц Смольного института с родственниками. По всему помещению были расставлены круглые столы, за которыми сидели визитеры. Институток из внутренних покоев приводили классные дамы, под чьим бдительным оком они подсаживались к своим гостям. Свидания вершились чинно, даже церемонно, разговаривали вполголоса — никаких экспансивных проявлений родственных чувств не допускалось.

Но что это был за цветник, что за парад туалетов, причесок, мундиров, сверкающего шитья! Не берусь описывать дамские наряды — глаза мальчугана по ним скользили не останавливаясь. Хорошо помню лишь модные тогда огромные шляпы с бантами, страусовыми или петушиными перьями, букетами цветов, чучелками райских птиц, с вуалетками.

Внушительнее всего выглядели, само собой, обер- и штаб-офицеры всех родов оружия. Мальчику моих лет было на что посмотреть, чему подивиться. Особенно бравый вид и вовсе не молодым военным придавали мундиры, выставлявшие широченную грудь, способную уместить целый иконостас блистающих орденов, жесткие стоячие воротники, шитые золотом, эполеты, эффектно мерцавшие при свете люстр... Пестроту и сверкание гвардейских мундиров оттеняли черные сюртуки моряков, выглядевших особенно строго и элегантно. Значительно реже попадались вицмундиры чиновников и лишь единично — визитки партикулярных лиц.

...В зале полно моих ровесников и молодых людей немного постарше. Все они, за редкими исключениями, вроде меня, мальчика в матроске, в черных мундирчиках с воротниками и обшлагами цвета, присвоенного их училищу или корпусу. Кадеты, гардемарины, пажи, юнкера одинаково коротко пострижены в отличие от лицеистов и правоведов, украшенных безукоризненным пробором. Нельзя даже вообразить, чтобы у кого-нибудь из них была челка или лежала на воротнике прядь волос!

Все эти молодые люди выучены кланяться, невыразимо изящно шаркая ножкой и почтительно склоняя голову. На стуле они сидят неглубоко, не теряя скромно-достойного вида и прямо-таки взлетают с места при подходе дамы. Умеют вставить в разговор несколько слов на не всегда безупречном французском языке. Большинство их пришло на правах кузенов очаровательных здешних затворниц. Классным дамам вменено в обязанность строго следить, чтобы под маркой родственника сюда не проникли посторонние кавалеры, любители пофлиртовать: благонравие и розовое целомудрие воспитанниц лежат в основе забот персонала института об их подопечных. Малейший просчет на этом фронте — подлинное ЧП, о котором ставятся в известность инспектрисы и попечительницы. Доходит и до высочайших особ...

От всего этого веет такой архаикой, все это таким «быльем поросло», что мне придется пояснить нынешнему читателю, какое чрезвычайное внимание уделялось в институте знанию воспитанницами придворного этикета, как заставляли их без конца репетировать реверансы и поклоны, повторять па торжественных менуэтов и полонезов, как вырабатывали у них подобающие осанку и походку! Разыгрывались сцены высочайших приемов с тем, чтобы будущие фрейлины не ударили лицом в грязь на предстоящих выходах. Здесь с младенческих лет усваивали надлежащую манеру держаться и поступать, отличавшую смолянок от питомиц всех других женских учебных заведений Российской империи. В состоятельных семьях почиталось удачей заполучить в дом гувернантку с дипломом этого уникального питомника благовоспитанных девиц, способных обратить в светскую особу любую Машутку! Мне всегда кажется, что в своей знаменитой картине «Приезд гувернантки» Перов изобразил именно смолянку...

Внукам и правнукам надлежит жить, как жили предки; их долг — соблюдать дедовские обычаи... Таковы были устои, на каких полтора столетия просуществовал Смольный институт. Чередовались поколения и царствования, менялись порядки, нравы и представления общества, но ничего этого не должно было проникать за стены Смольного института. Пусть уже давно учредились по российским городам высшие женские курсы и гимназии, Смольного это не касалось, он продолжал жить своей обособленной, отгороженной от перемен жизнью, по правилам, завещанным его великой основательницей. И в преподавании не допускалось никаких новшеств — оно очень долго велось на французском языке. Был, правда, короткий период в начале семидесятых годов XIX века, когда приглашенный ведать учебной частью выдающийся педагог-демократ К. Д. Ушинский добился некоторых реформ; однако покончить со схоластикой не удалось и ему.

Естественно, что в глазах поколения, входившего в жизнь в начале двадцатого века, питомицы Смольного института с их пелеринками, чопорностью и архаическими суждениями выглядели отжившими, безнадежно чуждыми современности. И начисто забывались былые заслуги института, учреждением которого в 1764 году был заложен первый камень женского образования в России. Более того, при суждении о детище Екатерины Второй упускалось из виду, что почти одновременно с «Воспитательным обществом благородных девиц» (как первоначально назывался Смольный институт) было открыто и помещено в том же Смольном монастыре «училище для малолетних девушек недворянского происхождения», называвшееся впоследствии Мещанским училищем, а еще позже — Александровским и дожившее, как и институт, до 1917 года.

Здесь уместно хотя бы коротко изложить некоторые данные об истории Смольного монастыря...

Подражая отцу — Петру Первому, основавшему в 1710 году Александро-Невскую лавру, Елизавета Петровна в 1748 году заложила Воскресенский Новодевичий монастырь на месте упраздненного склада смолы Морского ведомства на берегу Невы. Проект и строительство были поручены обер-архитектору императорского двора Франческо Бартоломео Растрелли, сыну скульптора Бартоломео Карло, автора конной статуи и скульптурного портрета царя. Отец с сыном приехали в Россию в 1716 году.

Ныне почитаются легендой сведения о том, что императрица затеяла строительство Смольного с тем, чтобы в конце жизни, передав бразды правления Петру Третьему, удалиться в монастырь и там провести остаток дней. В наш скептический век нелегко поверить в такое добровольное отречение от власти, однако одно обстоятельство позволяет заключить, что обитель едва ли предназначалась для простых смертных: все тут было замыслено на широкую ногу и осуществлялось с поистине царской роскошью. И снаружи, и изнутри постройки монастыря поражают своим великолепием, масштабами, отделкой и украшениями, отвечающими самым изысканным вкусам и привычкам, и менее всего ассоциируются с представлениями о посте, монашеских трудах и молитвах. Нельзя не вспомнить и о том, что при русском дворе того времени не могли не знать о морганатической супруге Людовика XIV маркизе Ментенон, удалившейся после смерти короля в учрежденный ею женский приют Сенсир монастырского типа. А французам тогда любили подражать...

Императрица умерла, когда Смольный был еще далек от завершения, и преемнице Елизаветы вовсе не улыбалось тратить огромные средства на не трогавшую ее затею тетушки. А тут вдобавок Семилетняя война, и казна почти совсем перестала финансировать строительство. Лишь во второй половине 1820-х годов был объявлен конкурс на проект достройки. Однако лучшие архитекторы С.-Петербурга заключили, что работа должна быть поручена Василию Петровичу Стасову. Им она и была доведена до конца в 1835 году.

Стасов, по его словам, представил проект, «основанный на мысли: чтобы докончить внутренность собора в возможной простоте, свойственной его форме и огромности, не изменяя нисколько величавых отверстий, гордых и щеголеватых массивов или опор: напротив, открыть в них сколько возможно более основную мысль строителя...».

Собор Смольного монастыря справедливо считается жемчужиной наследия Растрелли. Видевший его в 1830 году недостроенным Монферран писал:

«Незаконченная еще церковь Смольного, будучи приведена в состояние, в каком должна находиться, может считаться одним из красивейших христианских храмов. Прекрасное его положение, соразмерность огромных частей и удивительный вкус в их расположении поставляет в сем отношении оное здание наряду с храмами св. Петра в Риме, св. Павла в Лондоне и Инвалидным домом в Париже. Между тем памятник сей, украшение великого града, пребывает неизвестным внутри своих стен и еще недавно развалившиеся его вершины опечаливали любителей и друзей искусства».

Естественно, что монастырь с недостроенным собором нельзя было использовать по назначению, но окружающий его параллелограмм из двухэтажных корпусов с кельями мог служить иным целям. И когда в 1764 году Екатерина Вторая задумала учебное заведение для девиц благородного происхождения, его разместили в южном корпусе. Поскольку вовсе упразднить монастырь и тем самым нарушить волю Елизаветы Петровны сочли неудобным, было решено наскрести по другим обителям два десятка стариц «доброго поведения и честного жития» и поселить их в качестве прислуги для девиц-дворянок.

Спустя несколько месяцев после учреждения «Воспитательного общества» Екатерина распорядилась открыть особое училище для малолетних девушек недворянского происхождения. Туда набирали дочерей конюхов, солдат, лакеев, дьячков и прочей дворцовой челяди. Их готовили к «употреблению ко всем женским рукоделиям и работам, то есть шить, ткать, вязать, стряпать, чистить, мыть...». Отмечу штрих, характеризующий эпоху: выходя замуж за крепостного, выпускница тем самым обращала его в вольного человека; освобождались от крепостной зависимости и дети, рожденные от этого брака, так же как было предусмотрено для питомцев Академии художеств.

Очень скоро обнаружилось, насколько неудобны для размещения воспитанниц кельи несостоявшегося монастыря, и уже в 1765 году приступили к строительству специального здания. Оно примыкало снаружи к северной стене монастыря. Его возводил архитектор Юрий Фельтен, сын «обер-кухенмейстера» Петра Первого и помощник Растрелли по строительству Зимнего дворца. В работах этого архитектора сказывался отход от барочных традиций, проявлялись черты нового стиля, которому суждено было стать русским классицизмом, отражающим стремление к упрощению архитектурных форм. Полуциркульный фасад здания Фельтена оживлен самым скромным декором. Более декоративен выходящий на Неву фасад, украшенный портиком с четырьмя парами колонн.

Следует отметить удобство внутренней планировки фельтеновской постройки, оно настолько рационально, что ее и поныне используют по назначению: здесь размещены два факультета Ленинградского университета.

Значительно дольше воспитанниц Мещанского училища в кельях монастыря задержались «благородные» девицы. Им суждено было перейти в новое здание, возведенное знаменитым Кваренги, лишь в 1808 году. Зодчий поставил его с южной стороны монастырской ограды, на том месте, где находился хозяйственный двор монастыря. Таким образом, монастырское «ядро» Растрелли оказалось фланкированным с двух сторон зданиями, создающими в совокупности едва ли не самый примечательный архитектурный ансамбль Ленинграда. Упомянем, что Смольный собор был наименован «собором всех учебных заведений» — из-за своего местоположения в центре большого учебного комплекса: Мещанского училища и Смольного института.

Что представлял собой свод правил и обычаев, регламентировавших мелочи институтских будней, накладывавших свою печать на всю дальнейшую жизнь питомиц Смольного, исчерпывающе рисуют приводимые ниже подробности, почерпнутые мною из неопубликованных воспоминаний поныне здравствующей смолянки Екатерины Николаевны Х-ич, любезно предоставившей мне право ими воспользоваться.

Начинает мемуаристка рассказом о том, как, увидев в ведре для мусора выброшенный батон хлеба, она вспомнила не только пережитую блокаду, но и дальние годы детства:

«Мы, воспитанницы младших классов Смольного института, спускаемся парами в столовую. Подходим к столу, каждая к своему месту, но не садимся. Ждем. Когда все классы, от младших до старших, собрались; раздается звук камертона, а затем стройный хор девичьих голосов. Это молитва перед едой о хлебе насущном. Закончив ее, мы рассаживаемся за длинными столами; во главе стола сидит наша классная дама, она обедает вместе с нами, следит за тем, как мы сидим, не горбимся ли, не кладем ли локти на стол, не чавкаем ли, не болтаем ли во время еды.

Обед окончен. Прежде чем встать, наша воспитательница пробегает взглядом по столу: все ли закончили обед? Уже заметно легкое движение — сейчас все встанут, но нет! Оказывается, одна из девочек оставила на тарелке кусок хлеба, и, значит, вставать еще рано. Все ждут, пока она его доест.

Мы знали — возьми, сколько тебе нужно, оставлять нельзя. Ведь это хлеб, и нас научили его уважать.

Эта деталь моего детства вспомнилась мне очень четко, когда я смотрела на выброшенный в ведро батон...»

Выписываю еще несколько отрывков из воспоминаний Е. Н. Х-ич, из них видно, как строилось обучение, нацеленное на подготовку будущих домоводок и хозяек.

«Штопать я научилась — аккуратно и даже красиво — в младшем классе Смольного института на уроках труда. Многому нас научили на этих уроках постепенно, по мере нашего повзросления. Вначале — пришивать пуговицы, крючки, петли, кнопки; позднее — прометывать петли, пришивать воланы, правильно распределять сборки, выворотный шов, бельевой... А с вышиванием так: сперва крестиком какой-нибудь несложный орнамент одним цветом; позднее — многоцветно, подбирая тона, оттенки. А там и вышивка «ришелье» (ныне забытая) и, наконец, вышивка английской гладью.

И стряпать кушанья институток учили (тех, кто постарше). И стол накрывать красиво. И букеты составлять из цветов. И кройке, и шитью. А в самых старших классах — уходу за маленькими детьми. Учили на куклах (были тогда большие целлулоидные беби) — как пеленать, кормить, купать...

В то время программа была, конечно, не так обильна, как теперь. Но уж безупречно грамотными мы становились. И на двух языках — французском и немецком — в конечном счете говорили совершенно свободно. И как же это пригодилось в дальнейшей жизни!»

По тону рассказа об одежде и деталях туалета смолянок чувствуется, как строго регламентировалась эта сторона жизни в институте. Никакие десятилетия не выветрили из памяти впечатления от камлота — жесткой, слегка шершавой материи, из которой им шили платья с тугим, как корсет, лифом, застегивающимся спереди на крючки. Пришитая к лифу оборами юбка походила на стоячий колокол — длинный кринолин, закрывавший ноги до щиколоток и не доходивший до пола на 10—15 сантиметров. К коротким рукавам лифа подвязывались тесемочками рукавчики из белого мадаполама. Дополняли туалет пелеринки и передники из той же материи. Пелеринки с отложным воротничком завязывались бантом под подбородком; бант передника на спине помогали завязывать и расправлять подруги. Все это — рукавчики, пелеринки и передники — меняли дважды в неделю и носили слегка подкрахмаленным. Платья были темно-бордового цвета в младших классах, голубого в средних, зеленого в 3-м и 2-м и, наконец, светло-серого у выпускниц-первоклассниц.

Любопытны и прочие детали одежды, утвержденные раз и навсегда: карманчик на юбке с левой стороны для носового платка, менявшегося ежедневно. Чулки выдавались только белые и «довольно толстой вязки». Обувь из прюнели снабжалась вшитой сбоку резинкой. Спереди и сзади этих «очень удобных и легких», по отзыву мемуаристки, сапожков торчали забавные ушки из черной тесьмы — обуваясь, в них продевали палец и тянули. Излишне добавлять, что платья шили по индивидуальной мерке: она снималась приходившей в класс заведующей мастерской с каждой девочки. Помимо платья, у воспитанниц имелся ярко-красный халатик из теплой фланели: в него облачались, входя в дортуар и приступая к омовению — всесторонне и подробно отработанному ритуалу, причем дежурная по дортуару отмечала в особом журнале крестиком выполнение всех процедур до одной! Нянюшки подготавливали ведра с теплой водой, ковшики и тазы. За чистотой и гигиеной следили неукоснительно, вплоть до обязательного прочесывания волос частым гребнем. За приставленными для этого дела нянюшками наблюдали классные дамы. А раз в неделю воспитанниц водили в институтскую баню... Такими строгими многолетними мерами привычка к опрятности прививались смолянкам на всю жизнь.

Но, несмотря на жесточайшую регламентацию, атмосфера Смольного оставляла у питомиц доброе, благодарное чувство. Вот только «некрасивыми были наши зимние пальто,— сетует мемуаристка,— мы выглядели в них толстыми, неуклюжими медвежатами, с укутанными башлыком головами и в таких же некрасивых ботинках... Но зато зрелище сбора всех классов в Большом белом зале,— вспоминает она далее,— было поистине красивым: в своих многоцветных платьях, в белом оперении пелеринок, рукавчиков и передников, мы при появлении начальницы

института Веры Викторовны Азбелевой и инспектрисы Эмилии Александровны Вейнрейх приседали в глубоком реверансе и единым хором произносили по-французски слова приветствия. Они улыбались, кивали нам в ответ — обе одетые в строгие темно-синие платья».

Особенно любопытны подробности положения и роли в институте классных дам, тех, кто обеспечивал незыблемость и преемственность традиций Смольного. В отличие от нынешних классных руководителей — обычных учителей, назначаемых воспитателями отдельных групп или классов,— институтские классные дамы не преподавали никаких предметов, просто присутствовали на уроках. Сидя за своим столиком, они занимались рукоделием — вышивали или вязали, при этом зорко наблюдая за поведением учениц. И если какая-либо из девочек отвлекалась или сидела ссутулившись, достаточно было взгляда, чтобы виновная спохватилась и исправила промашку.

Кстати, правила поведения на уроках немало удивили бы наших современников. Пока учитель читал или объяснял, надо было держать руки за спиной. Это служило двум целям: во-первых, невольно распрямлялись плечи и не горбилась спина, во-вторых, исключались всякие отвлекающие внимание действия — бездумное черканье карандашом, разглядывание ногтей и т. п.

Свою главку о классных дамах Е. Н. Х-ич заключает следующим общим замечанием и оценкой:

«Итак, классная дама проводила с нами полностью весь день: вместе с нами завтракала, обедала и ужинала, вместе гуляла, вечером помогала готовить заданные уроки и обязательно проверяла их выполнение. На переменах, открыв в классе форточку, вместе с нами прогуливалась по залу, наблюдала за нашими играми, а иногда и сама в них включалась. В дни дежурств французской классной дамы мы весь день разговаривали только по-французски, в дежурство немецкой — только по-немецки, что и обеспечивало нам свободное владение двумя иностранными языками.

Как ни давно это было, а я и сегодня помню не только зрительно, но и по имени, отчеству и фамилии своих классных дам. Спасибо им за многие навыки хорошего поведения, которые они нам привили!»

Судя по цитируемым мною запискам, приемные дни были счастливейшими в размеренном и упорядоченном течении институтских будней — девочки успевали соскучиться по своим родным. Тут узнавались последние семейные новости, привносился дух домашности, визитеры извлекали привезенные подарки: конфеты, фрукты и всякие мелочи, на которые был дан заказ в предыдущее посещение. Само собой, тут же вручалась записка с перечнем требующегося к следующему приемному дню: заказывались ленты, перья «уточка», «секретки» — особого фасона рюмки (такого, как у подруги!) для макания кисти на уроках рисования. Но самый большой спрос был на бывшие тогда в моде картиночки с котятами, щенками, бабочками, цветами и пр. Этими картинками заклеивались концы цветной ленточки — у каждой девочки своего цвета,— которой листок промокательной бумаги прикреплялся к новой тетради...

Общая атмосфера института развивала в воспитанницах сентиментальность, некоторую экзальтацию, утрированную чувствительность, становившуюся чертой характера. В ходу было вышедшее ныне из употребления слово «обожание»: каждая младшая девочка выбирала себе среди старших институток «предмет обожания», идеал, перед которым благоговела и преклонялась; немое восхищение своим божком предполагало преданность, тайную ревность, восхищение. То был род детской влюбленности, вызванной потребностью отдать кому-то сердце, иметь образец для подражания. Обожаемая проявляла свое отношение к поклоннице мимолетным взглядом, снисходительным кивком головы. В ходу были маленькие подарки: собственноручно выполненный рисунок, вышитая закладка для книги, даже сочиненный в честь именинницы стишок. А если случалось получить встречное поздравление, его хранили как реликвию.

Эта сторона институтской жизни, отдающая утрировкой и сентиментальным жеманством, не мешала тому, что воспитанницы Смольного не ведали праздности, набирались в нем практических знаний, что помогало им в дальнейшей жизни, сталкивавшей их с житейскими трудностями. А внушенные с юных лет нравственные основания, соблюдение православных обрядов, постов, традиционные богослужения несомненно вырабатывали моральную стойкость. Навсегда оставались в памяти строгие посты перед испоедью и причастием, дни покаяния, когда прекращались занятия и запрещалось всякое чтение, кроме духовных книг. Все это подготавливало к встрече праздника, приносившего подлинную радость и просветление, ощущение братства и единения со всеми людьми.

Нельзя не упомянуть и об институтских балах и концертах, собиравших до германской войны полные залы молодежи из Лицея, Училища правоведения и военных. В военные годы балы были отменены, но концерты устраивались по-прежнему. Выступал институтский хор, воспитанницы декламировали стихи, играли на рояле. Ставились и балетные номера. Концерты посещало все институтское начальство, бывали и именитые гости. Исполнительницам аплодировали, им подносили цветы...

На уставе и порядках института для благородных девиц и его ровесника — Мещанского училища сказывалось влияние французских просветителей восемнадцатого века. То было время, когда широко распространилось учение Руссо, проповедовавшего воспитание «естественного человека», для успеха которого требовалось с младенчества изолировать ребенка от воздействия общественной среды; вот и был введен в устав «Воспитательного общества» пункт, лишающий родителей требовать свое дитя обратно до окончания курса обучения, рассчитанного на двенадцать лет. Для девушек создавалась тепличная обстановка, призванная образовать их для «украшения семейства и общества»...

1917 год поставил точку в летописи Смольного — привилегированного учебного заведения Российской империи — и открыл первую страницу истории Смольного — штаба Октябрьской революции, отвергавшей прежние устои и сулившей народам лучезарное будущее. Поставил не сразу: после февральской революции занятия в институте еще продолжались вплоть до летних каникул. По их окончании они больше не возобновлялись — с рассадником благонравия и политесов было покончено.

В короткие месяцы между крушением монархии и роспуском смолянок на летние вакации за стены института проникали отзвуки бурливших событий: девицы со страхом наблюдали из окон за дымами пожаров, за демонстрантами, стекавшимися к портику соседнего Таврического дворца, где витийствовали партийные ораторы; следили за пикетами кадетов и юнкеров, патрулировавших подступы к Смольному, переживали проникавшие к ним новости и слухи. Среди воспитанниц даже обнаружились разные симпатии: одни институтки носили под пелеринами белые бантики, обозначавшие их приверженность монархии, другие там же прятали красные...

В августе здание Смольного занял Петроградский Совет. Здесь еще жили в своих комнатах классные дамы и часть воспитанниц, не разъехавшихся по домам. Назначенному комендантом Смольного Павлу Дмитриевичу Малькову (впоследствии первому коменданту Московского Кремля), бывшему матросу и участнику революции 1905 года, было приказано очистить помещение от всех посторонних. Воспитанниц и персонал института вместе со всем их скарбом и документами погрузили на подводы и перевезли в Ксениевский институт на Конногвардейском бульваре (ныне Дворец труда на бульваре Профсоюзов). В помещении, где девичьи хоры возносили молитвы и исполняли гимны в честь монархов, гремели грозные клятвы «до основания разрушить старый мир». А когда в марте 1918 года правительство перебралось в Москву, в опустевшем Смольном разместились ведущие партийные организации города...

После всего пережитого страной с первых революционных месяцев треволнения той поры не выглядят чересчур драматичными. Они меркнут на фоне народных трагедий, бедствий, сопоставимых с самыми кровавыми страницами летописи истекших веков. И все-таки... Все-таки именно тогда началась новая эра а истории человечества: было покончено с «проклятым прошлым», прежние светильники были погашены, и предлежащий путь озарили сполохи революционных учений.

1987—1988 гг.

КРОССВОРД

1	2	3	4	5		6	7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41
42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55
56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69
70	71	72	73		74	75	76	77	78	79	80	81	82
83	84	85	86	87	88	89	90	91	92		93	94	95
	96	97	98	99	100	101	102	103	104	105	106		107
108	109	110		111	112	113	114	115	116	117	118	119	120
121	122	123	124	125	126	127	128	129		130	131	132	133
134	135	136	137	138	139	140	141	142	143	144	145	146	147
148	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	160	161
162	163	164	165	166	167	168	169	170	171	172	173	174	175
176	177	178	179	180	181	182	183	184	185	186	187	188	189

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1—5. Плод злаков. 6—11. Сладкое вещество, получаемое из крахмала. 10—13. Наказание, возмездие. 14—16. Глаз. 17—21. Награда. 21—24. Северо-атлантический союз. 23—27. Горный хребет в Венгрии. 28—30. Узкое отверстие, через которое можно пролезть. 30—37. Город в Сербии. 38—41. Мельчайшая частица химического элемента, сохраняющая его свойства. 42—44. Город в Японии, на острове Хонсю. 44—48. Древнегреческий инструмент, род свирели. 47—49. Жалящее насекомое. 49—50. Мера площади. 50—54. В период Великой французской революции министр внутренних дел в правительстве жирондистов. 56—60. Город в Московской области. 60—63. В России XV — XX веков натуральный налог с народов Сибири и Севера. 63—68. То же, что овчарня. 67—59. Зодиакальное созвездие. 70—73. Часть площади, ограниченная окружностью. 74—77. Столица союзной республики. 77—80. Одна из самых ярких звезд в северном полушарии. 79—82. Род морского нырка. 83—85. В Киргизской ССР сельская административно-территориальная единица. 84—86. Река, впадающая в озеро Балхаш. 88—91. Основная, главная мысль. 91—92. Советский исторический писатель. 93—95. Перешеек, соединяющий полуостров Малакка с Индокитаем. 96—98. Райцентр в Костромской области. 98—99. Приток реки Чулым. 100—103. Парусиновый навес. 103—105. Помещение для стрельбы. 105—106. В древнеегипетской мифологии бог солнца. 106—110. Положение в шахматной партии. 111—114. Орган защиты и нападения у пчел. 114—118. Водная оболочка Земли. 118—120. Археологическая культура поздней бронзы в западных районах УССР. 121—125. Основатель государства Цзинь в Китае. 126—129. Якобинец, сподвижник Робеспьера. 130—133. Немецкий философ, представитель неокантианства. 134—136. Вещество в газообразном состоянии. 136—140. Начальный отдел желудка жвачных животных. 140—144. Птица отряда голенастых. 144—147. Курорт в Крыму. 148—150. Город в ГДР. 150—152. Промежуток времени в геологической истории. 152—156. Представитель крупнейшего индейского народа Мексики. 156—158. Повар на корабле. 156—161. Цилиндрическая колонка горной породы, полученная путем бурения. 162—168. Советская художница, автор картины «Все выше!». 1934 год. 168—170. Государство в Центральной Бирме в XIV—XVII веках. 170—172. В шумерской мифологии — бог, покровитель города Урук. 172—175. Птица с пестрым оперением и веерообразным хохлом на голове. 176—178. Система условных обозначений. 176—180. Подарок. 180—183. Аристократический клан, правивший в Непале в 1846—1951 годах. 184—187. То же, что и нитка. 188—189. Настольная игра.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1—83. Сестра мужа. 2—109. Имя первой русской императрицы. 3—44. Садовое растение с крупными душистыми цветками. 4—98. Европейское государство. 5—46. Хищная птица. 7—49. Женское имя. 6—77. Выдающийся советский театральный режиссер. 9—116. Частное от деления одной величины на другую. 10—66. Сумчатый медведь. 11—39. Действие. 12—26. Название Волги у античных авторов. 13—69. Основная территориально-административная единица в МНР. 19—47. Город в Псковской области. 20—34. Река в Зап. Предкавказье, впадает в Азовское море. 33—61. Часть лица. 34—75. Венгерская трагическая актриса. 39—118. Прямокрылое всеядное насекомое. 40—94. Дикий осел. 44—58. Мера площади. 52—79. Прибор для определения скорости судна. 58—110. Окорок округлой формы, освобожденный от кости. 61—153. Русский советский писатель, автор повести «Огарки». 63—141. Грузинское народное массовое зрелище. 69—120. Мусульманский храм в Мекке. 77—129. Название города Кирова до 1934 года. 87—111. Трос для передачи тяговой силы. 89—140. Человек, который ловко ведет свои дела. 105—117. Тростниковая лодка Тура Хейердала. 107—133. Емкость. 108—148. Глава государства Ватикан. 110—136. Город во Франции. 111—152. Земноводное животное. 115—184. Орудие для ловли зверей. 118—187. Скопление льда, образовавшееся при замерзании прорвавшихся подземных вод. 119—188. Деревянное укрепление в пограничной полосе древнерусских княжеств. 122—163. Река в Латвии. 124—165. Город в Индии. 128—169. Советский биохимик, академик. 133—161. Правый приток Енисея. 134—176. Совокупность машин в хозяйстве. 136—178. Денежная единица ЮАР. 137—179. Прежнее название Улан-Батора. 144—186. Коренной житель автономной республики. 152—180. Многолетнее травянистое растение. 153—181. Река в центральноевропейской части СССР, левый приток Мокши. 154—182. Китайская императорская династия 618—907 гг. 155—183. Первая женщина. 157—185. Райцентр в Грузинской ССР. 163—177. Народ, живущий на юге КНР, в Лаосе и Вьетнаме. 175—189. Нота.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1—5. Галиос. 5—11. Острава. 12—13. Ля. 13—17. Яхонт. 17—22. Трувер. 23—29. Гуарани. 28—31. Нива. 30—32. Вал. 32—34. Лат. 34—37. Ткач. 38—42. Редис. 43—49. Копейка. 48—51. Каре. 52—53. Аз. 53—55. Зил. 55—57. Лак. 57—59. Кол. 59—81. Лев. 62—65. Анис. 66—68. Дао. 69—72. Соня. 72—73. Як. 73—75. Ком. 75—79. Мотор. 80—82. Бот. 85—87. Йод. 87—89. Дан. 88—90. Ану. 91—95. Офорт. 92—96. Форте. 97—100. Наиб. 100—102. Боб. 103—107. Тиран. 105—108. Ранг. 109—112. Арну. 111—114. Нуга. 115—118. Анжу. 117—120. Жуир. 118—123. Уиррал. 122—125. Ални. 125—128. Изба. 127—129. Бах. 130—133. Флот. 136—141. Вокзал. 139—142. Залп. 142—143. Па. 144—147. Теке. 148—150. Буг. 152—157. Лобиту. 156—159. Ай. 159—162. Йога. 161—164. Гауф. 164—170. Фуганок. 170—172. Кес. 173—176. Барк. 176—182. Каравай. 183—186. Алан. 187—186. Су. 188—190. Уяр. 189—192. Ярмо. 191—193. Мол.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1—105. Гладиатор. 2—13. Ея. 3—56. Лхаса. 4—28. Ион. 5—29. Они. 6—59. Ствол. 7—45. Трап. 8—85. Рулевой. 9—33. Ава. 10—62. Ветка. 11—49. Арка. 13—68. Ярило. 16—71. Никон. 23—52. Гре. 24—66. Уезд. 30—72. Воля. 35—77. Кант. 36—89. Арион. 37—55. Час. 45—73. Пек. 56—69. Ас. 57—84. Кон. 59—72. Ля. 61—109. Война. 65—102. Сруб. 66—116. Дофин. 69—134. Сотник. 75—98. Мое. 76—111. Один. 77—112. Табу. 79—143. Рубаха. 80—115. Бота. 82—146. Торжок. 84—120. Негр. 89—128. Нога. 92—159. Финлей. 94—133. Раут. 98—181. Аризона. 99—140. Инза. 100—170. Бублик. 103—158. Тафта. 108—148. Граб. 109—180. Анклав. 120—148. Раб. 122—178. Авгур. 123—166. Лонг. 126—182. Зебой. 128—171. Апте. 129—172. Хаус. 133—184. Тегал. 146—183. Коба. 148—176. Бук. 149—177. Уфа. 150—188. Гуру. 152—190. Лавр. 162—185. Ара. 164—187. Фас. 188—189. Гая. 169—192. Ойо.

Сдано в набор 20.06.89. Подписано к печати 12.07.89. А 00316. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 300 000 экз. Заказ № 954. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Если говорить серьезно, то клоунская фирма Вячеслава Полунина «Лицедеи» имеет мировую известность. Ведь именно Полунин и его труппа бросили клич клоунам, шутам, скоморохам всего мира возродить старинную традицию бродячих комедиантов. Именно «Лицедеи» стали закоперщиками международного «Каравана мира», который сегодня кочует по Европе из города в город, доказывая всему свету древнейшим искусством пантомимы и клоунады, что смех — одно из лучших средств, разрушающих стену отчужденности и недоверия.

Фото Юрия КОЗЫРЕВА

